

ISSN 0638—698X

СТОЛИЦА

Ноябрь № 5

1990 г. 95 коп.

СТОЛИЦА

КРАСНОЕ ПОХМЕЛЬЕ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

ВЕРНОЙ ДОРОГОЙ ИДЕЕ, ТОВАРИЩИ

ПЛАТФОРМА КПСС

ЛЕНИН

Влас ДОРОШЕВИЧ.

«СТЕНЬКО-РАЗИНЩИНА».

Виктор ПОДЗИРУК (46 лет) — член Верховного Совета СССР, полковник ВВС, кандидат военных наук. В армии 27 лет. Уже на I Съезде народных депутатов СССР выступил с резкой критикой существующих порядков в Советской Армии, высшего командования, политорганов. И выглядел куда убедительнее своих оппонентов с генеральскими звездами на погонах. Член Межрегиональной депутатской группы. Автор одного из альтернативных проектов военной реформы.

фото Ю. Штукина

Виктор ПОДЗИРУК:

ВОЕННАЯ РЕФОРМА КАК СРЕДСТВО ОТ ВОЕННОГО ПЕРЕВОРОТА

Разговоры вокруг того, возможен ли у нас военный переворот, не утихают. Благо пищи для них хватает: явное, видимое всем неблагополучие в армии, участие ее в акциях «подавления», устрашающие выступления с разных трибун некоторых наших генералов, странные маневры и учения — в самый неподходящий для того момент и в самых неподходящих местах.

Существует ли нет эта опасность военного переворота? На мой взгляд, сегодня такой опасности нет. Прежде всего потому, что офицерский корпус, который непосредственно связан с воинскими частями, просто не пойдет за генералитетом. Слишком велика дистанция, их разделяющая, — и в социальном, и во многих других отношениях. Недавно я был в некоторых частях, которые находились в состоянии так называемой трехчасовой готовности (по их поводу на заседании Верховного Совета СССР сделал запрос народный депутат Белозерцев), и летчики говорили мне открытым текстом: да, мы выполним приказ сесть в самолеты, но мы не поднимем машины в воздух. Больше того, уже есть случаи, когда экипажи отказывались перевозить десантников.

Беда армии сегодня в другом — из нее начинают уходить самые трезвомыслящие молодые офицеры, для которых невыносим разрыв между демократизацией общества и бесплодными разговорами о де-

мократизации в Вооруженных Силах страны. Любыми путями стараются снять погоны те, кто уверен в себе, кто знает, что сможет нормально работать (и хорошо зарабатывать!) на «гражданке». И если так пойдет дальше, то в армии останутся в основном другие — не способные и не умеющие трудиться. Равнодушные ко всему. Их и сегодня хватает, «отбывающих номер» в военной форме, у нас ведь уравниловка: и командир-бездельник, и работяга получают одинаковую зарплату.

И вот если равнодушные, неспособные составят большинство в армии, тогда потенциальная опасность военного переворота может стать реальностью. Правда, это сейчас начинают понимать многие, в том числе и в Верховном Совете СССР. Поэтому мы добиваемся правовых начал в управлении армией, МВД, КГБ...

Но законы могут работать только тогда, когда законодатели знают истинное положение дел. А тут, что называется, далеко не все в порядке. Вспомним хотя бы упомянутый депутатский запрос Белозерцева на сессии Верховного Совета СССР по поводу стягивания воинских частей к Москве, отмены отпусков у офицеров и т. д. Запрос был абсолютно справедливым, но ни председатель КГБ, ни министр обороны внятно на него не ответили.

Сначала Крючков сказал, что у

военной разведки нет данных о таких передвижениях. Но представители этой разведки есть в каждой части, они не могли не знать о передислокации войск и не могли не сообщить о них своему начальству. Тем более, что на следующий день маршал Язов заявил: перемещения частей были, но связаны они с учениями.

Впрочем, и министр обороны страны выглядел не очень убедительно. Например, в качестве подтверждения версии об учениях он продемонстрировал карту. Но я — офицер, и считаю, что карта в данном случае не аргумент. Что стоит ее нарисовать и пометить каким угодно числом? Любой военный, от прапорщика до маршала, знает, что план учений отрабатывается заранее — на год или на какой-то период года. Были ли осенние учения вокруг Москвы в плане или нет? Об этом министр народным депутатам не сказал.

Больше того, я знаю, что в полках военно-транспортной авиации, оснащенных тяжелыми самолетами, такие учения в конкретные сроки не предусматривались ни по плану, ни без плана.

И еще один момент. Если учения проводятся для отработки действий войск при нападении извне, то почему вокруг Москвы? Почему части выдвигались к столице, а не в сторону границ?

СТОЛИЦА

Ноябрь, № 5 1990 г.

Москва, 101425, ГСП, Москва, К-51, Петровка, 22

Телефон: 928-23-49
Телекс: 411700 MALPEK
Телефакс: 2002216 MALPEK
2002217 MALPEK

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:

Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Валерий КИЧИН
(зам. главного редактора)
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС
Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна.

Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о рекламе звоните по телефону: 928-83-40

Первая страница обложки — Б. Кустодиев. Большевик. 1920 (фрагмент). Государственная Третьяковская галерея.

В номере использованы:
плакат А. Алсита (1919) — с. 5, плакат М. Черемных и В. Дени (1920) — с. 42.
Центральный разворот — фото Ю. Штукина и Э. Кудрявцового.

Номер набран в типографии издательства «Известия» с участием творческого объединения «Интерпракс» советско-американского фонда «Культурная инициатива». Отпечатан на Ордене Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственного комитета СССР по печати 142300 Чехов Московской области зак. 2289

Номер подписан в печать 6.XI.90. Тираж 300 000. Цена 95 к. «Столица», 1990.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ

АКЦЕНТ

- 1 Виктор ПОДЗИРУК: военная реформа как средство от военного переворота
- 4 Генерал на страже
- 14 Кого слушается президент?
- 53 Политический террор в действии

МИФЫ

- 5 Красное похмелье (Ю. Бычков)

СИЛУЭТ

- 10 Сентиментальное путешествие с Николаем Рыжковым (В. Кисунько)
- 14 Охрана (А. Минкин)

ПРЕСС-МЫШЕЛОВКА

- 15 Говорящий архимандрит. Спасибо, Петруня! Премия.

СУД

- 16 Дело Осташвили: первый «фюрер» за решеткой
- 17 Депутат Белашов о еврейском вопросе

ВЛАСТЬ

- 20 Зачем создается Среднеазиатский тоталитарный округ? (Бек Ташмухамедов)
- 47 Кого будет защищать армия?

СИМВОЛЫ

- 23 «Звездочка наша прекрасная...» (М. Поздняев)

СТАТИСТИКА

- 27 Отражения

ВЕСЫ

- 28 Дрессированные люди (В. Басков)

ГОРОД

- 30 Проверка слуха. «Метрополь» — мертвое царство? (А. Ефимов)
- 34 Семейный врач городской элиты (Л. Зельцман)
- 37 Где комар нос точит?
- 48 Большое молоко (Е. Болдырева)

СТО ЛИЦ

- 32 Судьба играет человеком, а он играет на трубе
- 38 Бабушкин крест (Е. Салина)

СПЕЦХРАН

- 42 Влас ДОРОШЕВИЧ: Ленин — самое любопытное, что есть сейчас в Петрограде...

ЗВЕРИНЕЦ

- 50 Собачьи цены (Е. Болдырева)
- 52 Все живое. Спасенные от газовой камеры

ЗФИР

- 54 Как меня завербовали (А. Мальгин)
- 56 ТВ и радио в объединенной Германии

СВЕТСКАЯ ХРОНИКА

- 57

ОТТУДА

- 58 Советского кино больше нет (В. Кичин)

АРТ-САЛОН

- 63 Открытие рубрики. Андрей ДЕМЬКИН

10 «Наш человек» в Президентском совете

23 Деполитизация школы, отделение ее от государственного коммунизма — вопрос защиты детей

47 Маршал Дмитрий ЯЗОВ: я не знаю, что такое общечеловеческие ценности

Министр не смог ответить на такие вопросы, объяснить, что это было связано с экономической целесообразностью, исходя из условий базирования войск. Но даже если разобраться в этом, то остается непонятным, почему целый десантный полк прибыл в Москву «для подготовки к параду» гораздо раньше намеченного срока.

Однако я уверен, что и эти непонятные маневры не стоит связывать с намеками на военный переворот, хотя у людей они ассоциировались с февральскими событиями, когда шла подготовка к всесоюзному митингу, вокруг которого усиленно нагнетались страх и страсти. В те дни я побывал в Иванове, Ярославле, Владимире, сам участвовал в некоторых митингах и видел их организацию. Какие лозунги были главными? Первый — «Вся власть Советам!», второй — недоверие аппаратчикам, особенно партийным. Но ведь опять же все воинские части были «посажены в готовность». Потому что обкомы докладывали в ЦК, Горбачеву, что готовится чуть ли не захват власти экстремистами. Шла прямая дезинформация...

Недавно я провел своего рода социологический опрос в частях: меня интересовало отношение офицеров к КПСС. Выяснилось, что от 72 до примерно 90 процентов из них готовы хоть сию минуту выложить на стол свои партбилеты, если будет принято решение о департизации армии. Другие могут приостановить членство в КПСС, третьи согласны «чувствовать себя коммунистами» в нерабочее время и участвовать в партийной работе только по месту жительства.

Департизация армии — вопрос номер один. Прежде всего потому, что он связан с тотальным контролем КПСС над вооруженными силами. О каком единоначалии может идти речь, если характеристику командиру пишет парторг, а утверждают политорганы и в одной явно незаконной инструкции написано, что этот самый командир обязан «опираться в своей работе на парторганизацию» части или подразделения? То есть судьба офицера зависит от его лояльности к КПСС, точнее — политорганам. Так что единоначалие — фикция чистой воды.

Десятилетиями политорганы для армии были тем же, чем Минвдохоз для страны: они растрачивали безо всякого эффекта огромные государственные средства, калечили судьбы людей, отрывали их от

главного дела. После каждого партсъезда, пленума ЦК или смены генсека во всех «ленинских комнатах» начиналась активная замена декораций — рисовали новые лозунги, вывешивали свежие цитаты и портреты очередных «верных ленинцев» и т. п. Сколько материалов уходило на щиты, транспаранты, сколько расходовалось краски, бумаги, кумача! Сколько людей тратили на это дни и недели!

Ради чего? Мне было интересно это узнать. Спустя неделю-другую после «обновления» я спрашивал солдат, что нового они заметили в «ленкомнате»? Практически никто не мог мне толком ответить. И неудивительно: политорганы — структура, существующая сама для себя.

А как обойтись без департизации армии при сегодняшней многопартийности, когда в казарме можно встретить и коммуниста, и социал-демократа, и анархо-синдикалиста, и националиста, и монархиста и т. д.? У каждого из них в руках боевое оружие. Если новые партии по примеру КПСС начнут проводить через своих членов собственную военную политику, произойдут вещи пострашнее дедовщины. И как я, например, смогу командовать экипажем из семи человек, если каждый из них состоит в какой-то своей партии и обязан выполнять ее политические установки? Но КПСС, видимо, не понимает происходящего. Несмотря на отмену 6-й статьи Конституции СССР, в Программе компартии остается глава о военном строительстве, идет об этом речь и в ее Уставе (а на его основе сделана соответствующая армейская инструкция). Иными словами, оба главных документа КПСС сегодня антиконституционны.

Правда, в октябре Верховный Совет СССР принял Закон об общественных объединениях, который может изменить ситуацию, если будет выполняться. В нем впервые на законодательном уровне сказано, что занятие должности не может связываться с партийностью или беспартийностью, что военнослужащие и работники правоохранительных органов в своей деятельности руководствуются только законами страны и никакая партия не должна в это вмешиваться, как и вообще в деятельность государственных структур. Наконец, в него попало мое предложение о том, что партийная деятельность может осуществляться лишь в нерабочее время и не за государственный счет. Это означает, что, например, наши генералы-коммунисты уже не смогут летать на специально выде-

ленных самолетах на партийные съезды и прочие форумы, а дни и недели, проведенные ими на этих форумах, не будут оплачены из государственной казны.

Разумеется, я не столь наивен, чтобы полагать, будто политработники завтра же кинутся исполнять закон. Собственно говоря, недавний Указ Президента страны говорит даже о преобразовании политорганов в общественно-политические, вроде бы не партийные. Но в этих структурах остаются сплошь политработники-коммунисты, взращенные Главуром. Они уже пытаются сохранить статус-кво, стать непременно первыми заместителями командиров частей. Причем «заместителями по воспитанию», по-прежнему, видимо, считая, что это важнее, чем боевая подготовка армии. В проекте положения о военно-политических органах, разрабатываемом Минобороны, сказано, что первый заместитель получает «совместно с командиром». Но «совместно» означает, что вся ответственность лежит на командире, а «зам по воспитанию» ему вроде бы и не подчиняется.

В ход идет и привычная демагогия: мол, департизация — это деполитизация, а армия — орган государственной, государство же проводит свою политику. Конечно, армия должна знать и ясно понимать, чьи интересы она защищает. Но это не интересы какой-то партии, а именно государства, народа. Вооруженные Силы, подчиненные КПСС, лишали солдат и офицеров такого понимания. Отсюда все беды нашей армии. Можно привести много примеров, и главный из них — Афганистан. До сих пор скрывается правда о том, во имя чего и кого мы вошли в него, не проведен анализ нашего поражения в этой войне.

Для того чтобы армия стала другой и чтобы к ней по-другому относился народ, нужна военная реформа. Понимаю, мысль не новая — разговоры на эту тему идут уже года полтора. Но проект реформы, рожденный в недрах Министерства обороны (как и проект Закона об обороне), — это просто нуль. Там нет никакой реформы, только декларативно изложено то, что жизнь и так заставила или заставляет сделать: вывод войск из стран Восточной Европы, сокращение численности и т. п. Авторы проекта мыслят категориями, устаревшими много лет назад, они словно не понимают, что мир изменился и в политическом, и в военном отношении. Что изменилась

страна, изменился народ. Хотя понятно: сами-то они не изменились...

Министерская реформа пытается сохранить командно-парадную армию. Ту, в которой у строевых офицеров есть только обязанности, а все права на принятие решений — где-то наверху. Отсюда и история с южнокорейским самолетом, и остров Даманский, и Руст, и «войж» другого лихого летчика — в Батуми, и, конечно, Афганистан.

Не только чисто военные вопросы требуют новых подходов — социальные, правовые и многие другие. То, чего упорно не хотят понимать высшие чины армии, хорошо видят офицеры. Поэтому разрабатывают иные варианты реформы. Над одним из них работаю и я. Вероятно, в чем-то эти проекты будут расходиться, но, думаю, в основном

они сойдутся: нам нужна армия, построенная на профессиональных началах, причем не когда-то, в неизвестном будущем, а уже сегодня. Найдутся для нее и кадры (если, конечно, достойно платить за профессиональную работу), и средства, которых надо куда меньше, чем стращают в Министерстве обороны. Тем более, что многие изменения вообще не требуют никаких затрат, а дают огромную экономию.

Немало здравого в решениях по воинской службе, которые принимают сейчас республики. Большинство парней вполне могут проходить службу на своей земле. А экстерриториальными должны быть только стратегические войска — ракетные, авиация, флот, сформированные из добровольцев. В республиках можно иметь и что-то

вроде войск национальной гвардии и резервистов.

Главное — ни при каких условиях армия не должна использоваться в собственной стране как орудие подавления. Для борьбы с терроризмом, преступностью, не знающими границ, должны существовать межнациональные (как предлагал парламент России) части в составе МВД, набранные исключительно из добровольцев. Но тем не менее то тут, то там вновь и вновь бросают в зоны конфликтов армейские части. Под ложными предлогами об «угрозе власти» приводят в боевую готовность полки и дивизии. И множатся слухи о грядущем военном перевороте.

Какой армии поверят люди? Только — новой. Защищающей их, а не от них.

фото Ю. Шлукина

Письмо в «Столицу»

ГЕНЕРАЛ НА СТРАЖЕ

Сколько в прошлом году было сломано копий по поводу военных парадов на Красной площади, но все осталось по-прежнему.

Отправляем вам приказ по академии о подготовке к параду, чтобы вы поняли, сколько людей отрывается при этом от своих прямых обязанностей. В стенах нашей Военной академии им. М. В. Фрунзе с высоких трибун генералы пытаются опорочить Моссовет (так как генералам перестали улучшать жилищные условия), Верховный Совет РСФСР, Ельцина и даже Горбачева. В основном у нас веет духом Егора Лигачева, Ивана Полозкова и Нины Андреевой. В академии около 30 генералов, только у начальника пять заместителей. Есть, например, заместитель по общим вопросам — генерал-лейтенант Зайцев Ю. Д. В прошлом году он был в Тбилиси заместителем генерала Родионова, который сейчас возглавляет академию Генерального штаба. Вот такие генералы нас и обучают.

Зайцев, являясь заместителем начальника академии по общим вопросам, имея громадный кабинет и персональную «Волгу», выполняет обязанности коменданта: следит, чтобы курили в отведенных местах, у женщин на КПП проверяет хозяйственные сумки, проводит строевые смотры (при этом не забывает унижить слушателей, употребляя «крепкие» слова). Дошло до того, что он лично на КПП стал проверять цвет носков и «форму» прически. В глазах всей академии своим поведением и антиперестроечными взглядами он давно и прочно дискредитировал себя, но его это совсем не смущает.

Группа слушателей 2-го курса
Военной академии им. М. В. Фрунзе
Москва

Юрий БЫЧКОВ

КРАСНОЕ ПОХМЕЛЬЕ

Многие годы в нашей истории бытовал миф, что большевики под руководством Ленина совершили Октябрьскую революцию с чистой совестью, светлыми помыслами и трезвой головой, мудро согласовав свои действия с наивысшей волной народного гнева. Однако, изучив периодическую печать осени

1917 года, недавно открытую для широкого доступа, убеждаешься в том, что легенда Великого Октября весьма далека от реальных событий. Факты свидетельствуют о другом: большевики захватили власть, опираясь на штыки, точнее, пользуясь безучастием пьяных солдат и матросов.

Россия, спиртом умытая

Первые сообщения о разграблении винных подвалов и складов спирта в газетах появились в конце лета — начале осени, когда Ленин скрывался в Разливе. Однако к ним относились как к единичным курьезным случаям.

Из разбитых цистерн и разграбленных резервуаров спирт стал разливаться по стране в угрожающих количествах уже после разгрома корпуса генерала Корнилова, шедшего на Петроград. Россия жила в жестком режиме алкогольных ограничений военного времени, и все запасы вина и спирта охранялись в республике хорошо вооруженными караулами наряду с важными стратегическими объектами. Поэтому налеты случайных безоружных людей на эти хранилища исключались. Ни рабочие, ни крестьяне, ни даже банды уголовников замечены в подобных грабежах не были. По крайней мере в газетах того периода таких фактов я не встречал. Была только одна сила, способная успешно штурмовать цитадели алкогольного безумия, — это армия.

Процесс распада дисциплины ускоряла и большевистская агитация в войсках. В «Истории КПСС» с гордостью констатируется: «Новая форма борьбы появилась после корниловского выступления и в армии. Солдаты прогоняли реакционных командиров и на их место избирали новых, пользовавшихся их доверием».

Так написано в «истории партии». А так было в действительности: «В 3 ч. ночи 1 октября три эскадрона Н-ского полка по тревоге были вызваны в Минск и оттуда отправлены эшелонами в Смоленск и во Ржев. Причины тревоги — разгром солдатами пехотных частей винокурных заводов и складов спирта. Эскадрон прибыл во Ржев 3 октября. В городе раздаются выстрелы и пахнет спиртом. Всюду валяются разбитые бутылки разных величин. Первый усмирительный отряд, прибывший перед нашими драгунами, не выдержал искуса и перепился. Держались сначала только офицеры, но пьяные солдаты заставляли их пить под угро-

зой, что иначе всех перережут. Заватило всех, выдержат ли наши драгуны. Приказали 4 октября в шесть утра оцепить полускадрону винокурный завод и склад. Прошли томительные сутки, и наряд с честью исполнил свой долг. К стоящему в наряде полускадрону вечером и ночью приходили толпы солдат, требуя водки и угрожая, что «завод будет обложен двумя полками». Во Ржеве предстоит разрушить 8000 перепившихся пехотных солдат».

Листаем дальше газету А. С. Суворина «Новое время». 13 октября. Заметка «Беспорядки в Шлиссельбурге». «Близ пороховых складов, охраняемых милицией и воинскими командами, были задержаны три солдата Семеновского полка, проходившие мимо сторожки завода с чайниками. В чайниках оказался украденный с завода спирт. На складах имеется большое количество спирта, необходимого для промывания пороха. При проверке складов прибывшие из Петрограда делегаты застали в караульном помещении солдат, игравших в карты на деньги. Причем один из солдат Измайловского полка оказался пьян и весь в грязи. Солдаты хотели во что бы то ни стало получить спирт и чуть было не применили силу. Ночью в караульное помещение явилось 10 солдат Измайловского полка. Скомандовав «ни с места», они вошли в склад со спиртом. Налив около двух ведер, солдаты удалились совершенно безнаказанно».

«13 октября, — сообщает «Газета-копейка», — солдаты начали громить в Феодосии склады вина. В одном из них было разбито несколько бочек, вино из которых залило подвал. Прибывший комиссар распорядился вылить в подвал три бочки из проезжавшего ассенизаторного обоза. Пьяные солдаты пили и эту смесь. На следующий день было разгромлено еще несколько складов. Два перепившихся солдата утонули в вине, два умерли от перелома, шестерых, спавших на рельсах, раздвинул проходивший поезд. Город объявлен на военном положении».

Большевистское ЦК проводит свои последние заседания, на

которых уточняются детали грядущего переворота. А в это время на Измайловском проспекте в Петрограде милиционеры задерживают солдата охраны Балтийского вокзала Мултачинова, провозившего на извозчике в двух бидонах десять ведер чистого спирта. А сколько таких ведер с жидкостью, отключающей сознание, было влито в солдат и матросов Петроградского гарнизона накануне штурма Зимнего, одному Богу ведомо!

Во второй половине октября пьянство среди солдат, расквартированных в столице, стало приобретать такие угрожающие размеры, что зароптала даже общественность. В воскресенье, 22 октября, всего за сорок два часа до выстрела «Авроры», десятки тысяч жителей полугодного изможденного города приняли участие в митинге, организованном городским центральным комитетом народной трезвости. На нем ораторы также приводили десятки различных эпизодов винных погромов.

А вот ленинская «Правда», называвшаяся тогда «Рабочий путь», пьянства в армии предпочитала не замечать. Она продолжала сеять смуту среди солдат и призвала их к неповиновению командирам. Только 19 октября, когда от войск уже разлило невыносимым алкогольным перегаром, «Рабочий путь» публикует статью-обращение «Борьба с пьянством и контрреволюцией». В ней констатируется, что «пьянство разлилось захлестывающей волной по всей стране». И дальше традиционные риторические вопросы большевиков: кто виноват и что делать.

«Во всех корреспонденциях, — пишет «Рабочий путь», — вы видите следующую картину: солдаты и чернь перепились и учинили погром. Властями были уничтожены после этого запасы спирта. Казалось бы, здравый ум требует, чтобы запасы спирта были уничтожены заранее, дабы не допустить до пьянства и погромов. Но совсем не этого хотят контрреволюционеры...»

Интересно, к какому здравому уму апеллируют цицероны большевизма? На какие мозги рассчитаны откровенные провокационные призывы продолжать громить и уничтожать стратегические запасы спирта в стране?! В военное время это так же пре-

ступно, как сжигать медикаменты перед боем или гноить хлеб в момент голода. Да и не трудно понять, к чему на деле могут привести подобные призывы. Это спровоцирует по стране очередные хмельные погромы. Чем не приглашение к костру в пороховом погребе?!

К вечеру 25 октября Россия, умытая спиртом, уже лежала на операционном столе и безвольно ждала, когда хирурги с красными повязками начнут удалять штыками-скальпелями воспаленную грыжу демократии.

Ревлюция экспроприации

Повальное пьянство в армии в условиях военного времени неизбежно повлекло за собой общественный хаос. Резко участились грабежи и разбои. 18 октября «Новое время» печатает корреспонденцию, которая так и называется: «РАЗБОЙНЫЙ ПЕТРОГРАД». «Грабежи и убийства идут повсюду. Никакой охраны нет. Граждане брошены на произвол, и люди в солдатской форме чувствуют себя в столице республики, как в глухих брянских лесах. Нападают на прохожих, раздевают их, грабят, а то и просто всаживают нож в спину. Это продвигают в боковых полутемных улицах и на окраинах. Но этого мало. Вчера на глазах прохожих, в десятом часу вечера, когда на Невском тьма народу, группа вооруженных солдат и матросов атаковала какого-то пожилого мужчину. Потребовала денег. Мужчина пробовал отказать. Тогда его повалили на панель, избили, сорвали часы, кольца, вынули бумажник, снова избили и оставили в бессознательном состоянии. Никто не посмел вмешаться. Солдаты угрожали револьверами. Это произошло на глазах у всех в десятом часу вечера, на главной улице столицы, в самом людном месте Невского, против Екатерининского сквера».

Можно представить, как бесчинствовали перепившиеся солдаты в менее людных местах. Под Киевом они выразили свое недовольство медленным ходом поезда, бросив в топку машиниста. Председатель Временного эстляндского земского совета сообщает из Ревеля: «Отдель-

ные части русских войск, посланные в Эстонию для защиты государства... производят над мирным населением края ужасные насилия, убивая беззащитных граждан, сжигая строения и запасы зерна, угля и убивая на месте без всякой пользы скот». Об этом же пишет в своем приказе и командующий Н-ской частью: «Озверевшие солдаты, потерявшие всякий человеческий облик, в своих разбоях не останавливаются ни перед чем: они разбивают не только склады спирта, стоящие огромных денег, но и уничтожают хлеб, скот, грабят и сжигают дома. В то время, как армия голодает и лошади все более теряют силу от истощения, негодия, вошедшие в союз с нашим врагом, уничтожили в одном имении 10000 пудов хлеба, часть которого просто сожгли».

Чуть ли не ежедневно мы читаем о бандитских налетах солдат на магазины, кассы, квартиры граждан. Только в течение одного дня и ночи, как сообщает «Газета-копейка», в столице совершается свыше 400 разгромов. В одну ночь людей с ружьем замечают на Лесном проспекте с неподъемным грузом награбленных вещей, в другой вечер прямо у сберегательной кассы в Пассаже они выхватывают из рук артельщиков портфель, в котором находится свыше 150 тысяч наличных денег и процентных бумаг. Что делают солдаты с такими громадными суммами денег? Неужели все пропивают?

Но тогда интересно знать, откуда берутся деньги у большевистской партии, которая якобы представляет интересы этих самых солдат и матросов. Деньги, с помощью которых большевики чуть ли не каждый день извлекают из «Крестов» своих сообщников. Ведь только за освобождение из тюрьмы под залог за кронштадтского большевика Раскольниковца было заплачено 3000 рублей.

Да и трудно поверить, что руководство партии, которое имеет своих представителей и осведомителей почти во всех частях Петроградского гарнизона, не знает действительного положения дел в армии. Не знает, что ежевечерне сотни солдат выходят в город на преступный промысел и возвращаются под утро с ведрами чистого спирта, с

чемоданами чужих вещей и портфелями денег? Не знает? А может, не хочет знать? Может, само пользуется плодами этих грабежей?

Ведь с приближением назначенного часа расходы быстро увеличиваются. Приходится тратить уже не только на выкуп товарищей из тюрьмы, но и на закупку оружия. В середине октября заводской комитет Сестрорецкого оружейного завода выделяет Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов 5000 винтовок. Скажите, зачем их завозить в заводный оружейный город? Для вышних целей? А как же люди, женщины, старики, дети? Никакой целесообразностью нельзя замаскировать подобную гражданскую провокацию, которая неизбежно приводит к кровопролитию.

Но будущая совесть эпохи уже готовит себя к тотальному вранью. Она якобы вооружает рабочих в целях самозащиты. Ведь по Петрограду ходят слухи, что Временное правительство планирует сдать Петроград немцам. Правительству приходится давать официальное опровержение этой инсинуации. Убегать из города никто никуда не собирается. Большевики уличены общественной клеветой на правительство. Нет сомнения и в том, что слух о своем возможном выступлении они распространили по городу умышленно, чтобы усилить хаос и панику. На большее у них силенок не хватит. Большевиком пока в общественном сознании ассоциируется с анархией. На это политическое течение газеты поглядывают с удивлением и с усиливающимся чувством страха и пренебрежения: как можно совмещать интересы карманников и трудового народа? Ибо след за слухами о большевистском выступлении появляются достоверные сведения о прибытии в Петроград целых воровских организаций, чующих наживу. Темные личности уже переполняют чайные и тритоны. Они тоже ждут условного выстрела — сигнала к безнаказанным грабёжам. Потом, когда Ленин умрет, воровская тюрьма на Таганке в числе первых соберет деньги на венок защитнику всех обездоленных.

Группы вооруженных полупьяных солдат, рыскающих по городу в поисках легкой наживы, несомненно, представлялись жите-

лям Петрограда в то время менее страшной силой, чем немецкие войска, угрожавшие городу оккупацией.

Об этом свидетельствуют и действия, предпринимавшие законным Временным правительством для защиты столицы и ее граждан. Говоря о них, давайте не будем считать кабинет министров глупее последнего пролетария, как это мы делали раньше.

Для начала надо было освободить город от основного источника инфекции хаоса и произвола. Разлагающихся на улицах столицы воинских частей. Тем более, в этих частях остро нуждался фронт. Из-за повального дезертирства на фронте в петроградском направлении образовались слабо защищенные бреши. У правительства под рукой более не было боеспособных частей, чтобы сдерживать натиск немцев. Приходилось опираться на имевшиеся силы.

Однако большевики, имевшие определенное влияние в воинских частях, с помощью своей агитации сумели заблокировать это решение Временного правительства. Части продолжали бесчинствовать в городе. Примерно за полторы недели до переворота военный министр попытался использовать деградировавшую армию хотя бы в наведении порядка. Он издал приказ о сильной помощи воинских частей подразделениям милиции. Нет, не подумайте, что, согласно этому приказу, солдатам предлагалось выполнить функции, похожие на те, что они выполняли недавно в Тбилиси и Баку. Военный министр предлагал своим частям командировать в распоряжение милиции лучших солдат и офицеров. В итоге милиция пополнилась четырьмя сотнями георгиевских кавалеров. А весь состав петроградской милиции достиг шести тысяч человек.

Нельзя не удивляться долготерпению Временного правительства в отношении большевиков. Об их провокационной деятельности в осажденном городе в то время тоже были хорошо информированы. И по закону военного времени в любом государстве такая агрессивная подрывная деятельность немедленно должна была быть пресечена. Но рыцарское великодушие нашей демократии, рожденной февральской революцией, не знало пре-

дела. Министр юстиции Малаyntович никак не давал согласия на арест большевиков и запрещение деятельности их подрывной организации. Приказ об аресте Ленина был подписан слишком поздно.

Оргия для «ударников» переворота

Утром 25 октября на улицах Петрограда стояла зловещая тишина. Общественный транспорт действовал, но магазины не работали, двери и окна большинства из них были плотно закрыты металлическими жалюзи.

Жители Питера с тревогой обсуждали последние ночные новости. Перестрелки в городе участились. Они возникали в основном при столкновении милиционеров с пьяными солдатами. Силы, как правило, были неравными. В то утро запуганный беспорядками город, например, говорил о злодейском убийстве минувшей ночью на углу Садовой и Невского инспектора милиции Майера. Он в одиночку пытался усмирить разбушевавшуюся толпу, идущую грабить магазины. Разъясняя, агитировал разойтись, за что, видимо, и был убит выстрелами из проезжавшей мимо военной машины.

Возникает резонный вопрос: кто же брал Зимний? Если воинские подразделения были в основном деморализованы многодневными пьянками, бездельем и разбоем, то, спрашивается, какая же сила смогла так ловко и почти бескровно низложить законное правительство?

Ничего нового и оригинального большевики не использовали при захвате власти. Их опорой была сила, с помощью которой совершаются в истории все вооруженные перевороты. И как бы ни назывались эти подразделения, штурмовики или отряды специального назначения, суть их всегда была одна. Они отличались исключительной выучкой и дисциплиной, были прекрасно вооружены и решительны, начисто лишены эмоций и жалости, знали заранее, за каким поворотом, на какой лестничной ступеньке им придется убить человека. Просто иного выхода не было: либо надо было стать живым героем, либо оказаться мертвым мятежником.

Штурмовые отряды, бравшие Зимний, назывались ударниками. Впервые этот термин Ленин при-

менил в знаменитой работе «Советы постороннего», написанной за полмесяца до переворота. Говоря о первостепенных тактических задачах захвата власти, он указывает: «Выделить САМЫЕ РЕШИТЕЛЬНЫЕ элементы (наших «ударников» и РАБОЧУЮ МОЛОДЕЖЬ, а равно лучших матросов) и небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и ДЛЯ УЧАСТИЯ их везде, во всех важных операциях...» И далее там же: «Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграф и телефон и прочее) с лозунгом: ПОГИБНУТЬ ВСЕМ, НО НЕ ПРОПУСТИТЬ НЕПРИЯТЕЛЯ».

Много лет спустя этот исключительно боевой термин неожиданно перекоучует в мирную жизнь. В стране появятся ударники коммунистического труда.

Вскоре после этих безучастных к судьбе людей «советов» в Петрограде будет создан военно-революционный комитет, который, собственно, и займется практической подготовкой «ударников» к октябрьскому перевороту.

Остальные же солдаты и матросы, которым потом хитро припишут всю славу совершенного переворота, дабы назвать его

революцией, в ту историческую ночь были заняты своими привычными делами, весьма далекими от эпохальных событий. Если они где и стреляли, то на улицах при очередном разбое.

О выстреле крейсера «Аврора», штурме Зимнего, низложении правительства большинство из них услышало потом, уже когда это свершилось. И на радостях, что им не придется отвечать за свои бесчинства, вооруженные группы стали стекаться к центру города.

Может быть, именно поэтому законное правительство, руководившее обороной целой страны, в решающий момент не смогло защитить себя. Не на кого было опереться. Регулярные части оказались в запое. Законную власть защищали юнкера да женский батальон — подразделения, в которых более или менее сохранились дисциплина и трезвые головы.

«Всех нас вывели на Миллионную, — вспоминал министр внутренних дел арестованного Временного правительства Никитин, — где мы оказались среди возбужденных солдат и моряков. Большинство из них были пьяными. Толпа набросилась на нас с криками: «Расстреляйте их!» Нас повели пешком по Миллионной по направлению к Петропавловской

крепости. Антонов по пути все время торопил нас, опасаясь самосуда. Когда мы вышли на Троицкий мост, нас встретила новая толпа пьяных солдат и матросов. Матросы кричали: «Чего с ними церемониться, бросайте их в Неву!» Тогда мы взяли под руки караульных и пошли с ними шеренгой».

Думаю, бывшему министру внутренних дел можно верить. Он, наверное, мог отличить пьяную толпу от трезвой.

По случаю низложения Временного правительства в Зимнем для «ударников» октябрьского переворота и примкнувших к ним загулявших солдат Петроградского гарнизона была устроена грандиозная пьянка. Такой вакханалии резиденция царей не знала за все годы своего существования. О ней достаточно подробно и красочно рассказала в двух номерах известная газета «День», которая в тот момент выходила под названием «В темную ночь». Репортаж побывавшего там корреспондента так и озаглавлен: «ОРГИЯ В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ».

«Приставленный к Зимнему дворцу караул проник в кладовые, где хранится запас спиртных напитков. Началась оргия, продолжавшаяся почти целый день. Когда до сведения «властей» дошли известия о твори-

мых в Зимнем дворце безобразиях, были сделаны попытки сместить караул. В конце концов «конфликт» благополучно завершился: вновь прибывшая охрана объединилась с прежней на общей платформе распития запасов спиртных напитков, хранящихся в Зимнем дворце.

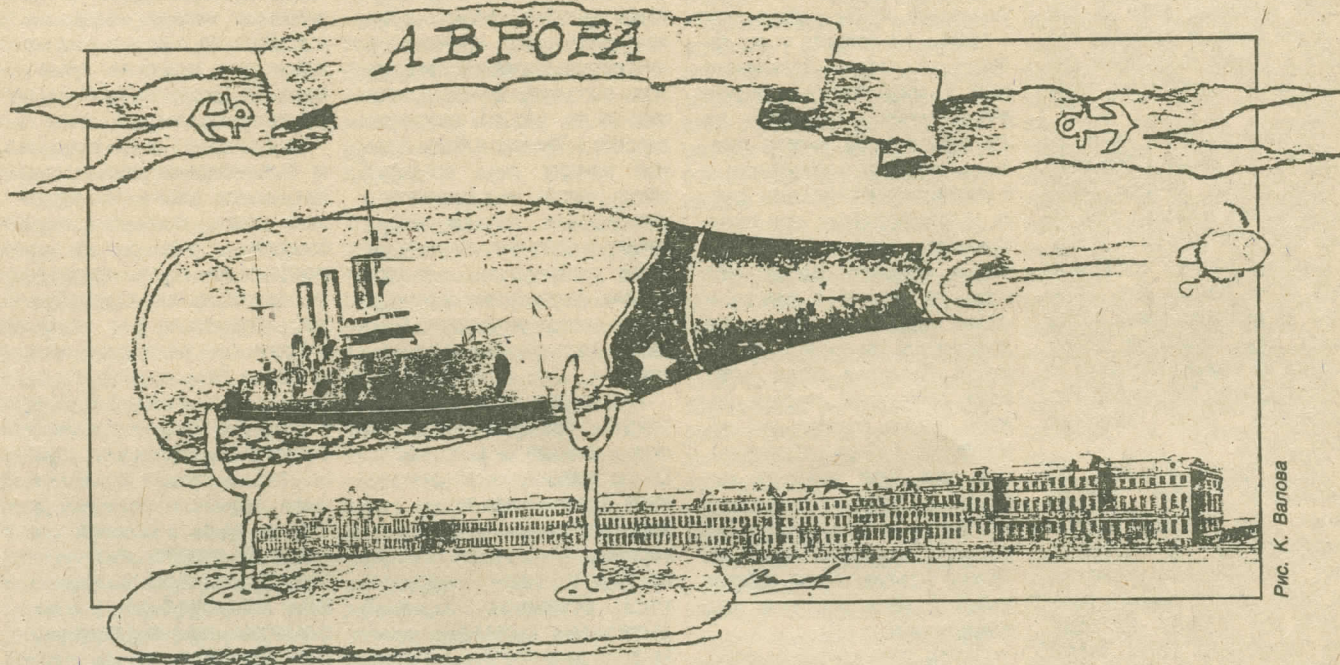
К 5 часам вечера нашему сотруднику удалось проникнуть внутрь Зимнего дворца. По дороге к воротам, расположенным на Зимней канавке, со всех сторон тянутся вооруженные солдаты с винтовками. Навстречу попадают также солдаты, нагруженные бутылками, распиханными по карманам. Более догадливые запаслись чемоданами и мешками, каковые они наполнили бутылками.

У винного погреба стоит длинный хвост. Несмотря на то, что почти все проникшие в подвал в достаточной мере пьяны, соблюдается некоторый порядок и справедливость.

Начальник караула с винтовкой в руках и уже успевший близко ознакомиться с винным погребом, еле держась на ногах, кричит:

— Стрелять буду, если кто не в очередь!

Справедливость установлена в следующем виде: каждый получает не более пяти бутылок. Этот «декрет» соблюдается

очень строго. При выходе всех обыскивают. Все, что больше пяти, тут же реквизируют.

У самого подвала многие, уже побывавшие в подвале, тут же валяются вдребезги пьяные. Некоторые еще сохранили настолько силы, что лежа допивают прямо из бутылки. Другие, допивая из бутылки, в другой руке держат винтовку.

Охотников до вина все прибывает и прибывает. Слухи о том, что всем дают, успели распространиться. К 6 часам вечера со всех сторон потянулись вереницы с мешками, корзинами и чемоданами. Во дворце пьяный гул и словеса.

К вечеру установился своеобразный налог: при выпуске солдат, нагруженных бутылками, начальник караула взимает по одной бутылке с каждого.

Прибывшее к месту «начальство» в лице Муравьева и представителей из Смольного оказалось бессильным что-либо сделать и, махнув рукой, отбыло в Смольный. К вечеру прибыли три пожарные машины, приступившие к заливанию подвала водой.

Военно-революционному комитету через несколько дней пришлось принимать специальное постановление, дабы спасти последние неразграбленные склады спирта. Но карательные меры не помогали. Пролетарский писатель Максим Горький после победы рабоче-крестьянской власти гневно и брезгливо писал в своих «Несвоевременных мыслях»:

«Вот уже почти две недели, каждую ночь толпы людей грабят винные погреба, напиваются, бьют друг друга бутылками по башкам, режут руки осколками стекла и точно свиньи валяются в грязи, крови. За эти дни истреблено вина на несколько десятков миллионов рублей...

Во время винных погромов людей пристреливают, как бешеных волков, постепенно приучая к спокойному истреблению ближнего.

В «Правде» пишут о пьяных погромах как о «провокации буржуев», — что, конечно, ложь, «красное словцо», которое может усилить кровопролитие.

Из наркологии известно, чем заканчивается предельная степень алкогольного отравления. Либо летальным исходом, либо тяжелейшим похмельным синдромом, который сопровождается спазматической кровавой рвотой.

Солдатам и матросам, обманутым и одуроченным в пьяном угаре, тоже пришлось пережить многолетнее красное похмелье. Мир для них, вопреки декрету, вскоре обернулся войной, самой нелепой, какая может случиться. Братоубийственной, гражданской. Войной, которая унесет куда больше жизней, чем та, предыдущая.

После «Декрета о земле» у них отберут даже те наделы, которые принадлежали им всегда. Голод повиснет над ними, как рок. Вскоре продотряды начнут отнимать последние куски хлеба у стареньких немощных родителей этих солдат и матросов. От голодной смерти будут умирать не только их отцы и матери, но и потомки. Их сыновей и дочерей, пухнувших от недоедания, через несколько лет будут пристреливать с колосками в руках на давно убранном поле. Свобода для них обернется безголосяем до последнего часа их жизни.

Но это будет потом, когда трезвеющим умом они начнут припоминать, что все-таки случилось с ними тогда, в октябре, в Петрограде, в 1917 году от Рождества Христова?

Соло на пишущей машинке

(о конкурсе машинисток)

Жить в Москве стало скучно. Есть нечего, пить нечего, нечего курить. Мужчинам пока не запретили женщин, а женщинам — мужчин, это обнадеживает. Но и не более того. Когда запрещено все, можно ждать и запрета на любовь — разлуку с супругом, любимой, детьми... Правильно сказал наш городской председатель: Москва в блокаде. А нам все равно хочется жить весело и содержательно. Нас этому учили в школе. И мы своими принципами не поступимся.

Редакция журнала «Столица» в обстановке блокады проводит Первый московский конкурс машинисток. Это будет праздник, венцом которого станет щедрое награждение победителей подарками, почетными дипломами, присвоение им разных гордых званий — «Самая лучшая машинистка Москвы», «Самая обаятельная машинистка», «За волю к победе» и прочие.

Инициаторы конкурса встретили полное понимание в Министерстве электротехнической промышленности и приборостроения СССР, предприятия которого выпускают пишущие машинки, в Комитете по народному образованию Москвы и в Педагогическом обществе РСФСР, где работают классные специалисты по машинописи. Производители пишущих машинок из Курска (ПО «Счетмаш») стали спонсорами конкурса, производители оргтехники (МПО «Союз») к ним охотно присоединились. Свои отдельные призы учредили «Вечерняя Москва» и «Московская правда». Специалисты по машинописи составили авторитетное жюри. Председателем его избран Александр Павлович Загребельный, заместитель председателя секции стенографии и машинописи Всероссийского педагогического общества.

Несмотря на неблагоприятные погодные и другие условия, турнир машинисток решено провести по всем международным правилам. Они допускают до конкурса ВСЕХ ЖЕЛАЮЩИХ. Мужчин, женщин, верующих, атеистов, партийных, беспартийных — всех.

Участники выступают анонимно, под девизами. Раскрытие конкурсных псевдонимов состоится лишь под занавес турнира, когда болельщики и сами члены жюри наконец-то узнают имена победителей. Тем, кто победит, светит и поездка на международный конкурс. Но, думается, всем участникам первого в СССР открытого чемпионата машинисток станет жить лучше, жить станет веселее. Мы принципиально против блокады московских машинисток. На первый тур, который пройдет 18 ноября, выйдут больше ста участников, во второй — 8 декабря, — вероятно, чуть меньше...

Председатель Оргкомитета Вячеслав БАСКОВ, он же заведующий отделом социально-бытовых проблем журнала «Столица»

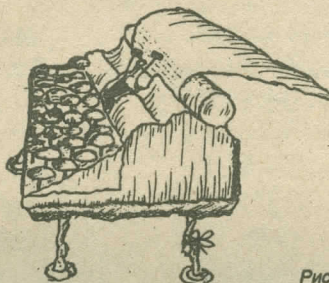

Рис. А. Гореликова

Сентиментальные путешествия с Николаем РЫЖКОВЫМ

Если эта статья и увидит свет — нет гарантии, что Николай Иванович будет в ту пору главой правительства. Но дело не только в нем, а и в тенденциях, его фигурой воплощенных. Его присутствие на высотах власти — закономерно. Помните? В эфире — серия указов: формируется новый, Президентский совет. Вся страна дотошно считает. Публикуется итоговый «иконостас». Николай Иванович — n + 1-й, «внеуказный». Даже тут своя логика, своя драматургия. Рыжков в роли Лигачева, когда тот ушел на

покой, — не любопытно ли само по себе?

«Вся президентская рать» — это в конце концов не только члены совета. Это еще и наши надежды. Нашим иллюзиям — старые, творимые, грядущие. Почему бы не отвлечься на мемуары порестроечных лет, не поразмышлять о встречах с человеком приметным, интересным? Он — на телеэкране, а — зритель. Все мы — участники чего-то и в конечном счете соучастники. Все мы вышли из шинели — обязательно Гоголя...

В голосе его зазвучали недальние слезы. Не брежневские — нет, совсем другие. Я был покорен. Так мы встретились впервые.

Загадочный секретарь ЦК товарищ Рыжков Н. И., наконец, стал симпатичной реальностью. И оказался хорошим человеком. Потом он войдет в Политбюро, станет главой правительства. Но родившаяся в тот день репутация хорошего человека определяет больше, чем официальные чины, высокие посты. Даже когда еще в преддверии массовых манифестаций и парламентских вотумов недоверия арбатские баламуты станут на радость немалым толпам сочинять про него частушки и эпиграммы, добрые прохожие женщины будут прибегать к этому крайнему контраргументу: человек хороший! Не надо обижать...

А в Армении? Скоро после землетрясения — усталый, внимательный к людям. Старухи ему чуть ли не руки целуют. Он, глава правительства великой державы, глядя в глаза каждому из добрых полтора сотен миллионов телезрителей, говорит: нужны краны! Пожалуйста, кто может — немедленно пришлите, иначе не разобрать развалины, не построить новое жилье... Это была первая расписка в слабости, а мы не поняли. Удивительно, что потом, почти за два года, радатель целостности Союза, хранитель «связей», Николай Иванович ни словом не обмолвился ни об Армении, ни о бедах ее, ни о том, что план восстановления сорван, помощь — растащена невесть кем невесть куда, правительство — как бы ни при чем.

Популярность же его в какой-то момент оказалась, быть может, первойшей в стране. Армения «сработала»: хороший человек, не высовывается, за дело болеет. Гласность, все на виду...

Эту гласность угораздило влезть и на заседания президиума Совмина. Один раз, другой, третий. Сидят большие люди, по очереди выходят на трибуну, рассказывают, как все плохо, и почему плохо, и отчего будет еще хуже, и что надо делать. Тут-то и обнаружилось, что хозяин кабинета... ну, как говорят, «не тянет». Но все его поначалу даже пожалели: трудно налаживать работу с такой-то командой. Потом оказалось, что команда все более расширяется и потихоньку обретает черты народа, страны. А хозяин кабинета — вроде главноуправляющего, который, подводя итоги, произносит слова, еще обломовским Захаром именовавшиеся «жалкими». Работать, мол, надо. Порядок быть должен. Дисциплину крепить пора. И — раз от разу — как-то удивительно крепко ощущение, что в этом кабинете, при этом хозяине, так и будет всегда.

Но — человек хороший. Потсму был альтернативным кандидатом на пост премьер-ра. Потому, кривясь от одного вида иных кандидатов в министры, вздрагивая, едва не которые среди них открывали рты, повесили ему. Пусть хороший человек сам набирает команду. Под залог его репутации депутаты и страна «проглотили» невкусную и бестолковую правительственную программу. Были, конечно, ругатели — но им в ответ звучал голос все с той же слезой...

Со слезой в голосе впервые предстал перед страной относительно новый секретарь ЦК товарищ Рыжков в дни, когда было объявлено о кончине Ю. В. Андропова. Начинаясь избирательная кампания, и Николай Иванович, как положено было самым молодым (по времени пребывания в высшем эшелоне партийной власти), одним из первых включился в серию начальственных встреч с народом. В эшелон же попал года за полтора до того, в памятном ноябре 82-го, после смерти Л. И. Брежнева: он был первым «андроповским выдвиненцем» в ситуации, когда Станислав Говорухин еще не объяснил, что «так жить нельзя», но ощущение это уже пронизало страну.

Данных о нем не было никаких. (И сейчас пресса нас удостаивает информации только о новых членах Политбюро; что до секретарей, то ни им по чину, ни нам по малости сведения в газетах иметь не положено.) Я поискал. Оказалось, член ЦК. Работал до того в Госплане. Еще раньше — обычный «светлый путь» в Свердловске: сменный мастер, начальник цеха, главный инженер, директор завода, генеральный директор производственного объединения. И вот что, с позиций сегодняшнего дня, занятно: никого тогда не

кольнуло, что заведование Экономическим отделом ЦК поручено, равно как и соответствующие секретарские обязанности, не экономисту, а «технарю».

(Размышляю об этом — наткнувшись на новейшее интервью пенсионера Лигачева газете «Вашингтон пост». Егор Кузьмич станет секретарем ЦК через год с небольшим, в декабре 83-го, а в «судьбоносном» апреле 85-го два секретаря ЦК — редкий случай! — сразу, минуя «кандидатский стаж», поднимутся до членов Политбюро. Пенсионер, естественно, поносит «новую власть» — демократов — Собчака, Попова. Особенно Станкевича: мол, потрясен, узнав, на какую должность того выбрали — у него же ни дня руководящей работы. Чертовски захотелось посоветовать Егору Кузьмичу пересмотреть фильм «Выборская сторона», вслушаться в разговор Ленина с Максимом — как раз об этом самом. Думаю, что не ошибусь, если вспомню и тезис о кухарке в связи с проблемами управления государством. Тут ведь как — или ни кухарка, ни Станкевич, или — оба.)

Там было все в порядке. Сначала на второй по значению пост в Госплане, а потом —

на ключевую позицию партийно-экономического руководства страны пришел человек, как раз обладавший «большим опытом организаторской работы». Наверняка так писал в представлении на Николая Ивановича предшественник Егора Кузьмича по отделу оргпартрботы. Но — человек без опыта партийно-аппаратного. Это обнадеживало. В одуревшей от некомпетентного руководства стране идея опоры на специалистов воспринималась как начало всемирно-исторического поворота. «Неаппаратность» уже сама по себе казалась панацеей. Надó было еще много пережить, чтобы понять логику взаимосвязей технократии и партократии, догадаться, что скорая и блистательная, с выходом «на Москву», уральская карьера есть прежде всего свидетельство принадлежности к военно-промышленному комплексу. Но тогда многие из нас еще жили иллюзиями «исправления ошибок», волевого «наведения порядка». Сработала вечная наша мечта: заменить «плохих людей» на «людей хороших» — и дело выровняется, само пойдет.

И до той поры, и после мне приходилось подолгу общаться с теми, в чьей судьбе и профессии было немало от судьбы и профессии Николая Ивановича. Люди эти буквально

выли от нашей безалаберности, неорганизованности, бескультуры в работе, технологического отставания и экономической дремучести — словом, от всего, что сегодня обсуждают даже детсадовские ребята. Все всё видели и тогда, только хороший тон застойных лет требовал, чтобы «всё» не произошло принародно. Да еще существовала механика, позволявшая систему безобразия приводить к некой равнодействующей, позволявшей жить и дававшей жить другим. Но она могла спасти лишь до поры до времени.

По своей должности первого госплановского зампреда Николай Иванович не мог не быть среди тех новых умов, которые побудили Брежнева прочесть по бумажке эпохальный лозунг: «Экономика должна быть экономной!» Эти же силы-умы не могли вскорости не оказаться в ситуации внутреннего конфликта, душевного дискомфорта. Родимая наша система этот лозунг немедленно утилизировала, тиражировала, донельзя оглушила, а суть, проблеснувшую за ним, лишила какого-либо практического смысла.

Тут-то Брежнев скончался, андроповская пора началась, лозунг был снят, высмеян, зароились надежды, идеи, а Николай Иванович был назначен главным их распорядителем по партийной линии. В Госплане, между прочим, его кресло занял Юрий Маслюков — человек сходной судьбы, следующей генерации и совсем уж отчетливо выраженных связей с военно-промышленным комплексом. И тут по тем временам был свой смысл: считалось, что оборонная промышленность, как и гиганты, подобные «Уралмашу», менее всего заражена общими болячками, и на их опыте, по их «модели» можно перестроить жизнь всего общества.

Иными словами, недуг предполагалось лечить, радикально усиливая симптомы недуга.

Сохраним уважение к исторической дистанции и сообразим, что иначе тогда те, кто решал; действовать не могли и не умели. Привычная им «жесткость» на какой-то момент способна создать иллюзию порядка, имитировать краткое, но реальное улучшение. Тем более, если ты сидишь высоко и потребляешь «конечный результат» в виде сводок, не будучи отягощенным проблемами повседневного производства и, тем более, быта. Я был «главным» и «генеральным» на производстве — на меня давили, теперь моя очередь. Завтра — твоя. Вот и вся недолга.

Такое псевдоулучшение способно посеять и ностальгию по «правильным» временам и методам, едва механизм перестает работать. Вот почему и загуляла легенда о «незавершенности» андроповских времен. Отсюда — и прорвавшаяся на финише политической карьеры сердечная тоска Егора Кузьмича, и замечательное упорство, с которым Николай Иванович говорит о «порядке» и «дисциплине» в очень специфическом и неизбежно катастрофическом смысле этих слов.

Однако именно благодаря этим словам Николай Иванович долго удерживал, а в сознании многих наших соотечественников продолжает удерживать репутацию «хорошего человека». При всяких переменных — социальных,

экономических, политических — непременно набирает голос «партия порядка». И чем более объективно выражена необходимость этих перемен, чем более они неизбежны, тем злее объявляют их «беспорядком». И нет ничего опаснее, чем эта «партия порядка», жаждущая навязать живому потоку действительности нечто механическое, наперед заданное, досконально рассчитанное. Так что с определенной точки зрения Николай Иванович — «наш человек» в Президентском совете. Ибо в подавляющем большинстве из нас сидит это вот желание — сделать, как лучше, по возможности ничего не меняя. Сталин с человеческим лицом — ах, если бы... Недаром же, когда начальству плохо, оно начинает крепить трудовую дисциплину доступными ему методами...

Но время, о котором я веду речь, было временем не только иллюзий, но и реальных прозрений — пусть еще наивных, слабых. Что-то очеловечилось в жизни. Поэтому-то, когда в выпуске новостей на телеэкране появился секретарь ЦК и, вместо того чтобы произнести урочную предвыборную речь, сказал дрогнувшим голосом несколько фраз об Андропове — о том, как ясно понимал покойный необходимость перемен, как горел, работая во имя их, как сгорел, не жалея себя, — покорен был не я один. Не случайно вечером того же дня всегда чуткая программа «Время» старательно вырезала этот проблеск человечности.

Потом еще раз пришлось услышать ту же интонацию. В свежесписанном парламенте гремел спор: кто виноват в дикостях первых послечернобыльских дней? Кто лгал неделями, месяцами, годами? Валентина Шевченко с истовостью и методичностью вечной пионервожатой валила на «центр», в пользу «политического руководства республики», вину и за неразбериху с эвакуацией населения из Чернобыля, и за «радиоактивную» демонстрацию 1 Мая 86-го в Киеве и окрест. Чем более разговор о делах действительно страшных обретал черты классического дуэта Одарки и Караса, тем печальнее становилось зрелище, которое являл собой глава качественно нового правительства нашего, Николай Иванович.

Ах, как же мы радовались в 85-м, когда он сменил Тихонова! Помните незадолго до этого тихоновские последние интервью? Зарубежный корреспондент спрашивает: что собирается делать правительство в условиях нарастающего кризиса? Николай Александрович с достоинством отвечает: у нас, конечно, есть трудности, но по отношению к советской экономике говорить о кризисе сейчас или в будущем нет и не может быть никаких оснований.

Если бы мы умели помнить и анализировать ближайшую нашу историю... Но тут мы еще более беспамятны, нежели по отношению ко временам доисторическим. Помните хотя бы самого Тихонова-то — был такой премьер-министр аж при четырех генсеках! И угнетал очевидностью того, что, пока он «сидит», ничего не сдвинется. И все ждали, после черненкового дивертисмента, едва при-

шел Горбачев: кто возглавит правительство, отдадут кабинет министров от стиля производственных совещаний, поломает политическую монополию «крепких отраслевиков»?

Всем так хотелось перемен, необходимость их так шибала в нос, наконец, простая и понятная жажда увидеть новые лица вместо осточертевшего «иконостаса» брежневской поры была так сильна, что замещение Тихонова Рыжковым воспринималось как событие эпохальное. Мало кому в голову пришло поразмыслить о разительной тождественности послужных списков: главный инженер, директор завода, замминистра, госплановский начальник... В то время куда важнее было другое: Тихонов — личный друг Леонида Ильича, а Рыжков — вовсе даже Михаила Сергеевича, к тому же андроповский выдвиженец. А вопрос, не отнесется ли он к стране, как главный инженер к производству и смежникам, тогда и не возникал.

Одно из печальных наших свойств — уловить тенденцию, отыскать ей определение, а потом заболтать слово и потихоньку убрать его из лексикона. Так произошло и с понятием «технократ», «технократия». В окрестностях XXVII съезда, XIX партконференции оно загуляло было в публицистике, в речах. Удивительно: чем более тотально и безоглядно мы политизировались, тем решительнее слово это изживали. А тем временем именно технократический СПИД, распространяемый технократической же «группой риска» во всех сферах нашей жизни, губил иммунную систему в экономике, политике, культуре. Давайте же еще раз вспомним себя — недавних, сопоставим кое с чем совсем уж близким по времени.

Парламент формировал союзное правительство. И вдруг взбунтовалась малая группа депутатов «от культуры». Им показалось странным и обидным, что среди замов предсовмина сплошь «отраслевники», «технари» и примкнувший к ним Абалкин. Ни одного гуманитария — пусть не по профессии, но хотя бы по стилю мироотношения. Ни одного представителя культуры. Бунтарей успокаивали: мол, товарищ Бирюков наряду с собесами и культуру с образованием потянет. Шум пошел, аргументы сыпались один другого жестче, убедительнее — даже у Горбачева с Лукьяновым в президиуме глаза раздумчиво щуриться начали.

Тогда-то Николай Иванович и вышел — который раз — к микрофону. Вальяжно, устало, как от назойливой мухи отмахиваясь: мол, это что же — четырнадцатого зампреда содержать? Их и так уже тринадцать, нельзя же до бесконечности раздувать управленческий аппарат! Нельзя же каждой отрасли — по зампредсовмину!

Много было поразительного за эти годы. Много мы zapomнили. А такое вот проскочило — и кануло. Самое же удивительное, что культура наша на такой аргумент только и могла что поджать губы — обижено, но и трусовато. Воистину прав был Жан Жюно, когда высказался: «Тысячу раз у меня была возможность умереть стоя, но каждый раз я становился на колени».

Правда, некоторое время спустя, когда положение с культурой оказалось еще более аховым, нежели в описаниях Кирилла Лаврова и Еркегали Рахмадиева, наступил майский день, именины сердца. Народу и миру было объявлено, что Сам Николай Иванович будет курировать культуру при посредстве специально назначенного гуманитарного интеллигента, прошедшего суровую административную школу и теперь поставленного во главе некоей «спецслужбы» при премьерере.

Какая милая, замечательная обоюдность. Не только народ в массе своей еще верит мифологии «добрых царей» и «всесильных начальников», но и последние, когда припечет, склонны мифологизировать и сами себя, и свои возможности, вернее, «спасительный» потенциал собственной должности, высокого статуса. И что же? Год прошел, премьер воюет с рынком, которого вроде сам хочет. «Спецслужба» что-то варит в собственном соку. Ведущие мастера культуры обзаваются министерскими портфелями. Навоз же, как говорится, и ныне там. Поскольку культура наша, по правилам все той же обоюдности, приучена к тому, чтобы отдаваться, да подороже, да чтоб клиент был посановитей, появилась неизбежная вторая серия на тот же сюжет.

Ветреница-культура пошла на встречу с президентом, попросила взять ее под наивысшее крыло. Ослепленный созвездием имен, телекомментатор всех просителей чухом определил как «духовных лидеров народа» — Айтматова и Михалкова, Хренникова и Ульянова... Ненашева, Камшалова... И, по привычке уже, никто не задался вопросом: а как с «культурной миссией» премьерера, столь широко разрекламированной на памяти всех живущих поколений год назад?..

Технократизм рождается там, там проявляет свои негативные свойства и наносит обществу непоправимый ущерб, где ему нет противовеса, где нет механизма, нейтрализующего технократический диктат. Таким механизмом и является демократия — настоящая, а не симулируемая. Она же, между прочим, когда свободен в качестве экономического субъекта каждый гражданин, способна и ситуацию в культуре нормализовать, и снять такие проклятые вопросы, как «порядок на «производстве», «трудовая дисциплина», «дисциплина поставок», «межотраслевые связи» и множество прочего, от чего так болела все эти годы голова у Николая Ивановича. Прошу прощения, что приходится говорить о столь элементарных вещах, да ведь приходится же.

Наш тип технократа, воспитывавшийся десятилетиями, этот советский «крепкий производитель», «отраслевик», уж если антидемократичен, то — органически. И хуже всего, если ему приходится себя ломать, не свою песню петь. Тут может быть немало драматических коллизий, даже трагедии «хороших людей» не исключены. Ведь может быть и так, что человек видит, понимает неблагоприятные происходящего, хочет что-то исправить — и идет привычными путями. Своими. Технократическими. Антидемократическими.

Но наш технократ не так односторонен. Он в основе своей еще воинствующе антикультурен, хотя смертельно обидится, скажите вы ему об этом. Вон товарищ Лигачев и на Декабрьские вечера в Пушкинский музей хаживает, и ведущих писателей современности почитывает — всех, от Феликса Кузнецова до Анатолия Иванова. Но ведь — и об этом почему-то никто никогда не подумал даже — и Лигачев, и Зайков, и львиная доля иных, по должности, «застрельщиков перестройки» как раз и являются идеальными образцами нашего технократа, делающего политическую карьеру. Антикультурность же их в том, что культура, идеология, сама жизнь для них — не живая плоть, а некая механизированная система, поддающаяся управлению и планированию на тех же началах, что любой механизм.

Наш технократ еще непременно идеологизирован, мы — как общество — сами же, на свою голову, из поколения в поколение учили его политэкономии и истмату с диаматом, научному коммунизму и даже марксистско-ленинской эстетике, не говоря уж об истории КПСС. Он и показал, по сей день показывает и долго еще показывать будет, сколь прилежен по традиционной нашей технарско-вузовской «гуманитарной части» среднестатистический студент, завтра — инженер, послезавтра — главный инженер и т. д., и т. п. Впрочем, бывали варианты, когда молодой специалист сразу шел по комсомольско-партийной стезе. Но не характерно ли, что именно

перестройка призвала людей типа Рыжкова и Маслюкова — людей без предварительной партийно-аппаратной закваски, «крепких производителей», «отраслевиков»?

Да, с этой точки зрения Николай Иванович — действительно «наш человек» в Президентском совете. И, разумеется, не научно-техническую интеллигенцию и даже не руководителей производства представляет он там, как и на посту руководителя другого Совета — Совмина, как и в качестве народного депутата СССР от «партийной сотни». Он представляет нечто вроде воплощенной иллюзии, согласно которой научно-технический прогресс, о необходимости которого себе и другим давным-давно плешь проели большевики, есть осуществления союза технократии с партократией. Копните себя — и обнаружите многие в себе, пусть даже наряду с пламенным неприятием «хозяина» сталинского типа, святую веру в то, что производство — промышленное ли, сельскохозяйственное ли, духовное ли — вывести из прорыва может только «крепкий хозяин», который заставит работать.

Вот так и живем. Пусть слабый правит — зато человек хороший. Пусть хороший человек осердит нас в какой-то момент перспективной тотального повышения цен — так он же назавтра нам же и польстит, выступит защитником нашим перед реальностью, которая во все окна и двери стучит. И мы его «простим».

фото Ю. Штуккина

С КЕМ СОВЕТУЕТСЯ ПРЕЗИДЕНТ

На одном из брифингов руководитель пресс-службы Президента Горбачева Виталий Игнатенко поведал советским и иностранным журналистам об астрономическом количестве писем, получаемых Президентом ежедневно. Судя по данным, приведенным по этому поводу в еженедельнике «Меганолис-экспресс», число это лишь немного не дотягивает до рекордного, зафиксированного в книге Гиннесса. В посланиях граждан содержатся главным образом проекты нововведений и предложения новых указов. На вопрос журналиста: «А какие, собственно, указы принял Президент по совету граждан?» — последовал ответ: «Да почти все».

Вот так-то. Следует ли теперь удивляться тому, что большинство указов было принято в штыки общественностью и вызвало столько нареканий специалистов. И что теперь на Президента пенять — он прислушивается к «гласу народному». Демократия так демократия, чего уж там. И вряд ли стоит сомневаться в том, что отнять награды у Калугина или ввести особый статус управления внутри Садового кольца попросил Президента кто-то из его корреспондентов. Искать их теперь бессмысленно. И лишь авторство указов о награждениях сомнений не вызывает. Тут все чисто. И все довольны.

Депутаты союзного и российского парламентов, столь бурно обсуждавшие закон о предоставлении Президенту дополнительных полномочий, так и не затронули, по суще-

ству, такого весьма важного аспекта, как крайне низкое качество предыдущих указов Горбачева. Юридическую состоятельность одного из них оспаривает Комитет конституционного надзора, с другим мучается Мосгорсуд. Со многими другими картина ненамного лучше.

Отныне Президент приобрел право издавать указы нормативного характера, то есть законы. К чему это может привести, если Горбачев будет продолжать в том же духе, кроме как к тому, что высшая власть в очередной раз себя дискредитирует? Впрочем, Президент сумел убедить парламент, что так надо.

И ведь говорил же в самом начале российской сессии один из депутатов: «Предлагаю создать парламентскую группу по рассмотрению противоправных указов Президента, включив туда международных юристов, и выявлять все «проколы». Однако в российском парламенте серьезного внимания этому предложению не уделили. Включение же в повестку дня 4-й сессии Верховного Совета СССР вопроса «О практике работы высших органов государственной власти», продиктованное главным образом заботой о качестве президентских указов, станет в теперешней ситуации, по всей видимости, номинальным».

Алексей ЗУЙЧЕНКО

ОХРАНА

В столицах мира есть национальные кварталы. Скажем, в Нью-Йорке: китайский — Чайна таун, еврейский — Бруклин, негритянский — Гарлем... Такие кварталы иногда называют «гетто». В средние века это слово означало изолированную часть города, где жили евреи.

Теперь термин «гетто» перестал быть страшным, но сохранил привкус нищеты, преступности, отверженности. Гетто — это где живут хуже нас и худшие, чем мы. Гетто — презираемая часть города, населенная париями, отбросами. И если гетто охраняют, то, конечно, для того, чтобы его обитатели не могли выходить оттуда, шныряя по чистым кварталам и беспокоить «белых людей».

Но это — где-то. У нас, как известно, все шиворот-навыворот. В Москве есть несколько гетто, но они населены не по национальной принадлежности. В московских гетто живут рядом белые, черные, желтые, прочие. Их объединяет один признак: они — иностранцы. Кварталы эти застроены домами отличного качества, квартиры — улучшенной планировки, часто сдвоенные, прекрасно обставленные, холодильники набиты всевозможной едой, бары — всевозможными напитками. Дома обнесены высокими заборами, а единственный въезд во двор (набитый до предела автомобилями иностранных марок) украшает «кирпич» и охраняет милицейский пост. Охраняет круглосуточно. И не похоже, чтобы не пускать обитателей гетто шнырять по городу. Скорее, чтобы жители города — не дай Бог — не беспокоили жителей гетто.

Я с двумя своими уже взрослыми сыновьями был в гостях у корреспон-

дента ТВ Австрии. Симпатичный и симпатизирующий нашей стране Раймунд Лёв. Поздний вечер. Все — после рабочего дня; Раймунд только в 22.00 вернулся домой из Останкино после передачи на Вену.

...Выйдя покурить на балкон, мы увидели внизу милиционера. В ночном, ярко освещенном дворе, забитом автомашинами, он отрабатывал удары каратэ.

Без четверти час мы попрощались с хозяином и поспешили на метро. Вышли из подъезда. Увидев нас, милиционер расставил руки, будто хотел нас обнять.

— Кто такие, откуда?

— Мы от такого-то.

— Вот вернитесь к нему, и пусть он вас проводит.

— Зачем? Вот наши документы.

— Мне без разницы ваши документы. Вдруг вы его убили и ограбили. Он должен вас проводить.

Сын пошел за Раймундом. Мы продолжили беседу.

— Почему вы нас задержали? Потому что мы шли и по-русски говорили? А если б по-английски?

— Все равно бы задержал. Вид не тот. Одеты бедно.

— Ладно, в следующий раз в смокингах придем. Но если одеты бедно — значит, не грабители. И вообще, что вы здесь делаете? Молодой, здоровый — лучше бы землю пахали.

— Да я бы с удовольствием! Но ведь кто-то же должен эту работу делать!

Было ясно — старшина хотел па-

хать, но то ли его заставили бездельничать, то ли он сам себя в жертву принес.

Пришел, спустившись с восьмого этажа, Раймунд. Нас отпустили.

Теплая ночь. Луна. Идем и рассуждаем: а если бы Раймунд был болен? А если бы лифт не работал? Почему бы старшине самому не позвонить? Нет — скучал, каратэ отработывал, а тут мы подвернулись — небогато одетый объект для развлечения.

А может, лучше эту проблему радикально решить? Советским людям от этих «старшин» пользы нет никакой. Драка ли на улице, грабеж ли — страж свой пост не покинет. Вот бы поглядеть на их инструкции, послушать инструктаж: что им вменяется в обязанность? Нигде, ни в каких демократических странах (кроме стран народной демократии) квартиры иностранцев специально не охраняются. Почему у нас их дома заборами с колючей проволокой обнесены и милиционерами обставлены? Их от нас бережем? Или — скорее — нас от них?

И не хватит ли? Армию сокращаем, а эти — стоят, к одежде присматриваются. «Должен же кто-то эту работу делать?» Да никто не должен! И не работа это, а слежка.

Если иностранцам у нас страшно — пусть за свои денежки охрану наймут. Та не заставит своих хозяев по ночам к воротам бегать. Да и воровство, быть может, прекратится. Ведь это таинственная загадка: кто это ночью в освещенном охраняемом дворе похищает с машин «дворники», зеркала и с мясом отдирает фирменные знаки «BMW», «Mercedes», «Volvo»...

Стоят — о пахоте мечтают. Давайте их отпустим, а?

А. МИНКИН

ОТ РЕДАКЦИИ «СТОЛИЦЫ»

Рынок

«Остро встает вопрос о переменах на рынке труда. На Западе, как известно, накоплено немало в этом направлении. Мы вступаем на рыночный путь позже, и можно использовать уже имеющуюся у других практику. Есть многолетний опыт борьбы с инфляцией, его надо осмыслить и попытаться применить к нашей стране».

(Из газет.)

Базар

Да, мы вступаем на этот путь «чуть позже». Совсем чуть-чуть. Лет эдак на семьдесят позже.

Что бы мы делали, если бы не было Запада! Первопроходцы не мы, а там. Чего там только нет! И рынок, и рынок труда, и инфляция... Нам надо посмотреть — и «использовать уже имеющуюся у других практику». А своей практики нам не надо. Пока мы песни пели и плясали, там работали, «накапливали

практику». Для нас. Чтоб когда мы охрипли и проголодались, нам не пришлось голову ломать, как себя накормить, а просто покосились на Запад — и сделали точно так же. Там даже «есть многолетний опыт борьбы с инфляцией». Но перенимать его просто так не стоит. Его надо сперва осмыслить. Потом попытаться (понимаете, попытаться) применить к нашей веселой стране, населенной грустными людьми. На Западе даже борются лучше нашего. И это главное: научиться бороться по-новому. Рынок, инфляция — это ерунда! Главное — бороться лучше, чем боролись раньше, более осмысленно, перелопатив чужой «многолетний опыт борьбы».

Нас все учат бороться. И никак, черт возьми, не научат. И в этом смысле — никаких перемен на нашем журналистском базаре.

Говорящий архимандрит

23 сентября 1990 года в программе «Время», которая вышла в эфир в 21.00, под одну из «говорящих голов» выплыла надпись: «Архимандрит Кирилл».

ОТ РЕДАКЦИИ «СТОЛИЦЫ»

Старый грех

Во времена еще не забытые коллегив программы «Время» был удостоен высокого звания лауреата Государственной премии СССР. С тех пор в программе мало что изменилось. Так что и сейчас ей можно снова дать ту же премию. Тем более, что и в коллективе, присуждающем те премии, кажется, мало что изменилось. Но если в первый раз награждение совпало с тем, что слово «архимандрит» коллектив «Времени» вообще не писал ввиду отсутствия во времени и пространстве архимандритов, то теперь премию можно было бы дать за то, что это слово почтенные лауреаты с непривычки пишут через два «д». Вероятно, во искупление своей прежней слепоты, глухоты и немоты в отношении церкви. Ну и для того, чтобы было поархимандритнее, раз уж появились у нас архимандриты. То — архимандрит, а то — архимандрит. Звучит! Аминь.

Донесение

Мнение обозревателя ТАСС Владимира Петруни:

«Грядет голодная зима. В ее преддверии в столице помпезно проведен «День города»... Для чего же понадобился этот пир во время чумы?

Может, для того, чтобы никто в пляшущем экстазе не спросил «отцов города», что они сделали для обеспечения жителей мегаполиса мясом, хлебом, фруктами да овощами... Правящим в Москве новым «демократам» и их тесно сплоченным единомышленникам... отвечать рано или поздно придется... Сегодня искусно использованные зловещие трудности, аккуратно, кстати, дополнительно смоделированные, можно без особого труда использовать в качестве инструмента для свержения правительства, а там — и Президента».

(«Правда», 26 сентября 1990 г.)

ОТ РЕДАКЦИИ «СТОЛИЦЫ»

Горячая благодарность

Спасибо, Петруня. Во время просигнализировал.

Премия

«Учреждена новая литературная премия. И носит она имя прекрасного писателя и благороднейшего человека Владимира Галактионовича Короленко. Присуждается она на Украине за лучшие произведения живущих

здесь русских писателей — согласитесь, факт учреждения такого рода премии не может не радовать».

(Из газет)

ОТ РЕДАКЦИИ «СТОЛИЦЫ»

Премии мало

В этой «радостной» заметке правильно подмечено, что среди жителей Украины иногда встречаются русские. Вообще, надо сказать, подобных парадоксов, уродств, извращений (выберите любое из этих определений) в мире все еще немало. Во Франции живут англичане, немцы, итальянцы, поляки, русские, китайцы, американцы... В Англии, наоборот, французы, немцы, испанцы, корейцы, малавийцы... Черт знает что! Не говоря уж об армянах, евреях, цыганах, французах, англичанах, поляках, датчанах, американцах, шведах и прочем сброде, который живет ну просто повсюду, даже в Австралии. В Ираке и Кувейте, оказывается, были французы, американцы, англичане, индийцы, японцы, русские, немцы... Ужас! Почему бы вдовабок к литературной премии специально для русских, живущих на Украине, не ввести особые ордена и медали за участие в Великой Отечественной войне отдельно для украинцев, живущих в Москве, для грузин, живущих в Ленинграде, для евреев, живущих в Нижнем Новгороде, для татар, живущих в Саратове, для украинцев, живущих в Алма-Ате?... Словом, для всех, кто живет не там, где надо.

Нет-нет, в этом нет национализма и это вовсе не изощренный нацизм! Наоборот, когда человек получит награду, соответствующую его «племени», а не вкладу в общее дело — в литературу, искусство, победу над мракобесием и человеконенавистничеством, он лучше поймет, что эта награда — ему, лично.

«Факт учреждения такого рода» отличий не может не радовать того учреждения, у которого в мозгу одна-единственная извилина — та, что делит мозг на два полушария.

Дело Осташвили: ПЕРВЫЙ «ФЮРЕР» ЗА РЕШЕТКОЙ

Процесс по делу Осташвили завершен. Он закончил как прецедент: государство осудило человека, посягнувшего на принципы национального равноправия.

С обвинительной речью выступил АНДРЕЙ МАКАРОВ, участвовавший в рассмотрении дела в качестве общественного обвинителя. Эта речь во многом определила исход судебного разбирательства. Именно Макаров сделал то, чего не сделал следствие, — он доказал уголовный характер политических притязаний новоявленного «фюрера».

Предлагаем читателям некоторые тезисы этой речи.

...На скамье подсудимых человек, который возомнил себя маленьким фюрером. Он пытается сегодня говорить о том, что его судят за политические убеждения. Но это не политический процесс — уголовный. Однако за спиной этого уголовника стоят конкретные политические силы. Люди, которые для осуществления своих политических целей не брезгают прибегать к услугам уголовника.

Материалы дела дают исчерпывающую картину того, что произошло в ЦДЛ, а также потом, когда началось следствие. Сначала дело пытались

не возбуждать. Потом замять. Не предавать огласке. Наконец, спустить на тормозах. Не удалось. Не потому, что было заинтересовано государство, а потому, что не дала замять общественность страны, понимающая гибельность пути, предлагаемого так называемыми «патриотами»...

Что вменили в вину Осташвили? Только действия, совершенные им в ЦДЛ. И не все действия, а только фразы, которые он кричал в мегафон. Предпринималась попытка свести деяния подсудимого к дешевому бытовому антисемитизму, создать предпосылки для переквалификации дела в обычное мелкое хулиганство. Позиции защиты и следствия по данному делу во многом совпали.

Из кого состояла «команда Осташвили», с которой он собирался прийти в ЦДЛ? Это его «телохранители». Это так называемый «Клуб друзей «Нашего современника». Интересно, что Осташвили имеет к данному клубу самое непосредственное отношение. Наконец, в деле имеются сведения, что объявление о собрании писателей было вывешено в НИИ «Сапфир».

Как показывают материалы дела, подготовка «визита» в ЦДЛ осуществлялась не только подсудимым и «Памятью». Ее проводили и партийные органы. Свидетель Соколов заявил: в Севастопольском РК

КПСС знали о готовящейся акции. На некоем заседании, проходившем там накануне, было сказано: «Не забудьте: 18-го все на «Апрель!» Анализ доказательств убеждает в бесспорности данного факта. В 7-м томе дела имеется скромная бумажка — график собраний «Московского национально-патриотического фронта». Собрания эти проходят каждый последний вторник каждого месяца в помещении Севастопольского РК КПСС.

Но заседание, о котором говорят материалы дела, прошло не в последний вторник. Оно было 16 января — к чему бы это? Не потому ли, что 18-го будет собрание «Апреля» в ЦДЛ? По ТВ, опровергая меня, выступил первый секретарь Севастопольского райкома, председатель Севастопольского районного Совета, член Политбюро РКП товарищ Брючихин и сказал, что в здании исполкома никогда подобных организаций не было. Хотя известно, что в здании райкома (или исполкома — они в одном месте) собираются различные неформальные организации. Интересно, что национально-патриотический фронт зарегистрирован как раз Севастопольским исполкомом. Так что либо Брючихин не знает, что делает вверенный ему исполком, либо умышленно вводит людей в заблуждение.

2 февраля вновь было собрание этой организации. И

вновь в Севастопольском райкоме. И опять не в последний вторник месяца. С чего бы это? Материалы дела дают ответ: отчитались о проделанной работе.

Кто помог Остахвили и его группе пройти в ЦДЛ? Мы не можем назвать конкретных фамилий. Хотя и выяснили обстоятельства. И можем сказать, кому это было выгодно. Я уже говорил о доблестном представителе РКП. На меня глубокое впечатление произвело и то, что VII пленум Союза писателей РСФСР получил приветственную телеграмму от Полозкова, когда тот еще был первым секретарем Краснодарского крайкома. В ней ясно говорилось, что убеждения Полозкова и Союза писателей РСФСР полностью совпадают. Эта цепочка показывает, кто был заинтересован в приходе группы Остахвили в ЦДЛ.

В ходе допроса от 8 февраля Остахвили говорил: «На учете у нарколога не состою». Следствие запросило справку у районного нарколога и получило ее: Остахвили является хроническим алкоголиком. И тут рождаются покаянные показания: «Ранее я не сказал, что состою на учете у нарколога, — опасался, что это повлияет на мой авторитет среди патриотического движения». Как видите, образ алкоголика не увязывается с образом спасителя русского народа даже в сознании Остахвили...

Сегодня закладывается судебная практика по делу, которое никогда не было предметом рассмотрения в наших судах. Мы должны ясно сказать всем: пропаганда любых шовинистических взглядов в нашей стране является уголовно наказуемой. Так же, как призыв ограничить права од-

ной нации или объяснять неудачи страны тем, что существуют евреи или кто-то еще. Сегодня вы этим приговором можете хотя бы чуть-чуть приостановить отъезд из страны людей, которых гонит страх перед тем, что завтра ударят топором по голове, подожгут квартиру, изобьют. Которые не защищены от оскорблений по национальному признаку. Всеми этому ваш приговор должен поставить надежный барьер.

В адрес VII Пленума правления СП РСФСР поступила телеграмма от первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС И. К. Полозкова.

Дорогие товарищи, получил Вашу телеграмму. Выражаю сердечную благодарность за приглашение принять участие в работе пленума Союза писателей России. Воспринимаю это как высокую честь и поддержку моих

единомышленников-партийцев. Эта поддержка весьма важна именно сейчас, когда определенные силы в стране ведут яростные нападки на КПСС, на партийные комитеты, на все здоровые силы общества, пытаются расшатать наш Союз, унижить русский народ, его истерию и культуру. Рад, что мои убеждения совпадают с патриотической позицией вашей творческой организации, которая олицетворяет совесть россиян.

Очень жаль, но обязательства вынуждают меня находиться в крае и не позволяют воспользоваться вашим приглашением. Желаю творческих успехов в работе Пленума во имя расцвета многонациональной культуры России.

С уважением
Народный депутат СССР
член ЦК КПСС И. ПОЛОЗКОВ.
«Литературная Россия», № 13 от
30 марта 1990 г., стр. 2

Депутат БЕЛАШОВ О ЕВРЕЙСКОМ ВОПРОСЕ

В сентябре Москву посетила группа общественных деятелей из США — представители Антидиффамационной лиги. Лига ведет борьбу с расизмом и антисемитизмом в США и изучает эти проблемы в других странах. В программе американцев была и встреча с депутатами Моссовета.

Беседа шла спокойно, дружелюбно, но скучновато. По-настоящему интересным

было лишь выступление депутата Сергея Ильича БЕЛАШОВА.

Он объяснил присутствующим, что в антисемитизме виноваты сами евреи.

Желая как можно лучше понять взгляды депутата Белашова, «Столица» направила к нему своего корреспондента Екатерину ГОНЧАРЕНКО. Сергей Ильич подробно и охотно изложил ей свою позицию.

— Вы, наверное, обратили внимание, что евреев вы почти никогда не найдете среди крестьян. Это нация торговая и городская. Антисемитизм появился, наверное, веке в шестнадцатом, когда возникли торговля и буржуазные отношения. Купцами, банкирами в первую очередь становились евреи.

Когда человек занимается торговлей, ему постоянно приходится считать. У него развивается интеллект. К этому прибавьте еще и воспитание в семье. Еврейские дети приходили в школу более интеллектуально развитыми, чем дети представителей коренной национальности. А заканчивая высшее учебное заведение, оказывались лучше подготовлены к роли руководителей. Их доля в сфере управления тоже оказывалась выше. В процентном отношении, конечно. Добавлю, что сами евреи всегда помогали друг другу, чтобы их не уничтожили как нацию.

В результате вот такая сконцентрированная интеллектуальная энергия воздействовала на управление страной и начала угнетать ее национальную культуру. Беднейшие слои населения смотрели на евреев, как на угнетателей.

Низы ненавидели весь правящий класс. Но могли выразить эту ненависть, лишь выделив одну его часть. Сам же правящий класс тоже был заинтересован в том, чтобы ненависть к себе направить в более удобное русло. Выпустить пар из котла. Так возникает подспудный, идущий из самых низов антисемитизм. Вот вам мой анализ.

Следует создать условия, при которых дети евреев оказались бы на том же интеллектуальном уровне, что и дети коренной национальности. Есть два варианта. Первый — угнетать евреев, не давать им развиваться. Но таким образом мы подрываем корни экономики. Поэтому надо выбрать другой, позитивный путь. Изучить национальную еврейскую культуру, и прежде всего культуру воспитания детей. Выявить основные методические приемы. Проанализировать национальную культуру основной нации, в данном случае русской. И лучшие методики из еврейской национальной культуры применить в воспитании русских детей. Сохраняя, естественно, русские национальные корни.

Возьмите любого еврейского ребенка. Как правило, он играет на музыкальном

инструменте. Как правило, занимается иностранным языком. В семье его нет алкоголиков. Это не случайно — таким образом не происходит вырождение нации. Как правило, еврейского ребенка никто не бьет. Придите в еврейскую семью, и вы увидите, что там отношения доброжелательные (между своими, я имею в виду). Воспитывается еврейская культура. Учат поддерживать людей своей нации.

— Музыка, иностранный язык, уважительное отношение друг к другу — все это напоминает не еврейское, а, скажем, дворянское воспитание в дореволюционной России.

— Я же вам говорил, что евреи проникли в правящие классы. И дворянская культура, выходит, тоже находилась под их влиянием. Я не очень хорошо знаю генеалогические корни. Но фамилии вроде Менделеева на такие мысли наводят.

Присутствовавшие на встрече в Моссовете видели, как побелели представители Америки. Они были просто взбешены, так как не могли мне ничего ответить. И здесь я бы хотел обратить ваше внимание на чисто политический аспект. Приехали к нам представители так называемой антидиффамационной лиги. А когда депутат Моссовета попытался раскрыть им корни антисемитизма, они, понимаешь, взбесились. Почему? Потому, что этим американцам, евреям по национальности, выгоден антисемитизм. Они на нем делают деньги. Чем сильнее антисемитизм, тем больше нужны такие правозащитники, как они. У меня осталось очень неприятное впечатление от этой группы. Я думаю, спецслужбы используют поездки таких вот сионистов для того, чтобы налаживать связи и получать информацию от жителей данной страны.

У нас сейчас много разных движений. Есть «Память», «Отечество». Есть «Демократическая Россия»; куда я, кстати, вхожу. Любое движение имеет массовые корни. А массовые корни просто так не вырастут. Помните пословицу: «Дыма без огня не бывает».

Россия всегда была богата тем, что не угнетала чужие национальные культуры. Но и о своей надо помнить. Я, напри-

мер, страшно переживаю, что мой сын национальных русских песен не слышит и не знает. Поэтому мне так нравится то, что предлагает Щетинин, — воспитание в русской национальной среде, изучение иностранных языков, игра на музыкальных инструментах. Вот мне очень интересно — а еврейские дети, которые у него учатся, все равно оказываются на более высоком уровне или в конце концов приходят к общему знаменателю? Мне кажется, что потенциал у русских детей более широкий. По крайней мере у них не только интеллект развивается, но и... даже не знаю, на интуиции очень многое построено в русской культуре.

— Как осуществить ваши планы?

— Прежде всего нужно менять исполнительную власть. У нас там сидят не профессионалы, не имеющие никакого отношения к педагогике. Мне это хорошо известно, я сам бывший учитель. Я давно нахожусь в конфликте с системой народного образования. В результате этой борьбы у меня выросли и хорошо отточились зубы. Я умею бороться. Нам необходимо сделать так, чтобы в управление, в особенности там, где речь идет об образовании, попали наиболее талантливые люди. Кстати, при такой системе на первых порах евреи опять окажутся сверху.

— И как вы к этому относитесь?

— Плохо. Но ничего не поделаешь.

Комментирует Александр МИНКИН

К сожалению, интервью не передает напористую педагогическую интонацию депутата. Я записал на встрече господ американцев с товарищами депутатами наиболее любопытные формулировки Белашова: «в Моссовете большинство евреев», «у евреев другая мораль, чем у русских», «идеология евреев влияет на президиум Моссовета и вызывает антисемитизм», «нельзя создавать систему управления по-еврейски для русского населения».

Белашов излагал свою теорию, не сомневаясь в правоте и удивляясь, что кто-то не знает или не понимает таких простейших вещей. Говорил, как с маленькими детьми, как с недоумками.

Уверен, Белашов обидится, если кто-то назовет его расистом или — не дай Бог — людоедом. И мы не будем так его называть, хотя он сам говорит, что у него «выросли и хорошо отточились зубы». Отметим лишь, что «угнетать евреев, не давать им развиваться» Белашов не считает воз-

можным исключительно по «экономическим» соображениям. Невыгодно. А вот когда, сменив исполнительную власть, применяя «еврейские методики» и поборов алкоголизм, удастся вырастить достаточное количество интеллектуалов коренной национальности, тогда...

Ленин, помнится, разрешил частную собственность, только пока не подрастут хозяева из пролетарских масс. Ленин, помнится, оставил жизнь инженерам, офицерам и прочим классовым врагам, только пока не подучатся «свои» на рабфаках. Так что депутат Белашов — верный ленинец.

Но не он мне был интересен. Куда интереснее было наблюдать за депутатами Моссовета, коих присутствовало десятка два. Сергей Ильич Белашов говорит чистую правду. Американцы были взбешены (хотя и сохранили вежливый тон). Что касается депутатов Моссовета — они смущались и хихикали.

Бек ТАШМУХАМЕДОВ

Зачем создается среднеазиатский тоталитарный округ?

В Москву из Ташкента приехал известный ученый, академик, лауреат Государственной и республиканской премий, директор Узбекского института физиологии Бек Ташмухамедов, который рассказывает о совершенно немыслимых по нашим современным понятиям антидемократических процессах, происходящих у него на родине. А руководит наступлением реакции по всему фронту президент Узбекистана, первый секретарь ЦК Компартии республики Ислам Каримов и его команда. Ташмухамедов дал интервью «Столице».

— Бек Абекович, судя по отрывочным слухам, то, что происходит сейчас в Узбекистане, напоминает генеральную репетицию тотального возврата к развитому социализму в отдельно взятой республике. Соответствуют ли наши представления действительности?

— Мне кажется, что в Москве в настоящее время располагают искаженной информацией о политической жизни Узбекистана, да и вообще Средней Азии. О возврате к старым временам у нас и речи быть не может, ибо новых мы так и не увидели. О перестройке знаем лишь из средств массовой информации, но сама она к нам, похоже, уже и не докатится.

Да, демократически настроенная часть общества по примеру других республик у нас тоже объединилась в Народный фронт «Берлик», сопредседателем которого я являюсь. Но реальной политической силой, способной противостоять коммунистическому

тоталитаризму, наш фронт так и не стал. «Берлик», как, впрочем, и другие общественно-политические организации республики, даже не зарегистрирован. Мы напрочь лишены права голоса. Местные газеты печатают о нас только порочащие материалы. Горсовет не дает разрешения на проведение митингов и манифестаций. Любое стихийное скопление народа влечет за собой немедленный арест активных участников. Их тут же развозят по районным судам и без долгих проволочек выносят приговоры. Лично я знаю людей, которых суд таким способом приговорил к штрафу в одну тысячу рублей. Как выносятся подобные приговоры, мы не знаем, так как проникнуть на эти закрытые заседания судов невозможно. Милицейский кордон не пропускает к народному правосудию даже народных депутатов.

В последнее время мы лишаемся возможности проводить и свои организационные собрания. Органам правопорядка дано прямое указание пресекать передвижение по республике активистов «Берлика»

любимыми способами. Им не продают билетов на автобусы и поезда. Дело дошло даже до того, что сторонников нашего Народного фронта, причем женщин вместе с детьми, изгоняли из праздничных первомайских колонн. Сейчас городской Совет отбирает у «Берлика» помещение, где была наша штаб-квартира. Вместо Народного фронта там будет размещена народная дружина.

Жаловаться на эти незаконные действия куда-либо бессмысленно. Президент республики Каримов постоянно и непреклонно заявляет: У нас в Узбекистане может быть только одна политическая сила — коммунистическая партия. Других не было, нет и не будет.

— Извините за банальность, что перефразирую известное высказывание. Но, согласитесь, народ достоин президента, которого он избрал!

— А вы знаете, как проходили выборы в республиканский и местные Советы, которые якобы принесли убедительную победу партийному аппарату? Со всей ответственностью утверждаю, что их результаты нельзя считать волеизъявлением узбекского народа. Они проводились с чудовищной фальсификацией и нарушением конституционных прав граждан. Партаппарату в республике было что терять, ибо люди из аппарата здесь имели значительно больше привилегий, чем их коллеги-коммунисты в других регионах страны. О масштабах развращенности и коррумпированности партийной верхушки говорит хотя бы тот факт, что выстраивать систему взяточничества в республике просто бессмысленно — взятка является привилегией любого руководителя. Это такой же атрибут власти у нас, как, к примеру, служебная машина. Так что партия вышла на выборы, очень хорошо зная, что она защищает.

Чтобы победить на выборах, руководящая сила общества использовала все доступные ей методы и средства. С помощью милиции, КГБ, воинов Советской Армии устраивались оцепления вокруг мест, где проводились предвыборные собрания, на которых отсеивались неугодных кандидатов. Были случаи, когда невозможно было поставить печать, подтверждающую законность выдвижения кандидата трудовым коллективом. А на одного из сопредседателей нашего Народного фронта, выдвинутого-таки кандидатом, прокуратура республики возбудила даже уголовное дело, обвинив его в том, что несколько месяцев назад он участвовал в организации несанкционированного митинга. И на этом основании избирательная комиссия не зарегистрировала его кандидатом в депутаты.

Наш Народный фронт располагает сотнями документов, где зафиксированы подобные вопиющие нарушения выборной кампании. И мы готовы доказать в любом независимом суде, что прошедшие выборы не могут считаться законными. При Пиночете в Чили у избирателей было больше свободы.

— Но почему об этих нарушениях вы вспоминаете так поздно? Почему не заявили о них в ходе предвыборной кампании или сразу после нее?

— Вы думаете, мы безропотно молчали? Били во все колокола. Обращались в прокуратуру, центральную избирательную комиссию, газеты. Причем не только в Ташкенте. Дошли до Москвы. Писали в «Правду», «Известия». Никакой реакции. У меня даже сложилось впечатление, что кто-то специально не замечал оргии выборного беззакония в нашей республике, дабы сохранить Узбекистан как заповедник «развитого социализма».

Примерно такие же процессы, направленные на подавление демократии, насколько мне известно, происходят и в других среднеазиатских республиках: Туркмении, Киргизии, Таджикистане. Не лучше обстоят дела и в Казахстане.

— Но зачем? Кому нужен огромный округ полустатальных республик с бесперспективной политической и экономической системой?

— Есть мудрая узбекская пословица: у тех, кто в одной лодке, — одна судьба. Наш союз мне представляется именно такой лодкой. И если сейчас мы начнем выбрасывать друг друга за борт или сами выпрыгивать по одному, мы все обречены. Не может выжить система, у которой неожиданно будут разрушены жизнеобеспечивающие коммуникации.

Идею сохранения целостности Советского Союза наш Народный фронт, я имею в виду его прогрессивных представителей, поддерживает не только по экономическим, но и политическим соображениям. Мы выступаем против немедленного самоопределения и суверенитета республики, считая такую позицию в настоящее время глубоко реакционной. Чтобы самоопределиться, нужно иметь хотя бы минимум свободы. А у нас ее нет. И без поддержки демократических сил других союзных республик, и прежде всего России, мы вряд ли ее обретем в обозримом будущем.

Ведь первое, что делает реакционная коммунистическая власть в среднеазиатских республиках, провозглашая свой суверенитет, — она устанавливает между собой и Союзом надежные фильтры, через которые не проникает ни одна живая демократическая мысль.

В Узбекистане, например, так же как и в Туркмении, уже обсуждался вопрос о запрещении трансляции программы «Взгляд». А что нации Центральное телевидение? У нас ведь суверенитет, свой президент. В этой связи стоит напомнить, что Узбекистан оказался одной из первых республик, которая ввела у себя президентское правление.

Антидемократические процессы, происходящие во всех среднеазиатских республиках, думаю, очень выгодны консервативным силам союзного центра. Они понимают, что выйти из состава Союза Узбекистан в ближайшее время не может. Извращенная монокультурой экономика республики просто не способна прокормить свой народ. И мы вынуждены будем еще неопределенное время оставаться сырьевым придатком системы, которая во всем цивилизованном мире сама считается таким же придатком.

Так что, по расчетам консервативных стратегов центра, Средняя Азия крепко прикована к Союзу экономической цепью. И уж если мы прикованы, то почему бы нас не заставить сторожить распадающуюся империю, когда такая возможность представляется. У имперских консерваторов сейчас зыбкое положение. Не на что опереться. Единственной реальной точкой опоры для них пока остаются среднеазиатские республики.

Не забывайте, что уже сегодня многие подразделения Советской Армии почти наполовину укомплектованы выходцами из этих республик. Элементарные демографические расчеты показывают, что через 15—20 лет вооруженные силы страны начнут необратимо сжиматься в твердый «среднеазиатский кулак». Вы понимаете, что собой будет представлять армия, личный состав которой больше чем наполовину воспитан жестокими несправедливыми условиями тоталитарной системы! С помощью такой армии можно будет умыть кровью любую демократию.

Говорю об этом не для того, чтобы усилить в нашем обществе эскалацию антисреднеазиатских настроений. Мне больно и обидно за мой многострадальный трудолюбивый узбекский народ, которому нечистоплотными политиками готовится на будущее незавидная участь жандарма самой крупной империи в истории человечества — Советского Союза.

Говорю об этом, надеясь на помощь всех демократических сил нашей страны. Нельзя переплывать реку с камнем на шее. Совместными усилиями мы должны не допустить, чтобы на земле Средней Азии был сформирован и расквартирован запасный полк тоталитаризма. В последующей борьбе за демократию он может сыграть роковую роль. Думаю, этот образ особенно будет понятен российским демократам, ибо судьбу России в Куликовской битве, как известно, решил запасный полк.

— А вы не боитесь делать подобные признания? Ведь вас на родине, с одной стороны, могут обвинить в разжигании межнациональных страстей, а с другой — в предательстве интересов узбекского народа.

— Я могу доказать любой аудитории, что и те, и другие обвинения — это обычная клевета на здравый смысл. Власти же не тронут меня. В отличие от многих борцов за демократию в нашей республике, против которых легко сфабриковать любое уголовное дело, я, к счастью, защищен от подобного беззакония званием академика и международным научным признанием. Поэтому, наверное, и нашел в себе смелость сказать открыто о том, о чем уже нельзя молчать. Ибо подобное молчание — это уже не просто сделка с собственной совестью, это преступление перед родным народом.

Коммунистическое руководство республики, да и страны в целом, вероятно, не от большого ума объявило тотальную войну народным фронтам и всячески стремится их дискредитировать. Ведется планомерная

политика отпугивания интеллигенции от Народного фронта, в который, к сожалению, проникают в последнее время довольно часто темные и нечистые элементы. Власти способствуют этому. И уже существует реальная угроза перерождения нашего прогрессивного движения в реакционную силу.

Повторяю: компрометировать демократию таким образом могут только крайне ограниченные люди, лишенные видения исторической перспективы. За семьдесят с лишним лет пребывания у власти коммунисты, увы, так и не научились различать в политической жизни больше двух цветов: красного и белого. И потому так опрометчиво они себя сейчас ведут. Время их самодержавия закончилось. Править, ни за что не отвечая, им осталось считанные годы. Слишком быстро растет в народе неприятие всего коммунистического.

Поэтому для нынешнего руководства нашей республики по меньшей мере нелепо посвящать последние годы своего правления борьбе с демократами, единственной силой, на помощь которой они могут рассчитывать в будущем, думая о собственной безопасности. Пока коммунисты дают демократов, в республике набирает силу реакция иного цвета. Черного. С одинаковой ненавистью они относятся и к коммунистам, и к демократам. Моральные представления этих людей равны нулю, жестокость не поддается описанию. Это они сейчас раздувают в республике идеи сепаратизма и самоизоляции. Окажись мы действительно суверенным государством, коммунистическое правительство с таким послужным списком преступлений долго не продержится у власти — у «черной демократии» свои законы. Она тоже различает только два цвета: свой и чужой. Поэтому и академик, и президент вполне могут быть повешены по одному указу. Ибо окажутся в одной лодке.

Мне в такой ситуации будет жаль не казненных, а живых.

Беседу вел Ю. БЫЧКОВ

«СТОЛИЧНАЯ» ПОЧТА

Мы, члены Каневского отделения «Руха», просим помочь подписаться хотя бы на один экземпляр журнала «Столица».

Мы уверены, что вы далеки от официозных оценок, согласно которым рухвцы — это экстремисты и безответственные крикуны. Мы — нормальные люди со своими взглядами и убеждениями. Ну а то, что они не совпадают со взглядами нынешнего руководства СССР и КПСС, не наша вина. «Хай вибачають», как говорится.

Русские же люди — братья нам. И Россия — близка нам. Поэтому ваш журнал так нам интересен. Он — словно весточка о братьях. Правдивая, добрая весточка.

И еще одно — хотелось бы, чтобы и читатели «Столицы» узнали правду о рухвцах. Среди нас много журналистов. С удовольствием пришлем материалы. Специально для москвичей.

Канев
Е. ЯМПОЛЬСКИЙ

О ЖУРНАЛЕ И ПОДПИСКЕ

Подписка на еженедельник «Столица» принимается на всей территории СССР.

Наш индекс: 73746

Подписная плата 49 руб. 40 коп. (на год),

24 руб. 70 коп. (на 6 месяцев),

12 руб. 35 коп. (на 3 месяца).

После 1 ноября вы можете подписаться на журнал начиная с апреля 1991 года.

Михаил
ПОЗДНЯЕВ

«ЗВЕЗДОЧКА НАША

ПРЕКРАСНАЯ...»

Откуда она такая взялась —
Нина Андреева?

Откуда — два Кузьмича-пара,
два храбрых генерала откуда —
Родионов с Макашовыми? Кто их
сделал такими — ведь в
младенчестве все дети ангелы?

Кто? Партия? Комсомол?
Пионерская дружина?

Октябрятская звездочка —
ВОТ КТО.

Фото А. Бутлера

Я до сих пор могу спеть эту песенку от начала до конца: вот что значит детская память.

Начинается песенка так:

*Вчера мы вступили в семью
октябрат —
Веселых, умелых и дружных
ребят!
Мы красные звездочки гордо
несем
И песню об этом всем классом
поем:*

*«Звездочка наша прекрасная,
Звездочка ясная, красная!
На солнце сверкай! Лучами
играй!*

*И нам свети
В пути!..»*

Надо же — помню. Будто и впрямь все это вчера было.

Но вот — в самом деле вчера, то есть тридцать лет спустя, — купил я у нас на Чистых прудах, в киоске перед входом в Министерство просвещения РСФСР, «Азбуку для четырехлетней начальной школы»: 4-е стереотипное издание, вышедшее в «Просвещении» в 1989 году тиражом 2 миллиона 110 тысяч экземпляров.

Купил я «Азбуку» не для себя, конечно, хотя и песенку про звездочку, видите, до сих пор помню, — а для своего малыша. И слава Богу, не сразу ему подарил, но перелистал вначале...

Книжки рвать нехорошо.

Посему я не стал вырывать из книжки — а просто аккуратно склеил несколько страниц. Даже и незаметно. И на сердце спокойно.

Я не хочу, чтобы мой мальчик, раскрыв свою «Азбуку», во первых строках прочитал следующее:

*Ленин —
жил.*

*Ленин —
жив.*

*Ленин —
будет жить.*

Я знаю: он спросит, что эти слова означают.

Я не знаю: как отвечать.

А завершается «Азбука» другими, столь же популярными среди взрослого населения страны, стихами:

*Славься, Отечество наше
свободное,
Дружбы народов надежный
оплот!*

*Партия Ленина — сила
народная
Нас к торжеству коммунизма
ведет!*

Простите мое упрямство — не хочу, чтобы мальчик и это прочитал. Лишний раз перечту с ним «Дядю Степу» или «Трех поросят» — тем более, что это тексты того же автора.

Прекрасно сознаю, что моя борьба с учебным пособием, выдержавшим за годы перестройки четыре издания, отпечатанным в количестве восьми с половиной миллионов экземпляров, сравнима разве что с попыткой угнать самолет в братскую Финляндию. Да и не уберечь мне моего малыша: скоро-скоро пойдет он в школу — и не успеет всех букв азбуки научиться писать, как сообщит мне удивительную новость:

— Нас принимают в октябратя!

Один американский корреспондент, отдавший свое чадо в обычную московскую школу, при этой новости онемел. А сынок милостиво объяснил:

— Ну как ты не поймешь: ведь мы все — внучата Ильича!!!

Корреспондент срочно звонил наследнику из Совдепии.

Забрал своего сына Петю из столичной школы и Юрий Петрович Любимов — мальчика травмировало, что в каждом классе — портрет дедушки Ленина (вариант — он же в раннем детстве).

Как защитить малышей нам — не располагающим иными вариантами?

Нас успокаивают: все это — лишь пока. Пока не разрешены другие школы. Утешение слабое: покамест травка подрастет...

Когда они появились — внучата Ильича?

Представьте, еще при жизни дедушки!

Первый призыв — это первоклашки — ровесники революции (отсюда и «октябратя»). 1923 год.

Звездочки с портретом «маленького Ленина» начали вручать первоклашкам едва ли не на следующий день после похорон вождя.

Уже в 1925-м в постановлении ЦК РКП(б) «О пионерском

движении» отмечалось «успешное начало работы среди октябрат», предписывалось комсомольцам и пионерам при поддержке «всех парторганизаций, профсоюзных и госорганов... продолжать постепенное расширение групп октябрат при окрепших отрядах юных пионеров, внимательно изучая все вопросы этой работы и осторожно выбирая те или иные формы и методы, приспособляя их к особенностям этого возраста».

Вот так: не нахрапом, дуриком, — «осторожно выбирая и приспособляя...»

Дело новое, сложное. «Наше воспитание, как и весь наш общественный строй, как и все наши задачи, резко отличаются от того мира, в котором воспитываются бойскауты. Здесь дети участвуют в пере выборах советов, усваивая с детских лет значение той государственной организации, которая дает самим трудящимся управлять всеми делами страны, — втолковывал пионером — наставникам октябрат Ем. Ярославский в брошюре «Воспитаем ленинцев» (1930 г.).

— Не забудьте того, что ребенок сейчас иной, чем был много лет тому назад. Для ребенка 2—3 лет, а тем более для ребенка 5—6 лет пионер очень много значит. Он уже мечтает быть пионером. Он мечтает не только о том, чтобы иметь трубу, которую имеет трубоч-пионер... нет, он мечтает о том, что будет во всем походить на этого пионера... Нередко у маленьких детей 3—4 лет услышишь теперь: «честное ленинское слово». Это честное ленинское слово проникает через пионерский отряд в сознание маленьких октябрат, в сознание неорганизованных детей; это честное ленинское слово будет наполняться все новым и новым содержанием...»

«Коммунизм — это молодость мира. И его возводить молодым...»

Мы ломаем голову над проклятым вопросом: как, почему, откуда — волна дикой злобы, хамства, невежества и прямого бандитизма, и где — в патриархальной России?! И так скоро... и неотвратимо... и камня на камне не оставляя...

Между тем, пытаюсь объяснить природу триумфа «Союза воинствующих безбожников», полезно вспомнить, что возглавлял

его тот же Ярославский и едва ли не на ¼ печальной памяти «Союз» состоял из «ребят-октябрат» первого призыва.

«И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное...»

И кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает;

А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничинный жернов на шею и потопили его во глубине морской»

(Матф., 18: 3, 5, 6).

«Ленин очень любил детей» — это не позднейшие наслоения, не посмертная ретушь. Миф о добром дедушке культивировался с самого начала, с первых дней Октября.

Любовь держится взаимностью. Вот лишь три страницы этой «love story», три фрагмента любовной переписки дедушки и его внучат.

«Хороший дядя Ленин!

Добрый дядя Ленин, я очень рада, что Вы такие хорошие. Сколько Вам заботы было от того, как Вы хлопотали все бесплатное для детей. И вот, дядя Ленин, и я еще к Вам с просьбой. Я прошу у Вас для моей маленькой сестрички и для меня к Рождеству: сестре — мишку и для меня — большую куклу с закрывающимися глазами.

Мы здесь живем ничего. Только другой раз нечего кушать, и наш папа все худеет и все-таки работает...»

«Дорогой Ленин!

Я считаю позорным перед Вами писать Вам такие бесполезные для революции письма, ибо такие письма отрывают Вас от великого дела. Но, знаете ли, я, как мальчик страстно любящий Вас, не удержался и написал Вам письмо, цель которого нижеследующая:

1) чтобы Вы выразили свое чувство к этому детскому письму,

2) чтоб я этим чувством пользовался всю свою жизнь, думая, что товарищ Ленин очень любит детей, и эта мысль казалась мне милой социалистической мыслью...

... Имею честь объявить Вам, что я состою, как честный мальчик, председателем культурно-

просветительного кружка, в ре-
визионной комиссии и в то же
время секретарь в сельском ис-
полнительном комитете...»

«Просьба к комиссару Ле-
нину.

Мы проживаем в церковном
доме. И нас дьякон притесняет
на дворе страшно. На дворе
играем, говорит — кур гоняем. К
саду подойдем — нахалами об-
зывает. А сами цветы сажают
да по саду гуляют. Нас в сад не
пускают.

Нас у мамы 6 человек детей.
Я старшая, мне 9 лет. Папа наш
в Красной Армии...»

Все три письма относятся к
1919 году. И не оставлены без
ответов. Любовью дорожить
умеете...

Энциклопедии извещают: был
в истории октябрьского движе-
ния смутный двадцатилетний пе-
риод. Звездочки исчезли из об-
ращения на идеологическом тор-
жище перед войной — и вновь
засияли в пору оттепели.

Я — октябренок как раз это-
го, хрущевского призыва.

Нет прямых объяснений опа-
лы, которой подвергся малень-
кий кудрявый Володя, но доста-
точно убедительно такое, кос-
венное объяснение: в гимне
юных пионеров (сочиненный, как
и «взрослый» гимн, С. Михалко-
вым, переживший косметическую
правку, он распеваётся повсеме-
стно донине) во всех трех куп-
летах упоминаются Ленин и Ста-
лин. То ли Сталин — «Ленин се-
годня» хотел быть не только
вечно живым, но и вечно моло-
дым, оставляя за своим предте-
чей право быть дедушкой; то ли
идея запечатления на красной
звездочке двух детских головок
оказалась недостаточно заман-
чивой; то ли в Гори не было фо-
тографа — и потому не дошло
до благодарных потомков изоб-
ражение малютки Сосо, склады-
вающего из кубиков и щепочек
макет мавзолея... так или иначе,
в данном случае коса на камень
нашла, культ с культом не увя-
зался.

Детишки, однако, бесхозными
не оставались.

Вот извлечения из шедевра
педагогической мысли эпохи
борьбы с космополитизмом —
книги Н. Пановой «Они будут
пионерами (Работа со школьни-
ками 1-х, 2-х классов)».

«Н. А. Добролюбов писал:
«...Разумное воспитание требует,
чтобы в самом раннем возрасте,

еще прежде, чем дети станут
сознавать себя, внушалось им
стремление ко всему доброму,
истинному, прекрасному и благо-
родному...»

...У 7—8-летнего ребенка воз-
никает любовь к школе, учителю,
он уже своеобразно пережива-
ет и важнейшие исторические
события своей родины, своего
народа. Дети этого возраста
ясно и определенно выражают
свою любовь к великим вождям
Ленину, Сталину, к Советской
Армии, к героям Отечественной
войны, к героям социалистиче-
ского труда... Во всей воспита-
тельной работе с малышами осо-
бенно важно организовать рабо-
ту так, чтобы между мыслями и
поведением ребенка не было
разрыва... Вожатый и пионеры
рассказали малышам о школь-
ных годах В. И. Ленина и И. В.
Сталина, о том, как хорошо они
учились, как серьезно относи-
лись к своим школьным обязан-
ностям, как помогали отстающим
товарищам; они показали малы-
шам фотографии великих во-
ждей в школьные годы, их
школьные табели. Надо, чтобы в
результате этой беседы у малы-
шей возникло желание учиться
так, как учились Ленин и Ста-
лин. Надо, чтобы это желание
было воплощено в действии, то
есть чтобы они действительно
стали хорошо учиться, выпол-
нять все домашние работы, вни-
мательно слушать на уроках, по-
могать своим отстающим то-
варищам...»

Критикам русского коммуниз-
ма (среди них, конечно, необхо-
димо выделить Бердяева) при-
надлежит глубокое наблюдение:
подобно Деннице, отпавшему от
Бога, но, будучи сотворенным
Им, не способному существовать
вне Его системы координат, бо-
гоборцы XX века, оформляя, де-
корировав свою идеологическую
нишу, то и дело пародировали,
«обезьяничали» то, от чего от-
талкивались и отрекались. Начав
с идеи самозабвенности и
жертвенности, они просто не
могли не кончить почитанием
мощей; взрывая храмы, они по-
чти инстинктивно принимались
на их месте громоздить свои —
«превыше оных»; упразднив хри-
стианский календарь — вводили
свой (и весьма обширный!) ре-
естр «красных дат»; и октяб-
рятская звездочка причудливым об-
разом соединила в себе функции
нательного креста и иконы Мла-

денца-Спасителя (можно едва ли
не наверное утверждать, что на
окончательный облик маленько-
го Ленина в медальоне звездоч-
ки оказало сильное влияние
изображение, известное в иконо-
писи как «Спас Еммануил»).

Говоря все это, следует не
упускать из виду, что пародия
пародией и осталась и все ре-
зультаты усилий «первосвятите-
лей и книжников» коммунистиче-
ской идеи непременно несли на
себе черты в большей или мень-
шей мере шутовские.

Здесь уместно остановиться
на так называемых «Правилах
октябрат». Их — пять, как и
концов у звездочки (рубиновой,
по ее статусу, следовательно,
знаменующей Кремлевскую звез-
ду). Как и малышей в звездоч-
ке-звене (весь класс разбивает-
ся на такие «пятерки»). Число
пять теснее всего в коммунистиче-
ской символике связано с жи-
вотным началом человека — его
«чувств простой пятерницей» и не
несет каких-либо дополнитель-
ных символических нагрузок.
Разговоры о кабалистических
значениях пятиконечной звезды
оставим авторам журнала «Наш
современник».

Вот — пять заповедей ок-
тябрат.

«Октябратя — будущие пи-
онеры».

«Октябратя — прилежные ре-
бята, любят школу, уважают
старших».

«Только тех, кто любит труд,
октябратями зовут».

«Октябратя — правдивые и
смелые, ловкие и умелые».

«Октябратя — дружные ребя-
та, читают и рисуют, играют и
поют, весело живут».

Первое, что бросается в гла-
за, — это, собственно, и не за-
поведи вовсе, хотя претензия —
налицо. Заповедь либо предпи-
сывает, либо запрещает нечто в
нормах поведения. Правила ок-
тябратя выдают сразу конечный
результат. Создается иллюзия
чудотворства: стоит тебе надеть
амулет с изображением младен-
ца-богочеловека — и ты стано-
вишься прилежным, смелым, че-
стным! Эти скрижали сегодня
несут на себе следы нескольких
подчисток: например, во второй
заповеди ранее вместо «любят
школу» значилось «хорошо учат-
ся». Кому-то пришло в голову,
что от плохой учебы нет зарока,
это уж от способностей ребенка,
да и от других обстоятельств за-
висит. Вместе с тем стала

закрепленной мысль о школе
— «втором доме», школе —
«храме».

И еще. В правилах октябрат
непостижимым образом совмеще-
ны понятия, которые в реальной
жизни вообще-то играют весьма
различные роли. Ну вот, скажем:
«правдивые и смелые, ловкие и
умелые» — свойства души, вос-
питанных чувств поставлены на
одну доску с физическими дан-
ными и навыками. Да, конечно:
«делу — время, потехе — час»,
но все-таки час, а не равновели-
кое делу время... А тут абсолют-
но на равных действуют прави-
ла, предписывающие любовь к
труду и праздное, веселое вре-
мяпрепровождение...

Правила, о которых идет
речь, относятся к 1958 году, ко-
гда новое «Положение о Всесо-
юзной пионерской организации
имени В. И. Ленина» закрепляло
принятое годом ранее решение о
реанимации ордена октябрат.
«Для руководства октябрскими
группами, — гласило Положение,
— комитетам комсомола школ и
пионерским дружинам выделять
комсомольцев-учащихся, а также
наиболее проявивших себя пио-
неров старших отрядов».

«Восстановление ленинских
норм» в обыденной жизни нико-
им образом не могло не коснуть-
ся жизни школы. Младшие клас-
сы были тем звеном, которое
выпадало из цепочки взаимосвя-
занных поколений, грубо говоря
— «бесхозом». Но вот «группе
октябрат вручается красный ок-
тябратский флажок», «звездочки
включаются в соревнование за
первое место в учебе и поведе-
нии» — и маленькая шестерня
одним зубом цепляется за ше-
стеренку побольше (пионерскую
организацию), а другим, хочешь
не хочешь, пускает в ход самую
неподатливую (зато и самую
массивную) шестерню — семью.
Цепь — замкнута.

Как руководить эдакими не-
смышленишами?

Мировая педагогика, весь ее
опыт подсказывают: никакого
руководства, полная свобода —
и осторожное, деликатное на-
правление кипучей младенческой
энергии в разумное русло. Иное
дело — наша школа.

«Ступени юного пионера» —
нормативный документ пионер-
ской организации отдает почти
военный приказ: не пускать
жизнь малышей в школе на са-
мотек.

Так, пионер III ступени обязан «подготовить одного или нескольких октябрят к вступлению в пионеры», «уметь провести с октябрятами утреннюю зарядку», «уметь провести с младшими беседу о прочитанной книге». Это — для учеников 7 — 8-х классов. Пионер II ступени (5 — 6-е классы) получает указание: «знай о том, как пионеры помогают Родине, и расскажи об этом младшим товарищам», а кроме того, «проведи с младшими ребятами три — пять игр на наблюдательность и смекалку». Пионер I ступени никаких четких распоряжений на предмет передачи опыта малышам не имеет. Ему предоставляется возможность проявить здесь самостоятельность. Остается только догадываться, какое из заданий пионер I ступени волен распространить на свое общение с октябрёнком; скорее всего — «умение отличать съедобные грибы и ягоды от несъедобных...»

Прав товарищ Ярославский: «для ребенка 5—6 лет пионер очень много значит», и малыш совершенно искренне реагирует на таинство приобщения его к «племени юных ленинцев», на вручение ему в канун «праздника праздников» — годовщины Октября — красной звездочки. Наверное, и пионер испытывает вполне человеческие эмоции, прикалывая на грудь несмышлёнышу звезду-талисман. Так что игра совершается не только на самых грубых, но и на весьма тонких душевных струнах детей — надо воздать должное идеологам коммунистического воспитания подрастающего поколения. И все же самые изощренные мероприятия в стенах школы — ничто без усилий родителей.

И они — мы! — также подключаются к процессу становления «будущего строителя коммунизма».

Цитирую выдержавшую не одно издание работу И. Печерниковой и Л. Чубарова «Детские и юношеские организации и семья», написанную и опубликованную в середине 70-х годов:

«Родители должны как можно скорее и лучше узнать товарищей своего ребенка по звездочке. Поэтому надо не только не препятствовать, чтобы «пятерка дружная ребят» собралась у вас дома, но всячески поощрять

такие сборы и помогать их организовывать...»

О других детях, о дружбе с малышами из других, чужих звездочек — речи попросту не идет!

«Родители в зависимости от своей профессии, интересов могут организовать прогулку с детьми в ближайший лес, парк или новую для ребят подвижную игру или провести несколько упражнений микроразрядки...»

Пустяк? Мелочь? Ничего подобного! Трудовое воспитание. Авторы пособия рекомендуют такие упражнения: «Дровосек рубит», «Насос заработал», «Вертолет прилетел»... Если же не забывать о политической стороне дела, можно, смею пофантазировать, продолжить комплекс упражнений такими, к примеру: «Ленин на субботнике», «Ленин на броневике», «Ленин в Альпах»...

Чем ближе срок приема в пионеры, подсказывают методисты-педагоги читателям-родителям, «тем чаще проводятся в семье беседы о Ленине, обсуждение книг, просмотренных вместе кинофильмов» (конечно же, из шедевров «ленинианы»). Темой разговора с мамой и папой за чайком с вареньем «становятся героические страницы пионерской летописи — рождение пионерии, присвоение ей имени В. И. Ленина, награждение двумя орденами Ленина. Нельзя пускаться на самотек и самостоятельное чтение вашего первоклашки — долг родителей «выписать «Пионерскую правду», «Мурзилку» и соответствующий журнал для младших школьников, который выходит в той или иной республике». Как видим, и для интернационального воспитания место есть, если с умом подойти.

А главное — главное, как всех нас учили, сочетать теорию с практикой!

Вот что пишут в пособии для учителя «Содержание и методика этических бесед с младшими школьниками» (издание второе, доработанное. — М., «Просвещение», 1985) О. Богданова и О. Калинина:

«Необходимо не только привить детям интерес к чтению рассказов, стихотворений о В. И. Ленине, его соратниках, о Коммунистической партии, но и научить ребят действовать. Для

этого параллельно с подготовкой беседы нужно организовать с детьми ряд практических дел, например устроить кормушки для подкормки птиц зимой, сделать скворечники для встречи пернатых, привлечь к участию в работе зеленого патруля на территории школы, на улицах, в парках».

Ничто человеческое, ей же Богу, и нам не чуждо!

Об этом — вон еще когда! — и Емельян Ярославский писал.

«Было бы, однако, неправильно, — признавал он шестьдесят лет назад, — если бы мы, противопоставляя два мира, стали игнорировать ценное и полезное, что можно взять у нашего врага. А кое-что можно и нужно. Взять хотя бы такой пример — праздники древонасаждения». «Правда, — снисходительно оговаривается наставник пионери и октябрят, — лесов в Советском Союзе больше, чем где бы то ни было, однако и у нас имеются огромные безлесные области, совершенно лишённые растительности поселки и деревни».

...Моему мальчику еще не сегодня грозит прием в октябрята.

А вашему — сегодня.

Знаете ли вы, что формулировка «прием в октябрята» неверна по сути? Являясь полноправными членами пионерской дружины, октябрята не представляют самостоятельной организации. Их автоматически зачисляют в эту первую коммунистическую ячейку. Не надо ни письменного, ни устного заявления. Случай уникальный, не имеющий аналогов во всей политической структуре советского общества!

Я-то еще надеюсь, что через год-два будут и частные, и церковноприходские школы: за событиями нынче не угонишься. А вам что делать?

Волюному — воля; а все же 6-я статья отменена. И, стало быть, мы, родители, защищая права и интересы своих детей, смеем настаивать уже сегодня на деполитизации школы, отделения ее от государственного коммунизма (как в свое время отделена она была от «государственной церкви»!)

Дело ведь не шуточное. Малыши принимают присягу, клянутся служить беззаветно делу Ленина, делу партии, быть такими, как...

Мало того, что воля отсекает — личность загоняется в тесное стойло. Клятва дается. Клятва в а. Это ведь на всю жизнь. Шутки?..

Два анекдота — не столько чтобы повеселить, сколько для точки, а не отточия в финале.

Один — исторический. Не анекдот даже — воспоминание Н. К. Крупской, недавно освеженное, сообщенное нам Владимиром Солоухиным. Поехал Ильич на охоту — зайца бить. Дело весной было. И, в точности как у Некрасова, попался Ильичу островок, на котором косые кучей сидели — плюнуть некуда. Так охотник и патронов тратить не стал — прикладом перебил зайчишек, благо деваться им с островка было некуда. Надежда Константиновна преподносит этот сюжет как образец смелки и опыта в подобных предприятиях своего мужа.

Второй анекдот — современнейший.

Воспитательница принесла в детский сад живого зайчика.

— Ребята, кто это?

Молчат.

— Ну, посмотрите внимательно! Вы все его знаете, любите!

Молчат. Сопят.

— Мы с вами столько о нем читали, песенки пели.

Один малыш присел на корточки, погладил.

— Здравствуй... дедушка Ленин.

... Я хочу, чтобы наши малыши узнавали в зайчике — зайчика.

ОТРАЖЕНИЯ

Фото Г. Бодрова

От 16 и старше...

Госкомстат СССР отмечает крупное увеличение преступности в стране. За первые 6 месяцев 1990 года зарегистрированы почти полтора миллиона преступлений, из которых 575 тысяч остались нераскрытыми. Преступления совершили 762 тысячи человек (во всяком случае, столько выявлено).

Из 762 тысяч преступников 114 тысяч женщины, 28 700 школьников, 34 400 учащихся ПТУ и 130 700 ничего не делавших в возрасте от 16 и старше.

Фото А. Угробина

И на море, и на суше

От аварии не застрахован ни один вид транспорта. Госкомстат СССР подсчитал, что в первом полугодии 1990 года на железной дороге произошло 70 трагических происшествий, в которых погиб 21 человек, на море — 40 таких случаев и четверо погибших, на реках — 41 авария и один смертельный исход, в воздухе — 89 аварий, унесших 78 жизней.

Но больше всего аварий с трагическим исходом произошло на шоссе и городских дорогах: 133 300! Погибли 23 500 человек, ранены 144 тысячи. Это настоящая война. Больше половины виновников необъявленной битвы — водители-частники (51 процент), четверть — пешеходы. Относительно числа дорожно-транспортных происшествий, которые были в первом полугодии прошлого года, нынешних стало меньше в Азербайджане, Литве, Молдове, Латвии, Киргизии и Туркмении. Все остальные республики «план перевыполнили». Больше всех — Грузия (120 процентов), за ней Таджикистан (114 процентов), Белоруссия (112,8 процента), Казахстан (110,9 процента)... Россия тоже «перевыполнила», но всего на 102,1 процента.

Подсчитано также, что водителями в нетрезвом состоянии совершено 22 100 аварий, в которых погибли 4 400 и ранены 25 600 человек.

Так вот в чем дело!

Руководители бытового обслуживания населения в последнее время стали жаловаться, что в ателье и ремонтных мастерских просто некому работать! Портные, сапожники, мастера по ремонту зонтов, изготовлению ключей и другие, дескать, сбегают в кооперативы.

Нехваткой мастеров объясняют всё. И длинные очереди — исследование за исследованием показывают, что только одно оформление заказа на каждой третьей станции технического обслуживания автомашин, в пунктах приема заявок на ремонт квартир, изготовление мебели, пошив обуви, ремонт холодильников занимает боль-

ше часа! На нехватку ссылаются и тогда, когда клиенты жалуются на низкое качество ремонта...

Нет, утверждает Госкомстат СССР, утечка мастеров в кооперативы совсем невелика. За два последних года туда перешло чуть больше 30 тысяч человек, то есть всего один процент государственных служащих.

Скорее всего дело в том, что среди работников службы быта очень мало настоящих мастеров своего дела. В 1989 году в стране было 5 630 мастерских по изготовлению обуви и 16 500 ателье по пошиву одежды. Из них лишь 413 и 868 (соответственно) высшего разряда.

Не соревнование, но все-таки интересно: кто больше?

В 1989 году в Советском Союзе родилось 5 062 231 человек. Больше всех постарались жительницы РСФСР — они родили 2 160 559 мальчиков и девочек. За ними попытались угнаться жительницы Украины (690 981 младенец) и Узбекистана (668 807 младенцев), но, как видите, отстают еще значительно.

А меньше всего, отмечает Госкомстат СССР, родилось в Эстонии — 24 292 ребенка. Чуть больше — 38 922 — в Латвии.

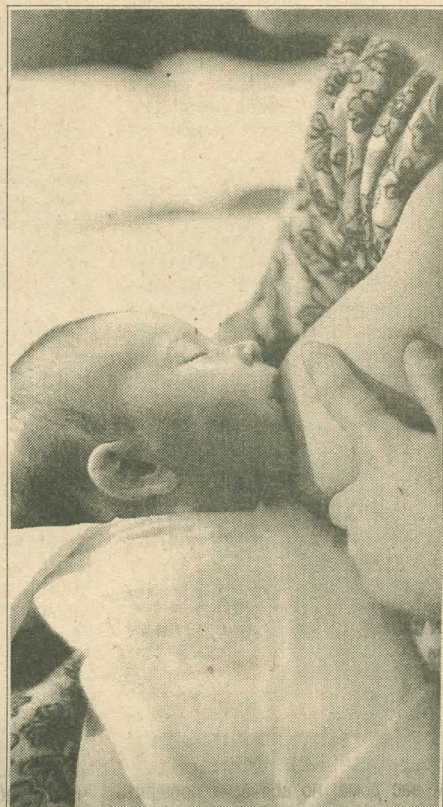

Фото Ю. Штукина

Вячеслав
БАСКОВ

ДРЕССИРОВАННЫЕ ЛЮДИ

фото Г. Бодрова

Неделя в Москве начинается теперь не с понедельника, а со среды: каждый вторник в вечернем выпуске телевизионной программы «Добрый вечер, Москва!» выступает председатель Моссовета Г. Х. Попов и рассказывает о положении дел в городе. Его рассказы заряжают на неделю. В сущности, это рассказы о его собственных возможностях. Из них мы узнаем, что в наше время может председатель Моссовета. Оказывается, председатель Моссовета, если он избран, а не назначен, может совсем немного. Ну, например, выступать по ТВ по вторникам — может.

Конечно, это уже что-то, поскольку славное ТВ почти всякий вторник делало некоторые вещи, которые оттягивали время встречи председателя с жаждущей новостей телеаудиторией. Однажды Гавриил Харитонович сказал, что если ТВ еще раз оттянет его выход в эфир, то он откажется от оказанной ему высокой чести. Москва замерла. Телевидение спасла ведущая: она попросила у Гавриила Харитоновича прощения. Москва расслабилась.

Бывают все же ситуации, в которых председатель Моссовета выглядит почти полномочным председателем Моссовета. Скажем, как только обнаружился внезапный дефицит табачных изделий и публика по инерции подумала, что дело, как всегда, в плохой работе фабрик, председатель Моссовета Г. Х. Попов в свой вторник сообщил потрясенную телеаудиито-

рию новость: я сегодня, сказал он мрачновато, ездил к Михаилу Сергеевичу Горбачеву...

Конструктивный разговор на высшем уровне сразу дал результат: оказалось, что сигареты есть, их давно везут в Москву, но на железной дороге, понимаете, опять какая-то неразбериха и вагоны застряли. Кажется, на другой же день вагоны до Москвы доскрипели. Получилось так: дана кем-то одна команда — вагоны застревают, дана другая — вагоны трогаются... И еще вышло, что председатель Моссовета знает, кого о чем просить.

В ситуации с хлебом было несколько иначе. Пропал хлеб, потом все мучное, исчезли рис, пшено, даже крупа саго. И ничего этого нет до сих пор. Есть нечего. Из вторичных выступлений мы не слышали, чтобы наш председатель ездил на самый верх. Это значит, что сверху еще не поступала команда дать москвичам еду. С телеэкрана мы услышали другое: Москва — в блокаде. Председатель Моссовета говорил об этом энергично. Почти так же, как тогда, когда объявлял ведущей ультиматум. Его энергия заражает телезрителей и дает бодрости на целую неделю, но сигарет, вермишели, риса, постного масла, одежды, галантюмерии и парфюреи не становится ни больше, ни меньше — их фактически нет. Появился хлеб, но отнюдь не хлебобулочные изделия. И теперь стали поговаривать, что энергия товарища Поло-

ва иссякает. Сколько ни бьется он со своим Моссоветом, сколько решений ни принимает, магазинных прилавков они не наполняют. Говорят даже, что тех правильных решений нужные люди и не читают. Они ждут чего-то другого, те нужные люди...

Мало кто догадывается, что в Москве есть еще один товарищ, который гораздо могущественнее народного депутата СССР, председателя Моссовета. И он работает прямо-таки без устали. Очень часто и его веселое лицо говорит нам с телеэкрана приятные вещи. Иные журналисты почему-то оповестили читающую публику, что будто бы он уже не очень могущественный человек: он будто бы вовсе отказался от своей власти. В тех статьях говорится, что он утратил свое влияние.

Я говорю о первом секретаре горкома партии (теперь в таких случаях переспрашивают: партии — какой?) Юрию Анатольевиче Прокофьеве. Ну, в самом деле, какой с него теперь спрос? Первый секретарь горкома ушел в тень хозяйственной жизни, зато ярче выдвинулся на политическом горизонте, где выглядит революционером, порой даже диссидентом.* Кому-то, кому только и подавай врага, чтобы было с кем бороться и кого преодолеть, кажется, что бло-

каду Москве «устроила партия». То есть горком. Ну, Прокофьев Юрий Анатольевич. Но разве это так? Партия не только не вмешивается в хозяйственную жизнь города, ей бы со своими хозяйственными и идейными проблемами управиться: коммунисты выходят из партии, ее ряды обновляются за счет молодежи, которая именно сейчас, в трудный для партии момент, поверила в светлое будущее всего человечества — коммунизм. Хорошая молодежь идет, светлые головы, чистые помыслы. Даже крупнейшая в Западной Европе Итальянская коммунистическая партия самоликвидировалась и самопереназвалась, лишь бы убрать из своего названия слово «коммунизм», от которого трясет все человечество. Но среди нашей передовой молодежи все-таки находятся лучшие из лучших, которые подают заявку. Они решительно откалываются от народа, который не понимает своего счастья. Они следуют по пятам за коммунистической партией, интересы которой — истинные интересы народа. Но тулой народ этого не понимает. Дальше интересов дело обычно у партии с народом не шло, там, где начинались условия жизни, партия решительно шагала в коммунизм, оставив народ в тяжком ручном труде, без квартир и на полуголодной кормежке. Но зато — и этого у нашего всегдашнего авангарда отнять нельзя — именно партия из своего светлого настоящего руководила заводами, фабри-

* Политический портрет Ю. А. Прокофьева см. в № 2 «Столицы», 1990 г.

ками, стройками и нивой.

Будьте справедливы, будьте коммунистичны: партии это было утомительно. Она вела трудную работу. Дрессировать людей очень нелегко. Вам то же скажет любой дрессировщик из цирка. Да, среди партийных работников невозможно встретить художого, изможденного человека, замученную партийную деятельницу. Но ведь это только видимость. Как можно судить о человеке по внешности? Иногда зайдешь в столовую, там за прилавком — несчастная женщина, которой всю одежду приходится покупать в магазине «Богатырь». Ну и что? Она больная. Больная такая. А оттого, что в столовой работает, все о ней нехорошее думают. Нельзя же так...

Работа в горкоме партии (только не надо переспрашивать: «Какой?» — это уже не остроумно) изматывает. Собственная хозяйственная деятельность сосредоточилась вокруг приобретения типографии, транспорта.

Партия открывает банки. Не консервные, конечно. Финансовые банки. Указ Президента о неприкосновенности имущества общественных организаций вряд ли пришелся на ту пору, когда партийная собственность была собрана по зернышку. Так что приобретение крох — санаториев, дач, типографий, фабрик и колхозов, поставляющих снедь и одежду, — продолжается полным ходом. Идет полным ходом и борьба против невежд, которые и до Указа пытались отнять партийную собственность, доказывая, что это, наоборот, партия отняла что-то у народа, и кому сам Указ не в указ... Способна ли партийная организация в таких жестких условиях устраивать еще и блокаду Москве!

Это очередной навет. Если в городе нет вермишели и табака, хлеба и носков, трусиков и лекарств, то это говорит только о беспомощности некоторых народных депутатов СССР, которые выдвинули свою кандидатуру на председателя горсовета, чтобы не словами с трибуны Съезда, а конкретными делами улучшить жизнь. Они же не умеют работать. У них даже элементарные хлебокомбинаты встали. Они только на язык остры, когда надо «разоблачать» и бороться против «привилегий», то есть против самого коммунизма. Тут они — «демократы».

Если они «демократы», то что же их никто не слушается? Стояли бы лучше на трибуне, радовали бы слух острым словом и не мешали бы жить.

А горком партии, несмотря на всю свою занятость, работать умеет. Он решил устроить праздник газеты «Московская правда», своего любимого органа печати, подписка на который упала.

Праздник «Московской правды» отмечался широко, как всенародный праздник. Его неоднократно весело рекламировал по телевидению сам Юрий Анатольевич. Мы видели его в кресле павильона ТВ, у фонтана ВДНХ. Он показал класс непозаказной демократии. Он говорил о том, что решено праздник «Московской правды» превратить в праздник всех городских изданий. На ВДНХ была приглашена и «Столица», которую в те самые дни — приуроченные к началу подписки — корректно вышвырнули из типографии «Московской правды». Выход второго номера отложился до лучших времен. Все другие московские типографии почему-то дружно ответили отказом. Вот это и было демократией в действии. Лишь на исходе третьего месяца блокады «Столицы» за дело принялась типография далекого древнего города Чернигова.

Итак, в те самые дни, когда в булочных не было ни крошки, в киосках — ни понюшки, а в магазинах — ни морковки и о еде напоминали лишь пакеты молока*, на ВДНХ начался праздник печати. «Все дороги ведут на фестиваль «Московской правды», — подчеркивая свою главенствующую роль на этом торжестве, скромно писала «Московская правда» в своем малоформатном специальном «фестивальном выгрышном (юмор. — В. Б.) номере».

«Гвоздем программы» (так и написано!) газета продекларировала «нашу ЛОТЕРЕЮ МГНОВЕННУЮ УДАЧУ! 300.000 шансов для вас!». Она была права, когда заявила, что эта лотерея — «единственная в своем роде — потому что такие лотереи еще не проводились. Неповторимая — потому что второго такого случая

у вас не будет никогда». В городе, в больницах которого от отсутствия лекарств умирали взрослые и дети, устроенная горкомом лотерея была в самом деле «неповторимой».

«Никогда еще на столь малое — всего триста тысяч — количество билетов не приходилось столько крупных выигрышей», — заявил партийный печатный орган города, из которого по команде исчезли зубные щетки. Автомашин, цветные телевизоры, наручные часы (в транскрипции газеты — «ручные»), кухонные комбайны...

АЗЛК, предприятие «Рубин», МПО «Салют», I-й Московский часовой завод, завод «Ангстрем» из Зеленограда, «Электросвет», «Прожектор» и таинственный «ЗВИ» — какие только предприятия, которые неподвластны законной избранной власти, демократическому Моссовету, вдруг ни с того ни с сего послушно сделали вклады в легкомысленную лотерею, устроенную по случаю «фестиваля «Московской правды»! 50 электронных часов... «Тысячи и тысячи бутылок свежайшего — прямо с конвейера — пива — это, будем надеяться, достаточно, чтобы хватило всем желающим. Партию пива отправил специально для фестиваля экспериментальный завод НПО безалкогольных напитков и минеральных вод. Искать не придется — продавать будут везде! Спешите!» «Специально для любителей чтения работает книжный базар — выбор книг широчайший...»

Как по команде заработали заводы, НПО и ПО — на лотерею. В спонсоры записались «Трехгорная мануфактура», «МЭЛЗ»... Заиграли духовые оркестры, закричала ярмарка, запели «фольклорные коллективы Москвы и Подмосковья»...

Мне ли вам рассказывать о роли команды в жизни советского человека? По команде работают и отдыхают — по команде. По команде ходят поезда и выезжает из гаража автомобиль, выпускают телевизоры и утюги. Советские люди — самые дрессирован-

ные в мире. Поступила команда: работать только по команде. Ждать команды. Раздалась команда — ненадолго ожила жизнь, чтобы дать понять всем, кто усомнился в значении команды для советского человека. «Вам необходимо попасть в число счастливыхчиков — обладателей билетов нашей лотереи». Кто выбирает команды, тот может выиграть телевизор, кухонный комбайн и даже автомашину!

Телефонный звонок в партком предприятия или конкретному члену партии — и делается то, чего не в силах сделать самые влиятельные демократы, даже имеющие доступ в кабинет Президента. Непозаказная работа по отданию команд идет и в будни. Изъять из продажи «Столицу», «Коммерсант», «Демократическую Россию!» — и тотчас «независимая» МГПО «Союзпечать» изымает из киосков эти дефицитные издания, изумляя своим письменным распоряжением бывалых киоскеров — «Всем киоскерам «Союзпечать»! Тревога! Тревога!

А кто докажет, что был звонок из горкома? Просто произошла ошибка в «Союзпечати». Просто там у «людей» очень низкая зарплата и толковые «кадры» туда не идут. Нужно журналистов чаще сажать за клевету и наветы на горком. Дрессированному человеку, между прочим, когда ему кушать захочется, на воле никто хлеб с руки не даст. Для всеобщего блага отдаются команды-то. А если, на чем настаивают «люди», вывести партком за пределы предприятий, то ни одну лотерею не устроишь...

Моссоветовский «демократ» изобретает «экономические методы» борьбы с очередью. И чего он добился? Карточек. Табак в киоске есть, а курить нечего. Вот вам самая настоящая позаканная демократия. Да одна команда горкома партии (да, той самой партии, о которой вы подумали!) — и моментально заработало, заиграло и запело...

Так чья же власть в городе и что может Моссовет?

* Политический портрет московского молока см. в этом же номере в статье «Большое молоко».

СУЕТА ВОКРУГ КИТА НА ПРОСПЕКТЕ МАРКСА

Говорят, гостиница «Метрополь», ремонт которой обошелся нам в 40 миллионов инвалютных рублей, стоит мертвым царством в центре нашего государства, вместо того чтобы приносить ему свободно конвертируемую прибыль. Будто бы возродившие гостиницу к жизни финские строители не получили обещанной советским заказчиком платы за дополнительные работы, оскорбились, заперли «Метрополь», ключи положили в свой финский карман и уехали.

Москвичей можем успокоить — ключи в наших руках. Поскольку проникли мы в гостиницу с позволения советской дирекции и убедились: «Метрополь» не спит, этажи его оснащаются мебелью, залы украшаются хрустальными люстрами, номера — шторами, гардинами, драпировками. Но помимо этой красивой, на наш праздный взгляд, работы идет сейчас и выяснение отношений генерального подрядчика финской фирмы «Юит-Юхтюмя» с заказчиком В/О Союзвнешстройимпорт Госкоминтуриста СССР.

— Мы ставили перед собой цель — превратить «Метрополь» в «пятизвездочную» гостиницу, — говорит автор проекта главный архитектор А. Гурков, — что означает во всем мире высший класс сервиса и условий. И с самого начала установка была — сохранить нигде в мире не виданное своеобразие здания, оригинальный стиль «русского модерна». Мы делали

проект реконструкции и реставрации с участием Управления Государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры. Много вели споров по поводу исторических деталей, компромисса добились с трудом.

Каково настоящее лицо «Метрополя» — вопрос, верно, неоднозначный. После переезда советского правительства в 1918 году из Петрограда в Москву гостиница служила 2-м Домом Советов. С тех пор облик «Метрополя», выстроенного на рубеже XX века, порядком исказился. К примеру, на стене со стороны Театральной площади появилась керамическая надпись: «Только диктатура пролетариата в состоянии освободить человечество от ига капитала. Ленин». В более близкие к нам времена исчезали под побелкой старые росписи, перекрашивалась живопись. В одном из сводчатых залов бывшего подвала, где нынче шикарный ресторан, поверх картинно гулявших ранее по потолку голых женщин и лошадей была нарисована Красная площадь с Мавзолеем и верноподданными чинами-членами на нем. Обнажить прежних женщин и коней, снять налет «совдепидиотизма», подчеркнуть исключительность архитектурного жанра гостиницы, на всякий трезвый взгляд, было делом чести авторов проекта и исполнителей. Сегодня же фирма «Юит-Юхтюмя» предъявляет претензии к заказчику на внушительную инвалютную сумму, считая реальный объем реставрационных работ сильно возросшим относительно предусмотренного контрактом.

— Слово «реставрация» в контракте было юридически оговорено и включалось в общую стоимость работ, — заверяет А. Гурков.

— Контракт не указывал, что нашей стройплощадкой будет памятник архитектуры, да еще охраняемый государством, — рассказывает директор строительных объектов в Москве фирмы «Юит-Юхтюмя» Ээро Лустиг. — Мы заключали его на переделку «Метрополя» в гостиницу современного модернизированного типа, а не на сохранение исторического интерьера. Мы славно потрудились бок о бок с советскими коллегами, но в конечном итоге фирма понесла убытки...

— Иные уважаемые фирмы, — со своей, советской, стороны выражает мнение А. Гурков, — во имя рекламы, престижа и будущих заказов готовы идти на контракт даже в ущерб бюджету. А обновленный «Метрополь» с именем «Юит-Юхтюмя» на памятной доске — колоссальное паблисити.

Соавтор проекта архитектор Р. Закарьян уверена, что финны попросту не рассчитали свои силы. Они никогда не имели дела с подобным объектом, строили у себя там овощехранилища всякие — да и только. А в контракте отчетливо звучало: восстановление существующего декора после проведения изыскательских работ. То есть, выходит, объем затрат выявлялся в процессе затраченного труда. По словам же архитектора Л. Ненаглядкина, контракт был уже подписан, реконструкция шла полным ходом, на двух этажах разрушался паркет и ломались перекрытия, лишь тогда пробудились специалисты по охране памятников архитектуры и в игру вступила группа советских реставраторов от института Спецпроектреставрация и Моспроект-2. Дополнительное проектирование было постоянным состязанием с выполнением проекта. Отсюда — разногласия сторон в толковании контракта. Теперь советско-финский конфликт в масштабе «Метрополя» рассматривается Госарбитражем СССР и затянется он еще минимум на полгода. Когда требования финской фирмы будут каким-либо образом разрешены, мы выставим свои

претензии к «Юит-Юхтюмя» на выполнение вписанных в контракт реставрационных работ советской стороной, обещает главный технолог Генеральной дирекции Госкоминтуриста СССР П. Заворотный.

И все-таки в главном оба лагеря единодушны: в результате взаимных усилий ОН получился сказочно хорош.

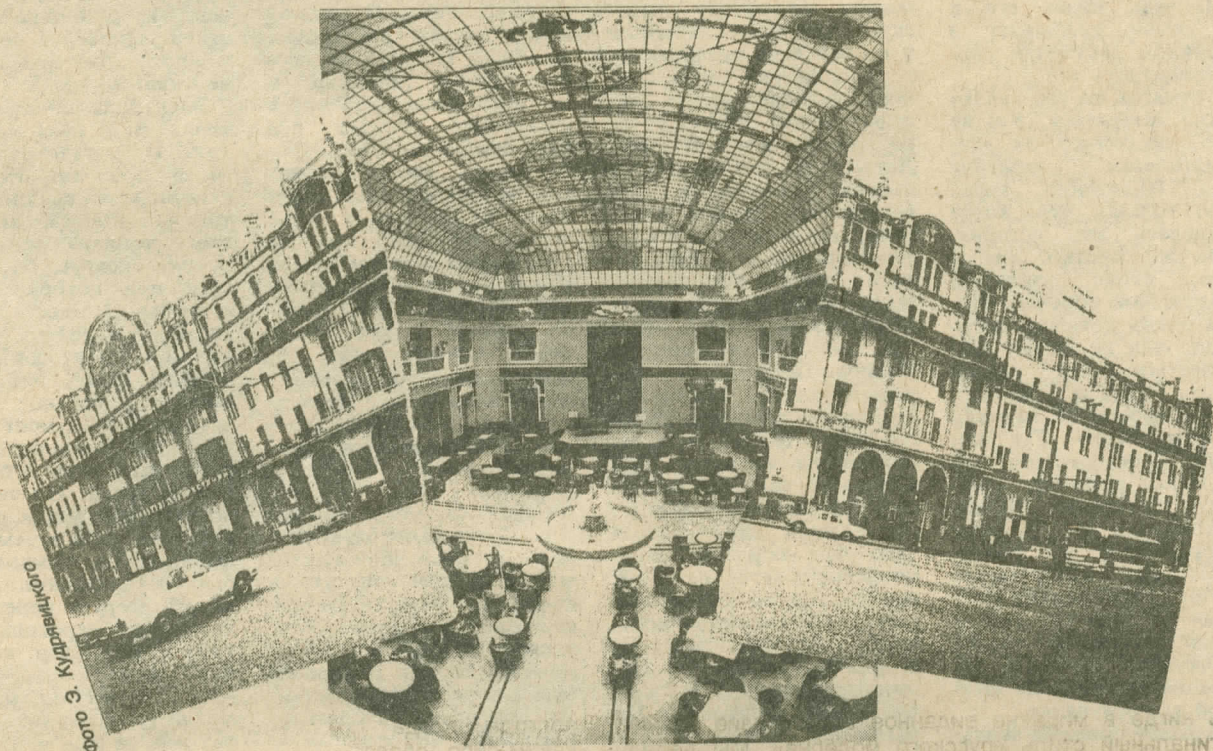
Господин Э. Лустиг даже стихи ему посвятил в выпускавшемся на стройплощадке собственном журнале фирмы «Юит-Юхтюмя». Нам же главный архитектор А. Гурков посоветовал не вдаваться в мышиную возню вокруг «Метрополя», а лучше углубиться в его четырехугольную структуру. Мы углубились и увидели... грезу наяву. Вниз по мраморной лестнице мы опускались в завтрашнюю ночную жизнь богатых людей, через дубовые двери входили в бары, варьете, ресторан-таверну, сауну с бассейном. Пять залов-ресторанов в «Метрополе», 12 банкетных залов и каждый — в неповторимом стиле — произведение искусства. Первый и последний раз в жизни мы переступали порог 3- и 4-комнатных номеров-люкс, где штофом отделаны стены, где рядом со спальней или альковом под колоннами — вход в мини-сауну, где огромные окна на наш сумасшедший проспект Маркса хранят тишину за тройным остеклением для гостей «оттуда». Эти номера будут стоить около 1000 долларов в сутки и наверняка пользоваться успехом у небедствующих фирм, реноме которых повышается вместе с комфортом, окружающим их представителей в других странах. В «Метрополе» они смогут нанять «мерседес» и выехать в город, не выходя на мороз зимой и под дождь летом, спустившись в подземный гараж с автоматическими воротами. Новый «Метрополь» сплошь автоматизирован, здесь даже счет в ресторане будет делом компьютера. Но все это будет завтра. Вернее — после-после...

А пока в законченном виде имеется головная боль дирекции гостиницы — чем кормить будущих жителей всех 402 номеров? При наличии отсутствия продуктов в нашем государстве? И чем их поить, чем

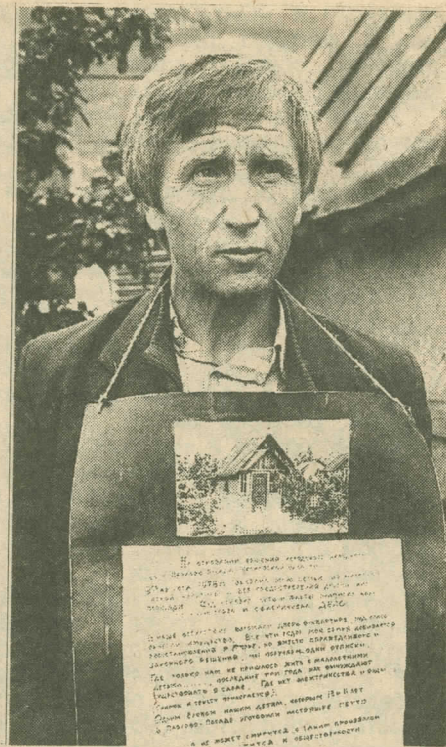
заполнять встроенные в каждом номере мини-бары? И в каких советских ПТУ и техникумах подбирать достойные кадры для служб небывалого доселе в СССР сервиса? Чтобы закупить «там» на валюту продукты в необходимом ассортименте, дирекция гостиницы организовала совместное с англичанами предприятие. Наша группа снабжения наводит мосты и с отечественными колхозами и совхозами, дабы что-то поступало в грандиозные кухни «Метрополя» и с просторов родной страны. Великие надежды администрация «пятизвездочного» дома возлагает на начавшиеся переговоры с компанией «Интерконтиненталь». Фирма готова прислать нам в порядке обмена опытом 40 своих специалистов, поставить недостающее, увы, первой советской гостинице с собственным фирменным знаком техническое оборудование и принять к себе на стажировку наших «метрополевцев».

Словом, отнюдь не от исхода арбитражного процесса зависят сроки полного «оживления» гостиницы. После долгих проволочек, связанных с финансовыми разборами, финская фирма позволила нашим строителям приступить к внутреннему оснащению гостиницы. Свежеотреставрированная антикварная мебель из «Метрополя» и новорукотворная итальянской фирмы «Сельва» мебель с декабря прошлого года по июль нынешнего ждала на складах, пока финны передадут нам гостиницу в гарантийную эксплуатацию. Теперь у нас — и ключ-«принц» от каждого этажа, и ключ-«король», или ключ-«мастер», от всех красавиц-дверей «Метрополя». Когда эти двери распахнутся для бизнес-мастеров, принцев и королей со всего мира — вопрос удачливости нашей дирекции. А пока тихо и великолепно стоит за своим тройным остеклением этот кит отечественной архитектуры и градостроительства. Он-то себе, конечно, цену знает, а для нас, для толпы на проспекте Маркса, всякий новый день его простоя — тысячи потерянных для своего, не финского, кармана долларов.

Аэлита ЕФИМОВА

Фоторепортаж Эдуарда Кудрявничкого

Он московский таксист. Из сарая на улице Горького поселка Большие Дворы Павлово-Посадского района Московской области. Ветеран труда, отмеченный медалью, ни разу за 10 лет работы в таксопарке не замеченный в «дорожно-транспортном происшествии». Но он считает всего себя меченым, ведь жизнь его и его семьи пребывает в аварийном состоянии скоро тринадцать лет.

В бумагах по его «делу» можно затеряться. Уж не знаю, насколько он «систематически избивал» свою 80-летнюю мать. Знаю только, что, когда зачиналась эта история, столь же жестко, как и ныне, стоял заклятый «квартирный вопрос». Матери очень хотелось жить одной, сын не желал размещаться. Он уверен сейчас, будто назвать сына извергом ее научили «добрые люди». Так или иначе беспристрастный суд вынес решение: «Выселить Потаповых Бориса Николаевича и Татьяну Федоровну с их ребенком... без предоставления им другой жилой площади». И поди тут отдели власть закона от власти беззакония. А мать за старания «наградил» комнатой в коммуналке.

«Выгон» прежних жиль-

цов из квартиры по улице Крупской просто на улице произошел на два дня раньше установленного судом срока. Несправедливо это, взывал к совести исполнителей «преступник». Повелели ему сперва убираться, а потом, если не лень, «искать свою правду». Я не свою, ответил, правду буду искать, но правду советскую. Он таким наивным и по сей день остался...

За один год изгоя сменили больше десяти частных углов, сумев, однако, родить второго сына. Ходили по инстанциям в поисках утраченной справедливости. Трудно поверить, но она почти восторжествовала: добился-таки сборник правды постановления президиума Московского областного суда об отмене решения Павлово-Посадского народного суда о выселении без предоставления. Уверенные, что перед законом чисты, ворвались они с узлами да с детьми в свою бывшую квартиру, где успела обосноваться законным образом семья очередника-ветерана. К вечеру возник отряд милиции со свежеподписанным постановлением местного прокурора об административном выселении «захватчиков». На улице был мороз, на ру-

ках дети, а потому они почти покорно пошли за блюстителями порядка в освобожденную ветераном-очередником однокомнатную квартиру. Шестнадцать метров на все про все: поставить четыре кровати и научиться летать. Обустраиваться не стали, расположились на полу, как цыгане. Насильного вселения не признавали, писали привычные жалобы. Придумали особую форму протеста — не оплачивали квартиру с «услугами». Через год был отключен свет. Продолжались они впотымах еще полтора года и порешили не смиряться и не играть больше «им» на руку самим фактом своего однокомнатного существования. В июле 1987-го сдали ключи, заявили о своем невозвращении на вынужденное поселение и ушли жить в «сарайку» на огороде. Забастовка это у них своеобразная, на годы затянувшаяся.

Сарай сколочен из досок. Щели мхом заткнули. Пока не соорудили печку, младший сын по утрам провожал отца на работу словами: «Папка, ты идешь ездить в теплой машине, а мы с мамкой будем здесь замерзать». За водой надо топтать с километр. Обратное — с

полными ведрами. Дрова на зиму «сараяшникам» не выписывают — дом не жилой, не положено. Окно в действительность из сарая — с иллюминатором, не больше. На дворе давно перестройка, а они все протестуют. Довольно изобретательно. Когда не получили ответа на фототелеграмму на имя Горбачева, из принципа не пустили сыновей 1 сентября в школу. Два месяца дети не учились.

Электрорампочки с потолка им и здесь «не светит». Из магазинов сейчас свечи пропали. Так они купили керосин для «коптелки». Думаю, когда и этого топлива не станет, лучину зажгут. И будут дети при искорке уроки готовить. У них там, кажется, какой-то иной источник энергии. Вера хозяйина сарая, что ли, в светлое завтра, когда истина себя сумеет доказать? Все Большие Дворы тычут пальцами в огородных жителей. Но что мир поселковый рядом с ним, с сараем, если в нем играют на трубе. Самым натуральным образом. Абсолютно всерьез репетирует хозяин при керосинке партии трубача для конфертов оркестра льнокомбината. Любит он музыку, не могу, говорит, жить без нее. И еще о любви к

ЧЕЛОВЕКОМ, А ОН ИГРАЕТ НА ТРУБЕ

искусству. Помнит он, как напевали семейным хором в темноте своей однокомнатной: «Смело мы в бой пойдем...» и так далее...

Одни их называют «антисоветчиками», другие считают сумасшедшими. Ну какой нормальный человек будет биться лбом о стену, добываясь некой мистической «советской правды»? Заради нее жену томить, детей морозить. Нечестно с тобой поступили — ищи обходные пути, лазейки для компромисса с минимальными для себя, родных и близких потерями. А этот, выпавший из гнезда, не понимает или не принимает простую отечественную истину: на Советскую власть надейся, а сам учись по-волчьи выть. Трезвомыслящие люди в горьком партии верно заметили: теми усилиями, что он потратил, пытаясь вернуть квартиру, давно можно дом построить. Протест в письменном выражении исчисляется сотнями страниц. Товарищи таксисты предложили шапку по парку пустить, тысяч двадцать обещались набрать, стройся — не хочу. И ведь не хочет же! Не желает, вишь, быть бараном, которого перегоняют с места на место. Простить не может. Надеется законность восстановить, имя свое отмыть, а остальное, уверен, само приложится. Отстоял целый день до вечерней смены, как столб, на Пушкинской площади с транспарантом на шее. А мир не повернулся.

В старой армии трубачи обычно выделялись цветом одежды из всего полка. И окрас у лошади был не в масть остальным. У этого трубача полк мизерный, в «сарайке» помещается: четыре человека, четыре кошки и собака. Но окопались на своей принципиальной позиции они прочно. Упрямо, не сдвинешь бульдозером. Даже дети подключились к борьбе, написали в родную «Мурзилку»: «Помогите нам жить, как все советские дети». Давно написали, выросли с тех пор...

СЕМЕЙНЫЙ ВРАЧ ГОРОДСКОЙ ЭЛИТЫ

Леонид
ЗЕЛЬЦМАН

О том, что все мы делимся на больных первого и второго сорта, шла речь в интервью с заместителем председателя Комиссии Моссовета по охране здоровья В. Н. Нутрихиным («Столица», 1990, № 2). Продолжая эту тему (а, судя по редакционной почте, она весьма интересуется наших читателей), журналист рассказывает о новых «веяниях» в «спец»-медицине.

Даже зная адрес, найти это учреждение не так-то просто. Хотя оно находится в самом центре Москвы, в двух шагах от Красной площади. То ли потому, что его название в течение многих лет начиналось с приставки «спец», то ли по какой-то другой, неведомой мне причине, но на фасаде нет вывески, и я по ошибке сунулся в соседний подъезд.

Судя по приятно щекочущим ноздри запахам, здесь расположена столовая, которая от своей приставки еще не избавилась. Строгий привратник, хорошо знающий клиентуру, имеющую право на вход, едва взглянув на меня, сказал: «Ваша дверь рядом».

А рядом, несмотря на отсутствие вывески, никакие «корочки» не нужны. Более того, швейцар или контролер, не знаю, как теперь называть того, кто раньше был вахтером, напомним, что нужно снять верхнюю одежду, и подскажет, на каком этаже гардероб.

Интерьер Лечебно-санаторного объединения (так теперь называется бывший спецсектор при Главном управлении здравоохранения столицы) мало чем изменился за последние годы: те же удобные мягкие кресла, приятных расцветок паласы. Впрочем, есть кое-что новое: другой стала экспозиция, рассказывающая об оздоровительной деятельности коллектива. Если раньше подчеркивалось, что спецсектор создан в 1923 году для поддержания здоровья определенных категорий трудящихся, то нынче этого нет! Правда, один документ, проливающий свет

на историю, в экспозиции все же сохранился — это текст приветствия к очередному юбилею, в котором Московский городской и областной комитеты КПСС отмечают, что «проделана большая работа... по охране здоровья партийного, советского, профсоюзного и комсомольского актива». Эта цитата объясняет, для кого было создано учреждение с приставкой «спец».

Небольшая выставка рассказывает, какие в объединении хорошие поликлиники для взрослых и детей, оснащенные самой современной аппаратурой, сколько ведущих профессоров и доцентов в них консультируют и на что могут рассчитывать пациенты больниц и воспитанники яслей.

Будем объективны: к «активу», который пользовался привилегиями в области медицинского обслуживания, относятся не только партийные, советские и прочие функционеры, но и ряд работников предприятий и организаций, подведомственных Московскому городскому и областному Советам народных депутатов. Пожалуй, даже не работники, а должности: достиг определенного положения в обществе — получишь льготу в виде пропуска в поликлинику для себя и членов семьи.

Иерархия здесь соблюдалась строго. Если ты начальник управления, директор крупного объединения, освобожденный партийный работник — будешь лечиться в поликлинике № 2, где народу поменьше, ковров побольше, в кабинетах врачей компьютеры, в память которых заложены данные об изъянах твоего орга-

низма, а штат медработников превышает 500 человек. Ну а к услугам начальников отделов, директоров небольших предприятий — поликлиника № 1, где дисплеев пока еще нет, а очереди к врачам, увы, бывают. Однако оснащена она тоже не в пример амбулаториям народного здравоохранения.

Я никогда не принадлежал к числу тех, кто пользуется привилегиями; но в сыкотное время года — осенью, весной, а иногда и зимой, — когда обычный «контингент» отдыхать не любит, можно было, написав письмо от организации, приобрести путевку в спецсанаторий за полную стоимость.

Особенно мне нравилось отдыхать в «Звенигороде» — подмосковном санатории, когда-то занимавшем старинную усадьбу, построенную известным архитектором Львовым. Теперь здесь сооружен новый корпус с палатами на одного-двух человек и с «люксами» для избранных, с современными медицинскими кабинетами для всевозможных процедур и большим бассейном. Но и старинный особняк не пустует, он стал спальным корпусом, хотя удобств в нем значительно меньше, вернее, они есть, но в коридоре. Поэтому у меня вызывало недоумение, что в корпус с меньшими удобствами, от которого в столовую и в кабинеты для принятия процедур надо пройти несколько сот шагов, предоставляют путевки, как правило, людям пожилым, а иногда и просто старым. В новое же здание селили, наоборот, молодых, темпераментных мужчин и женщин. Конечно, после нескольких часов катания на лыжах душ прямо в палате совсем не вреден, да и танцплощадка рядом — достаточно нажать кнопку лифта.

Но это так, к слову. Мне лично и в особняке XVIII века отдыхать нравилось. Поэтому минувшей зимой я закинул телефонную «удочку» насчет путевки в «Звенигород». Женский голос, который обычно отвечал сухо и неопределенно, в том смысле, что просьба будет рассмотрена руководством, на этот раз оказался мягким, а ответ конкретным: «Пишите письмо. Но не забудьте указать, что путевка будет приобретена вашей организацией по себестоимости, мы перешли на хозрасчет». Сначала я даже обрадовался, зная, что себестоимость ниже розничной цены. Но на всякий случай спросил, во что обойдется мой отдых в «Звенигороде». Оказалось — в 491 рубль. Теперь я даже немного жалею, что не согласился, потому что вскоре путевка в корпус номер два стала стоить 525 рублей.

Почему же все так дорого и еще дорожает?

Желание получить ответ на этот вопрос привело меня в кабинет генерального директора Лечебно-санаторного объединения В. Ильина. Владимир Яковлевич охотно объяснил: поликлиниками, больницами, санаториями будут отныне пользоваться не работники аппарата, а представители любого коллектива, заключившего договор и перечислившего деньги. Можно обусловить комплексное обслуживание, при котором за каждого пациента нужно уплатить 525 рублей в год (для работников моссобветовских организаций сумма была впоследствии снижена на 90 рублей — именно столько на каждого жителя столицы медицинские учреждения и получают из бюджета. Но придет рынок, и плата, как мне сказали, подскочит до 792 рублей). В эту сумму входит лечение в поликлинике, больнице, пользование «своей» аптекой и часть стоимости путевки.

— Переход на хозрасчет даст возможность вернуть московскому здравоохранению 14 миллионов рублей в год и покончить с привилегиями, — сказал В. Ильин и подчеркнул, что за участников войны и трудового фронта будет по-прежнему платить государство.

Но кто же все-таки теперь лечится в поликлиниках бывшего спецсектора, который иногда называли Четвертым управлением московского масштаба? На ряде предприятий по рекомендации советов трудовых коллективов пропуска вручили ветеранам производства, фронтовикам и просто тем, кто нуждается в постоянном квалифицированном лечении. Так, например, совет трудового коллектива Кучинского госплемптицезавода выдал документ на лечение трактористам, птичникам, доярке, водителю, скотнику. Директор, хотя и больной человек, от этой возможности отказался.

А как в тех ведомствах, сотрудники которых до этого года поощрялись улучшенным медицинским обслуживанием в качестве дополнения к занимаемой должности? Я обзвонил многие организации, видел списки прикрепленных, приложенные к договорам, и могу с уверенностью сказать, что в системе исполкома Моссовета почти ничего не изменилось — некоторые руководители поступили очень просто: кто был прикреплен, того и оставили. Не обижать же должность, привыкшую к хорошей поликлинике.

Вот, к примеру, список работников проектно-промышленного объединения «Моспромстройматериалы».

Фото Э. Кудрявского

Руководство объединения направляется в поликлинику лучше, естественно, с семьями, далее идут чиновники помельче, директора заводов железобетонных изделий, деревообрабатывающих комбинатов, их заместители или главные инженеры. В компанию из 320 человек каким-то чудом затесался мастер, но, естественно, не нашлось места ни одному рабочему. Зато «прикреплены» более 20 вакансий. В списке вместо фамилий так и написано: «вакансия» — и указан номер пропуска. И за каждую из этих неодоушевленных еще душ будут перечисляться деньги.

Я попытался выяснить, знают ли об этом советы трудовых коллективов. Те председатели, с которыми удалось связаться, либо понятия не имели о том, что за прикрепление их руководителей к особой поликлинике нужно платить, либо честно признавались, что такой вопрос на СТК не обсуждался. Это относится к объединениям «Мособщепит» (кроме аппаратчиков, прикреплены руководители крупных комбинатов питания), «Мосгорторг» — зачислены директора больших универсамов, к объединению хлебопекарной и макаронной промышленности, на предприятиях которого будто бы нет ни одного хлебопека. А вот «Главмосплодоовощпром», например, представил договор на несколько десятков человек, должности которых начинаются со слов «начальник» и в редких случаях «заместитель»...

Следует упомянуть и об исключениях. Одна организация вообще воздерживается от заключения договора, мотивируя это тем, что не может найти справедливого решения проблемы. В другой организации вместе с начальниками, замами и помами в список внесены два десятка секретарей, секретарей-машинисток и просто машинисток. В боль-

шинстве же случаев не мудрствуя лукаво скопировали те списки, что были год и два назад.

А между тем в интервью, данном одной московской газете, В. Ильин сказал: «... объединение лечит, оздоравливает различные слои населения — от рабочих до ученых». К сожалению, это заявление осталось лишь на газетной бумаге: рабочих, я имею в виду тех, кто трудится в системе Моссовета, попросту не поставили в известность о такой возможности. Надо полагать, не случайно: при нынешнем уровне демократии совет трудового коллектива мог бы внести предложение вместо молодого и здорового директора дать привилегию уборщице, подорвавшей свое здоровье при уборке цехов вручную. Чтобы такого конфуза не произошло, кое-где, заручившись поддержкой совета директоров, решили, обойдя родные коллективы, выделить необходимые суммы из централизованных фондов. Именно так поступили в объединениях «Моспромстройматериалы», «Мосгорторг», «Мосгорхлебпром».

Пусть не создается впечатление, что я предлагаю отобрать пропуска в элитарные поликлиники у директоров и раздать их уборщицам, слесарям и экскаваторщикам. Право на хорошего врача имеет каждый. Но пациентов значительно больше, чем хороших лечебниц. Как достичь социальной справедливости? Скорее всего, подбором кандидатов в пациенты не по должности, а по медицинским показаниям.

По моей просьбе главный врач поликлиники № 2 Г. Моисеев подсчитал, сколько важных должностных лиц и их домочадцев в 1989 г. ни разу не показались врачам. Оказалось 660. И это при том, что медики регулярно напоминают о себе, звонят почтенным пациентам на работу и домой, уговаривают

пройти хотя бы диспансеризацию. По условиям договора деньги должны перечисляться независимо от того, лечится пациент или нет. Если прошлогодний уровень «непосещенцев» сохранится и при хозрасчете, то сотни тысяч рублей будут уплачены ни за что, в то время как тысячи больных ждут не дождутся квалифицированной медицинской помощи.

Все это дает основание считать, что Лечебно-санаторное объединение при Главздраве Мосгорисполкома с его двумя взрослыми и одной детской поликлиниками, одиннадцатью санаториями для взрослых и детей, несмотря на стремление В. Я. Ильина и возглавляемого им коллектива приблизиться к народу, элитарным быть не перестало. Да и как можно считать общедоступной, например, аптеку, в которую пускают лишь по пропуску, а заказать по «чужому» рецепту не то что лекарство, даже очки нельзя?

Какой же выход? Возьму на себя смелость внести следующее предложение. Дабы утвердить социальную справедливость, следует заключать договоры с таким количеством предприятий и организаций, чтобы была возможность принять на обслуживание всех их работников — от рабочего до директора. У предприятий многих отраслей городского хозяйства есть медико-санитарные части. Отлично, по самым современным меркам оборудована медсанчасть № 51, обслуживающая строителей Москвы. Так почему же сотни руководителей этой отрасли лечатся не «у себя», а в спецполиклиниках? Вероятно, немалую роль здесь играет престижность. Но нетрудно догадаться, что если бы начальники всех рангов лечились в построенных ими же лечебницах, то хорошие стали бы еще лучше.

Где комар нос точит?

«Столица» еще не начала выходить, а в редакцию с утра до вечера уже звонили возмущенные москвичи и спрашивали: неужели мы не видим, что весь город в комарах? Комары не дают спать, они кусают детей, не помогают ни марля, ни сетки на форточке. А уж о том, чтобы отворить целое окно, и речи не идет, это могут себе позволить те, кто запаса дефицитной марлей и остродефицитной сеткой в метровом измерении. Люди оставляли свои адреса: Болотниковская улица, дом 8, улица Вальтера Ульбрихта, дом 16, Безбожный переулок, дом 12, Зоологическая, дом 3... Вся Москва охвачена комариной стаей! Причем звонили жители не только первых этажей, а всех. Комары свободно залетали на семнадцатый этаж дома по Уссурийской улице, и ничем их вытравить не удавалось!..

Хотя «Столица» еще не вышла, но несколько редакционных бланков в типографии уже отпечатали. Одно из первых писем отдел социально-бытовых проблем направил главно-

му врачу Городской санитарно-эпидемиологической станции тов. Шестопалову.

Николай Владимирович ответил обстоятельным письмом. «Санитарная служба проводит постоянные наблюдения за комарами», — говорится в официальном ответе. Оказывается, в Москве обитают кровососущие комары двух повадок. Одни живут в водоемах. Среди них встречаются чрезвычайно опасные, так как способны разносить малярию. Борьба с ними ведется упорная, однако в Тушинском, Калининском и Солнцевском районах есть пруды и речки, которые не очищаются. Малярийные комары очень любят вонючую воду и загаженные берега.

Но есть и другие комары, которые любят не только вонь и воду, но еще и темноту. Представьте, они живут в столь некомфортабельных условиях! Лишь на некоторое время они отлучаются за своей каплей человеческой крови, а потом возвращаются к себе, чтобы коварно плодиться и размножаться дальше и

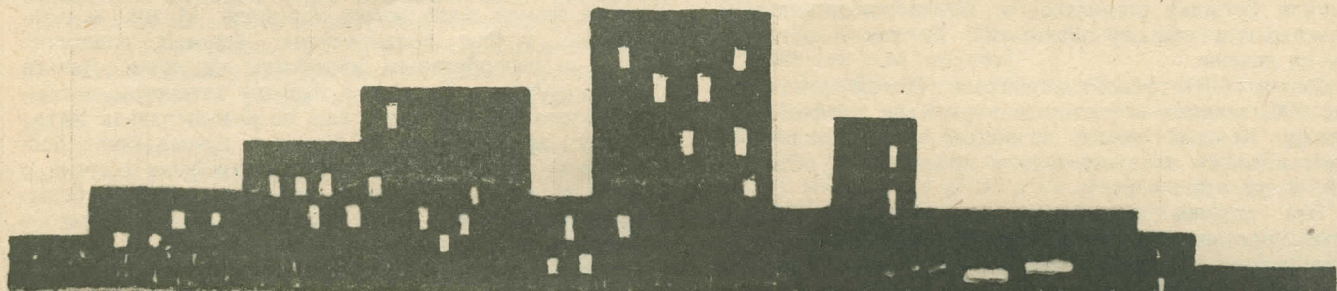
оттачивать свой нос. Если их, конечно, по дороге не прихлопнут. Речь идет о неизвестной энтомологии, но хорошо известной москвичам породе подвальных комаров. Насекомых обычно именуют латынью, перейдем на нее и мы — *Culex podvalius*.

«Подвальные комары не играют роли в передаче инфекций», — успокоил главный врач ГорСЭС. Зато он их назвал не просто кровососами, а кровососами «злостными» и подтвердил поистине чудесную способность этих вампирчиков, настырных, звенящих над ухом крохотулек, «свободно перелетать на расстояния до двух километров, подниматься на верхние этажи многоэтажных домов...».

Подвалы, говорится в ответе, стали местом обитания комаров с тех пор, как оттуда выселили людей. Подвалы оказались заброшенными. «Систематической, целенаправленной борьбой с подвальными комарами санслужба занимается с 1969 года», — сетует автор ответа. То есть больше двадцати лет. Но *Culex podvalius* не становится меньше!

Подвалы оставили не только жильцы — их забросили нынешние работники РЭУ. Ежегодно ГорСЭС накладывает почти 400 штрафов на разные РЭУ за дурно содержащиеся подвалы, но ничего, как видим, не помогает. Из ответа явствует, что о тяжелом положении с комарами известно не только всем нам, но и лучшим из нас — работникам исполкома Моссовета и Мосжилремэксплуатации.

«Только проведение капитальных работ по осущению подвалов с последующей дезобработкой может дать желаемый результат», — пишет товарищ Шестопалов. И в заключение авторитетно советует в индивидуальной борьбе с комарами использовать пылесосы, но ни в коем случае не химические средства, «так как, являясь токсичными, они могут вызывать аллергии, отравления и др. побочные явления». Не у комаров, надо понимать, а у людей — после того, как их кусают те комары, которых хорошенько побрызгали крепким «химическим средством».

Елена
САЛИНА

БАБУШКИН КРЕСТ

Я спросила: «Как будут звать нашу с тобой героиню?»

Она подумала и сказала: «Мне нравится имя Аориста».

А у меня рука его не пишет, потому что слащаво-романтической Аористе не выжить в вонючей камере Бутырки. Сонька какая-нибудь выжила бы запросто — да и это не она.

Странное дело: их все время трое. Первая живет в ее поступках. Вторая — та, которой она хочет казаться. Третья... С третьей сложнее всего. Назову ее Рита.

Лик первый. «НАША КОПИЛКА».

Курить начала со второго класса. В четвертом попробовала спиртное. В четырнадцать лет появился первый мужчина. Потом другие. Несколько раз уходила из дома.

В шестнадцать познакомилась с некоей Олей, продавщицей из ГУМа, девятью годами старше. Оля жила с дочкой в отдельной квартире, и теперь у Риты появился постоянный приют.

Встречались днем в соседней кафешке — там пили кофе и строили планы на вечер. Вечером встречались вновь, уже в ресторане, где собирались «деловые люди» всех сортов. А если местный опер не пускал в зал, сидели в баре с молодежью.

В последний раз Рита ушла из дома 24 мая. Собственно, и не собиралась уходить, просто шла из школы — в сумке два учебника, тетрадки. Но ноги привычно повернули к ресторану, а там уже и Оля. Выпили бутылку шампанского, потом взяли водки и закатились к общему знакомому. Да так и остались там на неделю.

Деньги (160 рублей) кончились. Потом кончились еще 500, занятых в ресторане-кормильце у официанта Сереги. Каждый новый запойный день отдалял от дома, ложился на душу грузом предстоящих объяснений. И где взять денег?

Эта задачка неизменно, всю короткую Ритину жизнь, преследовала ее, к блаженной радости друзей-нахлебников, гораздо более экономных. «Наша копилка» — звали они девочку за глаза и угрызений

совести не испытывали. Впрочем, Риту это обстоятельство тоже не смущало. Из очередного материального затруднения она вышла изящно и непринужденно — решила испробовать роль «путаны».

Два грузина тут же «сняли» ее за 400 рублей. По сему случаю была устроена грандиозная попойка, и — о чудо! — победило молодое здоровье. Проще говоря, шестнадцатилетняя девчонка перепила двух крепких мужиков, доведя их до состояния недееспособного. Наутро пораженные кавказские джентльмены честно отдали заработанное плюс еще 300 рублей за посредничество в одном деле, плюс приглашение в гости, в Тбилиси.

В итоге в Ритином кармане оказывается железнодорожный билет до Тбилиси на 13 июня. А 700 «грузинских» рублей пропиваются в момент. Проблемы те же, да еще о билете на тринадцатое от кого-то узнала мама. Что делать?

8 июня Рита с приятелем приезжает домой прямоком из злополучного ресторана. Дома никого, замок в двери новый. Рита просит приятеля взломать дверь, уговаривает помочь соседей — все отказываются. Но разве запертая дверь — серьезное препятствие?

Назавтра, 9 июня, Рита с паспортом идет в ЖЭК, объясняет, что потеряла ключи, и дверь сдается на милость жэковского водопроводчика.

Если бы мать только могла предположить, что сломанная дверь станет последней оборванной ниточкой между ней и дочерью, она вставила бы десяток замков, она, забыв про невскопанные дачные грядки, держала бы эту дверь обеими руками...

Рита взяла дома золотые часы на золотом браслете, несколько колец, свою одежду и одежду матери. А «порванная ниточка» — это из другой Ритиной ипостаси. Мама действительно жалеет, и очень сильно. О кожаной турецкой курточке, на которую папа потратил всю свою заграничную наличность. И о золотых часах, которые пошли в уплату долга официанту Сереге.

Спустя еще день, десятого, вспомнив о незапертой двери, Рита опять возвращается домой. И... уносит видеомagneтoфон «Хитачи». Предлагает купить его первому попавшемуся таксисту, но тот осторожничает, хочет оценить вещь. Рита согласна, и он увозит видео, оставив взамен лишь номер телефона. Можно констатировать: у нас полным-полно честных советских людей со своеобразным житейским кодексом. Деньги Рита получила в срок, а с бедным таксистом потом, когда видео изъяли, долго еще не разговаривала жена.

Ехать тринадцатого на Курский вокзал было бессмысленно — там ждала пренеприятнейшая встреча с мамой. И опять, отпихивая от себя грядущие беды, девочка принимает другое решение. Четырнадцатого она вместе с Олей и Олиной дочкой скорым поездом «Москва — Адлер» отбывает на знаменитый черноморский курорт Лазаревское.

В дороге гуляли так, что бригада проводников лишилась из-за них премии. Со всего поезда сбились в веселое купе темпераментные кавказцы и шальные от счастья солдаты-дембеля. Под шумок «упорхнула» мама турецкая курточка, и еще рублей триста «растворились в табачном дыму». Как чувствовал себя при этом шестилетний ребенок, передать затрудняюсь.

В кемпинге, где устроились поначалу, чем-то не понравилось. Перебрались на частную квартиру, прихватив, на всякий случай, постельное белье. А это уже, хоть и невелика сумма, кража госимущества. Третья в этой истории Ритина кража.

Две бурные южные недели пролетели как один день между ресторанами «Курень», изобильным базаром, славным городом Сочи и его темными ночами. «Уплыли» мамыны кольца за бесценно, «уплыли» Ритины японские часы. Осталась золотая цепочка со старинным крестом — подарок бабушки — да два билета до Москвы. В последний день потеряли и билеты. Доехали за бабушкин крест ручной работы.

Но отношения между подругами вконец расстроились. Оля предложила проверить валютную операцию — Рита отказалась. «Тогда достань клофелин — заживем безбедно». (Для несведущих: клофелин, подмешанный в спиртное, надежно «вырубает» собутыльника.) Опять отказ. «Ну и живи как знаешь».

Как жить, Рита не знала и, поскитавшись по знакомым, приехала к бабушке с бабушкой. Где и была задержана милицией, объявившей уже всесоюзный розыск. «Шла за японским телевизором». — уверенно скажет потом мама. А Рита скажет: «Просто отдохнуть».

Вот и вся фабула, составившая уголовное дело. Три статьи Рите, две Оле — и поделом.

А теперь мне хочется побыть адвокатом.

Лик второй. «Я ДОЛЖНА ОТВЕЧАТЬ ЗА СОВЕРШЕННЫЕ МНОЙ ПОСТУПКИ».

«Настаиваю на привлечении моей дочери к уголовной ответственности за совершенные ею кражи. Считаю необходимым на период предварительного следствия содержать дочь под стражей».

Эти слова, приведшие в полное замешательство прокурора, твердой рукой написала в своем заявлении Надежда Петровна (так я назвала Ритину маму, которая пуще всего боится огласки).

С одной стороны, пострадавшая — тут все понятно. Но ведь — мать, и никто, кажется, не отменял древнейшего природного инстинкта самосохранения и сохранения своего потомства. Уж таких отпетых подонков матери выгораживают, кто как сумеет, и то кажется нормальным. А тут любимую, единственную, ненаглядную дочку — за решетку.

Отрезанный ломоть? Но ведь человек, ребенок еще по сути. «А быть может, мы обманываемся, видя в ребенке лишь то, что хотим видеть?» — спрашивал гениальный провидец Януш Корчак. — Быть может, он прячется от нас, быть может, втайне страдает?»

Мне так хотелось, чтобы Надежда Петровна хоть раз попробовала взглянуть на все глазами дочери. Но она отказалась и уехала в очередную заграничную командировку.

— Понимаете, я никогда не верила, что мама с папой любят друг друга. У нас никогда не было того, что я называю родовой общиной. Все сами по себе. Я из возраста ребенка вышла где-то в четвертом классе, когда начала понимать причины конфликтов между родителями. Еще они ревновали меня друг к другу,

хотя папа в моем воспитании совсем не участвовал: «Вот тебе ранец — и вперед». Баловали, как могли. Хочет Ритуля дыньку — вот дынька из Ташкента. Уже в три года мама повезла на экскурсию в Ереван вместе с иностранцами.

А в принципе у нас не принято было семьей проводить время. Я даже в кино с родителями старалась не ходить: вдруг покажут такую сцену, которую им будет неудобно смотреть со мной.

Училась хорошо, контакт с любимым учителем могла установить. Учителям нравилось, что я всегда говорила правду. Впрочем, из-за этого и все шишки на меня сыпались, потому что кругом ложь.

Вот говорят: воровать нельзя. А разве нас не обворовывают? Приходишь в магазин — тебя обсчитывают. На Рижском рынке продается кооперативная юбка, которая стоит месячную зарплату. Если работать у станка и получать пусть четыреста рублей в месяц, семью не прокормить.

— То есть настал такой момент, когда ты поняла, что никому ничем не обязана?

— Наверно, так. Мое горе в том, что я не умею правильно распоряжаться деньгами. Сколько есть, все потрачу.

— Мама догадывалась о твоей второй жизни?

— Немножко. Подробностями я старалась с ней не делиться, она никогда меня не понимала. Мама хотела, чтоб у меня в жизни была цель. Чтобы я стала хорошим хирургом и поехала работать за границу. Каждый день это вдвигалось мне в голову.

— Порядком надоело?

— Не то слово. Желание насолить родителям появилось после седьмого класса. Ведь мама как говорит: «Мы своим трудом всего достигли». Как бы не так! Приглянулась она начальнику — послал за границу, нет — послал бы другую. Вернулись — себе видео, ему видео. И так везде.

— Как же тебе жить на этом свете по правде?

— Вот у меня ничего и не получается. Знакомых много, самых разных. Есть целеустремленные, учатся в институтах, видят жизнь по-другому. У них цели дальние, например выйти замуж за министра. Или чтоб такая судьба, как у «интердевочки». Но это же фантастика.

Есть такие, цель которых близка, скажем, стать кандидатом каких-то наук. Больше они вокруг себя ничего не видят. С ними скучно, идешь по улице, как с букварем. У меня почему-то люди ассоциируются с книжками: интересные и неинтересные, веселые и скучные.

Я встречалась с самой дорогой московской проституткой — ничего особенного. И есть у нас «Шлепного», которая стоит на улице Герцена, как указатель... Сама попробовала стать «путаной» — мне не понравилось.

— Нравственная сторона тебя не смущала?

— Я не считаю это пороком. Почему девушка — маляр из провинции — должна только смотреть, как одеваются москвички?

— Ты помогала Оле с дочкой, платила даже за детский сад и за квартиру...

— Я люблю детей. Но никогда не смогла бы стать воспитателем. Я бы жалела их, завьшала оценки. А потом они выросли бы и столкнулись с другими людьми, которые бы их унижали. Во всяком случае, если у меня будут дети, я не стану им приказывать и врать. Пусть видят все мои пороки и ошибки.

— Ты можешь вспомнить что-то теплое, связанное с мамой?

— Вот мама приходила сюда, плакала. Третья

тельно, конечно. Но всегда помнишь, что последует за этими слезами. Почему я должна уступать, если знаю, что права?

— Ты никогда не жалела маму?

— Жалела. У нее по-своему не сложилась жизнь. Им с папой трудно вместе. Но жалость, мне кажется, унижает человека.

— Решила отомстить?

— Скорее, просто нужны были деньги, и это послужило толчком, чтобы отомстить.

— Чем привлекла тебя Оля?

— Наверное, тем, что она такая же хулиганка, как я. Серьезно, у нее была квартира, я зависела от нее. Хотя ее интеллектуальный уровень настолько низок, что в некоторых вопросах, не буду себя хвалить, но я превосходила ее. О чем говорили? А ни о чем. Так, пустая болтовня.

— Не жалко было тратить жизнь на пьянки и пустую болтовню?

— Жизнь как бы притормозилась на время. Такое чувство, что все это не со мной.

— Ты стыдишься каких-то поступков?

— Нет, я никому не желала зла.

— Тебя не унижала роль «денежного мешка» в компании?

— Нет, каждый крутится, как умеет. Я прекрасно видела, кто из них общается со мной из-за денег.

— Ты была счастлива?

— Да, когда мне не мешали родители. Когда оставалась одна и мама не бегала вокруг и не говорила: «Все сели обедать, а ты не хочешь». Еще раньше, когда самой разрешали сходить в магазин.

Я всегда мечтала о собственном доме, хотя у меня отдельная, хорошо обставленная комната. Только мама в любой момент может ворваться в нее без стука. Там нет свободы.

— А если бы жила отдельно...

— ...То все было бы по-другому. Я никогда не пошла бы на это.

— Кого бы ты взяла в свою свободу?

— Из прежних знакомых — никого. Взяла бы двух девочек из тюрьмы, они не завистливые и не злые. Попали сюда волей обстоятельств.

— Следователь сказал мне, что тебе нравится в тюрьме. Это правда?

— Можно сказать, да. Я не знаю, хочу ли я сейчас на свободу. Решила: будь что будет. Осудят — поеду туда. Условно — значит, останусь. Но как представляю себе: до восемнадцати лет жить с родителями... Лучше в тюрьме сидеть.

Но знаю твердо — помощи мне теперь ждать не от кого, и я должна отвечать за свои поступки.

Лик третий. ОПРОКИНУТЫЙ МИР.

Типичная, на первый взгляд, история. Классический конфликт отцов и детей, достойный занять место в учебнике по педагогике с надлежащими выводами: будьте всегда искренни; уважайте свободу другого человека, даже если он ребенок; не унижайте его; служите ему примером.

Да будь проклята вся мировая педагогика, потому что в ее стройные концепции никак не вписывается великий эксперимент над человеком, проведенный в отдельно взятой стране. Где, в каком научном трактате описана мораль индивидуума, которому с пеленок внушали: чтобы прилично жить, надо либо воровать, либо иметь доступ «за бугор»?

Мог ли предположить Януш Корчак, старый человек с добрыми глазами, что деловой женщине нового

поколения придется переспать со своим начальником, чтобы продвинуться по службе? Интересно, что бы он посоветовал этой женщине потом. Прийти домой и сказать: «Доченька, я согрешила, но ты так никогда не делай?» Или: «Делай, как я?»

Ушинский с Макаренко в гробу бы перевернулись, если бы узнали, что ребенка могут избить до синяков не в коммуне, где беспризорники, а в стабильной ячейке самого что ни на есть передового общества. Например, если в доме пропадет энное количество американских долларов. Наивные, они вообще никогда не держали в руках этих притягательных бумажек. А что стало бы с ними, доживи они до спецкурса!

Доктор Спок разрыдался бы, если бы кто-нибудь рассказал ему, сколько горя может принести «свитер коричневый, «под горло», производство Турции, стоимостью 20 долларов», если его дать поносить подруге. «Сорри, миссис, — удивился бы доктор Спок, — что значит по-русски «поносить?»»

И если шестнадцатилетняя девочка не считает проституцию пороком, надо отбить сто поклонов Богу за то, что ей лично это занятие не понравилось.

«Моя мама всегда была слишком самоуверенна», — скажет на прощание Рита. Еще бы, ведь мама покорилась столько вершин. Квартира с дачей, и благополучно вернувшееся видео, и ликер «Адвокат» в баре, и библиотека из четырех тысяч томов, и безупречный английский для приемов — чего-нибудь да стоят. Нисколько не сомневаюсь, что все умные воспитательные книжки стоят там, среди прочих тысяч. Но вот беда, они рассчитаны на свободного человека, способного воспитать себе подобных. Раб воспитает раба.

Где вы, свободные люди, ау... С первого же вздоха: не ходи, не тронь, пионер — всем ребятам пример, жалость — унижает, диплом возвышает, ты должен, должен... Ах, у тебя нет цели в жизни? Ты хочешь просто наслаждаться каждым ее мгновением? Тогда ты никчемный человек. У советского человека всегда есть цель.

Что ж удивительного, если каждая Ритина клеточка рвалась к свободе? Пусть уродливой, гипертрофированной, пьяной, грязной, но своей собственной. Разве кто-нибудь показал, объяснил, растолковал ей, как отличить истину от суррогата? Вот она и учится путем отрицания, проб и ошибок. Вы слишком цените деньги — я буду их транжирить, не умея пока заработать. Вы считаете меня ребенком — я напьюсь втрое сильнее вашего, чтобы доказать свою зрелость. Вам не нравятся мальчик, которого я полюбила, — посмотрим, как вы запоете, когда узнаете об остальных.

Все подследственные в нашей стране по кем-то заведенной традиции охотно пишут «чистосердечные раскаяния», которым не верят ни следователи, ни судьи, ни сами «грешники». Рита тоже написала и тоже, наверно, усмехнувшись. Тот путь, что придумал для нее прокурор — в случае условного наказания помочь устроиться на работу с общежитием, — утопия чистойшей воды. Она уже работала санитаркой в больнице — ровно неделю, потом сбежала. Там плохо пахнет и тоже, естественно, «все несправедливо». Разве что обязать жениться на ней какого-нибудь министра из мечты, но для этого, увы, не придумали пока еще соответствующей санкции.

Надо смотреть правде в глаза. Ни Рита в ближайшее время не изменится, ни ее родители. Глядишь, снова придется объявлять всесоюзный розыск. Сказала же не без кокетства, что если попадет опять в тюрьму, то уж не по этим статьям, а, например, по 102-й.

Если же отправят в колонию, и того страшней.

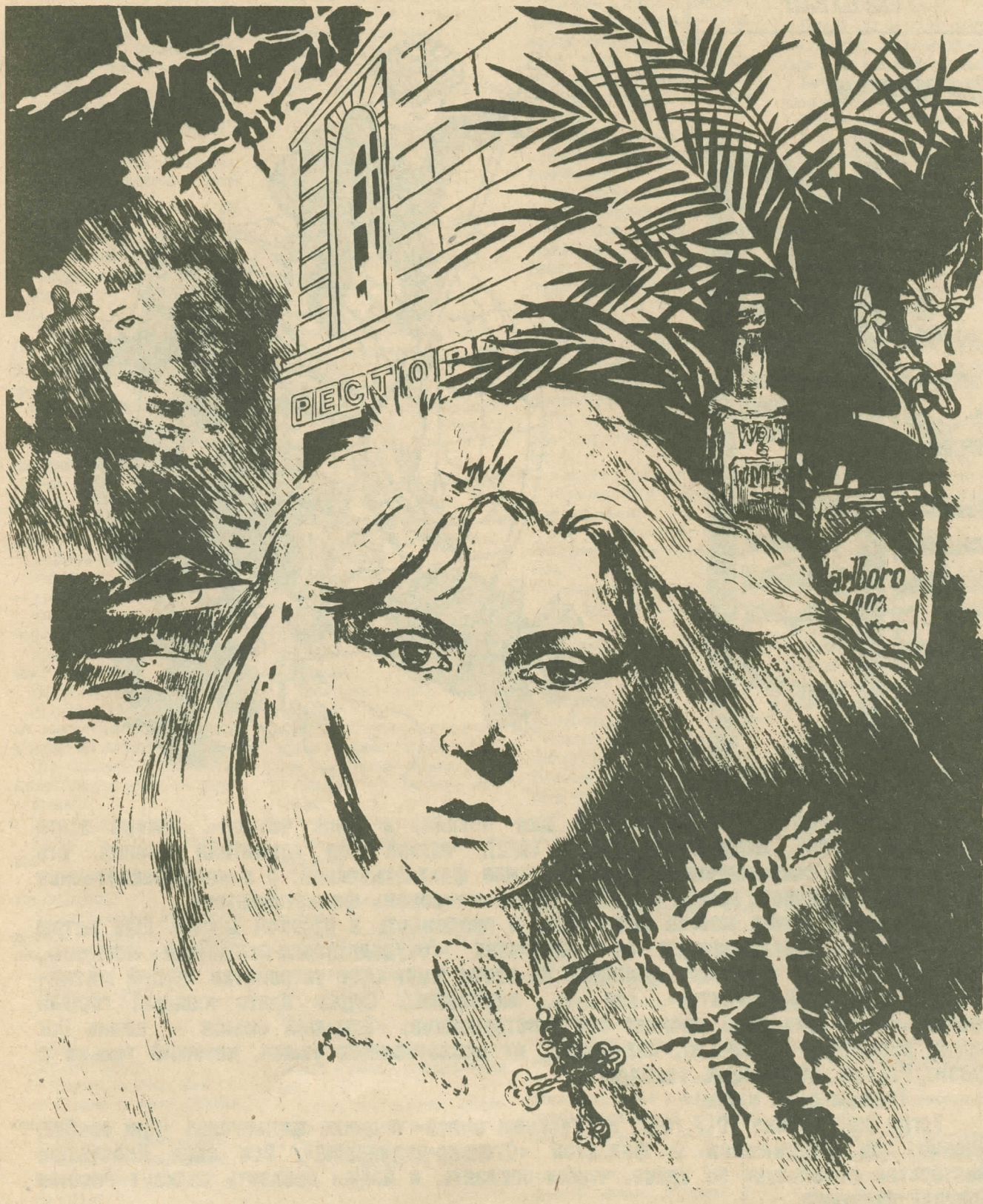

Рис. Л. Видялиной

Вместе со здоровьем растеряет все то доброе, что пока еще есть. Правда, в обиду себя не даст. В Бутырке уже подралась с сокамерницами. И знаете, из-за чего?

Они посмели предположить, будто ее не любит мама.

Господи, научи нас любить.

Влас ДОРОШЕВИЧ

СТЕНЬКО- РАЗВИНЩИНА

«Я предпочитаю, чтобы не обо мне читали, а меня читали». Автора этого афоризма, Власа Дорошевича (1864—1922), читала вся грамотная Россия. Его популярность у современников была поистине фантастической. А у коллег-газетчиков он получил, наверное, самый высокий титул — «король фельетонистов».

Дорошевич сумел многое разглядеть и предвидеть в русской жизни. Еще летом 1917 года он предупреждал об опасностях «государственно-партийной истерии», предсказывал, что в усердии насадить по всему миру свое устройство «новой жизни» «мы придем в Афганистан», где «с... жертвами... будем брать каждый горный проход...». Он буквально умоляет соотечественников: «Здравый смысл — велик Бог земли русской! — удержит, надеемся... от единственного ужаса, который только и грозит России, революции, свободе:

— Гражданской войны».

Тогда же, в июне 1917 года, в «Русском слове» в цикле фельетонов «При особом мнении» он опубликовал и фельетон «Стенько-развинщина». Все свое блестящее мастерство использует он здесь, чтобы показать, в какую пропасть толкает Россию «левая» авантюра.

Публикуемый ниже фельетон печатается по изданию: В. М. Дорошевич. При особом мнении. Кишинев, 1917.

надцатого века, могла явиться «азорная блажь»:

— Повалиться на пуховиках у воеводиной полюбовницы!

До чего доводит вас ваш озорной экстаз, желание быть удалым, добрым молодцем, Степан Тимофеевич двадцатого века!

Вы человек образованный и должны знать:

— Никогда не повторяйте истории.

Исторические пьесы играют только раз.

То, что раз прошло на исторической сцене в виде трагедии, — при повторении превращается в фарс.

И в очень неприличный фарс.

V

— Сарынь на кичку!

Это крик семнадцатого века. Но в семнадцатом веке не было фабрик.

— Бери на шарап!

Но что же именно взять? Голые стены?

А завтра?

Откуда взять оборотный капитал, чтоб эта фабрика двигалась и давала работу?

На что купить топливо? Сырья?

Когда сработаются машины, — какая «заграница» отпустит в долг новые предприятия без капитала, без кредита?

Требуйте, чтоб курица несла яйца для вас.

Путь она несет вам золотые яйца.

Вам, а не одним предпринимателям.

Но не режьте курицы.

Вы будете сыты один, только один день.

А затем — голод.

Кажется, это ясно, просто, понятно.

Для всякого, кто не находится в экстазе, в трансе, в горячке, среди которой он вообразил себя Стенькой Разиным и вопит вопит обезумевшей от отчаяния массе:

— Сарынь на кичку!

Давайте — переведем.

В семнадцатом веке это называлось: «сарынь на кичку», сейчас «захватывай». В переводе на обыкновенный:

— Грабь!

Кого? Россию?

Нетрудно всех сделать нищими.

И предпринимателей, и рабочих.

Но...

Свобода умирает с голоду, равенство по нищете, Каиново братство.

Какие лозунги! Какие цели для революции!

VI

— На шарап!

Вам нужны деньги?

— Берите банки!

Отчаявшейся, не знающей толпе кажется, что банки действительно ломятся от денег.

Если бы они ломились, они давным-давно бы лопнули!

Господину Ленину, интеллигенту, экономисту, ведь хорошо известно, что в банках «несметных денег» нет.

Что банки денег держат у себя как можно меньше.

Ведь банки сами должны платить проценты вкладчикам.

На кой же, спрашивается, шут они будут держать без дела деньги?

Ведь деньги от того, что они лежат в кассе, процентов не приносят.

Какие же идиоты будут платить за деньги вкладчикам, а сами держать эти деньги в кассе? Из чего они будут тогда платить вкладчикам эти самые проценты?

Нетрудно взять на шарап банки.

— Сарынь на кичку!

Но в банках вы найдете векселя капиталистов, предпринимателей, заводчиков, фабрикантов, найдете заложенные и принадлежащие банку ценные бумаги, по большей части акции тех же фабрик, заводов, предприятий.

Не капиталистов вы лишите капиталов. Их векселя уже не будут стоить ни гроша!

Фабрики, заводы, предприятия вы отберете. Их акции не будут стоить ни копейки. Стены ими оклеивать!

Вы схватите, правда, огромные богатства.

Но в эту минуту, как вы их схватите, они превратятся в мусор, в пыль, в труху.

VII

По стеньки-разински все просто.

Как в XVII веке.

— Посадить в тюрьму сто капиталистов. Пусть скажут, как наживают деньги.

Что может быть проще?

Подержать, и скажут все, что знают.

Позвольте, это уж давно и не

из Стеньки Разина!

В экстазе, в трансе можно договориться и до того, чтобы вешать людей за ребро и ставить на правёж, — но давайте рассуждать здраво.

Посадить в тюрьму зачем? Чтобы судить?

Нет, чтобы только «узнать правду».

Посадить человека в тюрьму — значит ли увечить над ним физическое насилие?

Конечно!

И очень сильное.

Причинять ему таким образом мученье?

Несомненно. В тюрьме всякий человек мучается.

Как же это называется:

— Причинить человеку мученья, чтобы он «сказал правду» или «открыл все»?

Ведь это называется:

— Пыткой.

Это уже не от Стеньки Разина.

Это от Сквозник-Дмухановского.

Это Сквозник-Дмухановский говорил купцу Абдулину:⁷

— Бить я тебя не буду, потому что это запрещено. А вот посажу и накормлю селедкой, — тогда заповешь, голубчик!

Купец Абдулин остался купцом Абдулиным. Но вот уж никак не думали, чтобы революционный вождь превратился в Сквозник-Дмухановского.

«Новая жизнь», основанная на пытке.

Революция, которая стремится ввести пытку.

Боже мой! Да тогда ищите Глинку-Янчевского!⁸ Где этот Гарибальди! Почему он не издатель «Земщины»?

Ведь он — первый революционер.

Он — тоже энергичный «правдолюбец». Он в «Земщине» проповедовал еще раньше введение пытки для «узнавания истины».

Венчайте его лавровым листом, поселите во «дворце» Кшесинской.

А с ним как обошлись?

В первые дни революции взяты с оружием городских помещиков в редакции «Земщины» и... в публичном доме.

За что же? За что?

VIII

— Хватай!

Действительный способ для разрешения экономических вопросов.

Но тут уж «Стенька Разин»

получает сходство с совершенно неожиданными особами.

Был такой решительный «хвतालщик» Вячеслав Константинович фон Плевее.⁹

В 1902 году он пригласил к себе старика Суворина:

— Алексей Сергеевич! Скажите прямо, откровенно, между нами, ничего не опасаясь: что, по вашему мнению, необходимо для России?

— Конституция и коренные реформы.

Плевее помолчал.

— Аресты идут энергично. Все организации прослежены. Вот арестуем последнего революционера, — и можно будет приступить к реформам.

Вячеслав Константинович Ленин надеется:

— Арестовать последнего капиталиста!

И тогда все экономические задачи будут решены.

Из недр ползет уголь, из земли — хлеб, «больные» вагоны сразу выздоровеют, паровозы сами подчинятся, подправятся и быстрым ходом побегут к столицам.

Ах, Вячеслав Константинович! Мечтатель «хватанья»!

Был в Индии такой великий могол Хан-Джехан!¹⁰

Он вел дневник.

И меланхолически писал про провинцию Дели:

— Мой отец повесил в этой провинции пятьсот тысяч человек. Я в прошлом году еще повесил двести тысяч. Сто — просто, сто вверх ногами. И странно! Неудовольствие в этой провинции не прекращается!

Он очень много думал об удовольствии своей страны!

Я очень боюсь, — что если Хан-Ленин, великий могол стеньки-разинства, повесит для общего удовольствия всех фабрикантов просто, а всех банкиров, — для моего удовольствия, — вверх ногами, то и тогда:

— Неудовольствие в России не прекратится.

Фабрика не будет работать без сырья и топлива от того, что ее фабрикант не сидит, а висит.

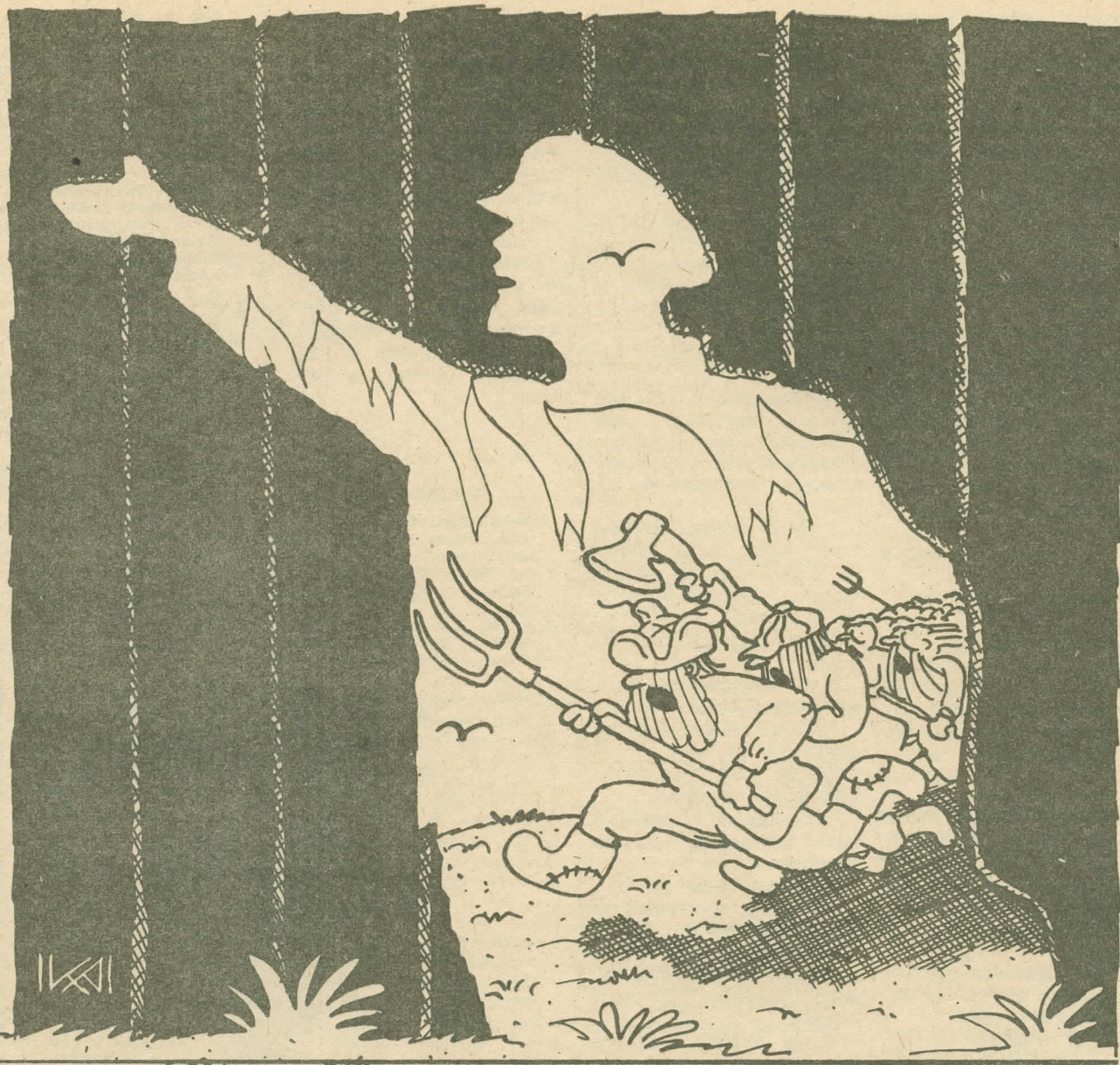
И кредита в банке под фирмою:

— За ноги повешенный банкир она не получит. Не получит потому, что и в самом-то банке ничего не будет.

IX

— На шарап!

— Хватай!

Для полноты стенько-разинства еще и крик:

— Жги!

— Мы хотим зажечь пожар на весь мир!

А потому... подожжем свою собственную страну.

— Авось перекинёт!

Очень соблазнительно.

Думаю, однако, что все произойдет не так, как в «Записках сумасшедшего».

Русские люди не окажутся «народом довольно умным» и «не полезут на стену, чтобы исполнить монаршее повеление» Фердинанда' Ленина.

Вряд ли найдется на Руси много людей, злобно-сумасшедших или одержимых, — которые стали бы поджигать свою соб-

ственную избу в надежде:

— Спалить соседей.

Нет, господин хороший, у нас в деревнях, в случае пожара, ходят кругом своего дома с неопалимой купиной, машут рукой в сторону соседей и простодушно молятся:

— Отнеси, Господи, от нас на вас!

X

Господин Ленин рекомендует всей России:

— Повторить опыт Парижской Коммуны.

Господин сделал бы хорошо, если бы пояснил еще своим слушателям, что такое была Парижская Коммуна.

А то как же повторять опыт,

когда не знаешь, в чем он состоял!

У нас и среди интеллигенции мало что знают про Парижскую Коммуну.

А среди слушателей господина Ленина, наверное, нет ни одного, кто о ней бы слышал.

Кто знал бы, что Парижская Коммуна родилась среди отчаяния и утонула в крови.

Что жизнь ее была светла только от зарева пожаров, была полна нищеты и страданий.

Что зародилась она от патристического отчаяния, от того, что «сдали Париж».

Что она оставила по себе память своими «петролейщиками», которые обливали керосином и поджигали общественные зда-

ния.

Что она сожгла Тюильрийский дворец, неизвестно зачем повалила Вандомскую колонну.

Что это было безумие отчаяния.

Что Коммуна ни за что ни про что расстреляла несколько сот ни в чем не повинных людей, просто взятых заложниками.

И кончилась тем, что были расстреляны сорок тысяч коммунаров.

Что она оставила до сих пор незаживающую рану в сердце Франции. И что ее кровавый рубец та стена на кладбище Пер-Ляшез, около которого расстреливали коммунаров.

Красная от красных венков стена.

Хорошая история! Веселая история!

Соблазнительный пример!

Увлекательный опыт!

Был у нас на Руси хоть и князь, но умный человек!

Владимир. Русский народ его не любит. И прозвал Красное Солнышко.

Пришли к нему разных вер люди, соблазнять перейти каждый в свою.

Каждый хвалил своего Бога.

И евреи.

Владимир выслушал их со вниманием и спросил:

— А где же земля ваша?

— Разгневался на нас Бог наш, отнял у нас землю и рассеял нас по всему свету.

Владимир сказал:

— Что же вы хотите, чтобы и с нами ваш Бог поступил так же?

И не захотел «повторять опыта».

Отпустил послов без особой цели.

Хорошо, что отпустил!

Будьте добры, расскажите сначала вашим слушателям историю Парижской Коммуны.

А потом уж и предлагайте им:

— Повторить опыт!

XI

Враг войны, господин Ленин рекомендует немедленно прекратить войну и... начать новую.

Бросить Западный фронт на произвол и идти на Восток:

— Освободить угнетенные народы!

— «Это действительно!» — как говорит у Толстого тот же мужик, который говорит:

— «Этот прокормит!»

Не стоит воевать из-за России. Но из-за Индии? Почему же?

На кой нам черт наша свобода! Была бы свободна Индия!

Прах сумасшедшего Павла I, наверное, вздрогнул от радости в Петропавловской крепости:

— Наконец-то, нашелся в России человек, как я!

Индийский исход был его мечта.

Мысль соблазнительная. Война увлекательная до последней степени.

Взять армию, измученную, страдавшую за годы войны, и бросить ее в среднеазиатские пустыни, на зной, на жажду и на голод.

Заставить ее, — после трех лет! — делать самый трудный поход, какой только можно вы-

думать.

Удобство этой «освободительной» войны заключается особенно в том, что ее театр эле-эле соединен с Россией тонкой железнодорожной ниточкой.

Так что продовольствовать целую армию не будет никакой возможности.

И кроме зноя, среди песков, кроме жажды в безводных пустынях, кроме голода, — сколько радостей у нас впереди!

Какие встречи со стороны населения!

Во-первых, мы придем в Афганистан.

Афганцы, храбрые, воинственные люди, никогда не слышавшие ни о революции, ни даже о господине Ленине, никого не пускающие к себе, боящиеся, как огня, России.

С какими жертвами мы будем брать каждый горный проход, как будем гибнуть на узеньких тропинках, пробираясь по одному над пропастями.

Какой «освободительный» спорт!

А там магометанское население Северной Индии.

Тоже малоосведомленное об идеях господина Ленина.

Которое примет нас прежде всего за «врагов ислама».

— Раз пришли с оружием в землю правоверных, — значит враги ислама!

«Священная война»...

Но, однако, не довольно ли господина Ленина?

Мы с вами маленькие люди.

Мы не Петроград, чтобы так много заниматься господином Лениным.

И его опытами воскресить стенько-разинство в двадцатом веке.

XII

Да, есть у волжского народа преданье, что «хозяин», как зовут Степана Тимофеевича на Дону, не умер.

Что спит он свинцовым сном в дремучем бору.

И хранит его богатырский сон непроходимую чащею бор.

Ни человек, ни зверь к нему не поберутся.

И так будет спать «хозяин» до того дня, как «исчезнет вся правда со святой Руси».

А как исчезнет она, и дойдут через бор стоны и плач «детушек», — проснется тогда Степан Тимофеевич.

Встанет. И пойдет по Руси.

Пойдет.

А не придет в заломбированном вагоне, не поселится из мальчишеского озорства у танцовщицы в доме, не станет он жечь свою Русь в надежде соседей поджечь, не станет говорить: «Чужих не замай, своих только бей!» И в двадцатом веке не крикнет для разрешения всех вопросов:

— Сарынь на кичку!

Потому что Степан Тимофеевич не истеричная баба, а здоровый, крепкий здоровым смыслом, разумом русский человек.

И корчить из себя на него пошмище, господин, не пристало.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Апфельбаум.** Быть может, в этом имени содержится намек на Л. Мартова (Ю. О. Цедербаума, 1873—1923), вернувшегося в Россию из эмиграции в апреле 1917 г.
2. **А. М. Коллонтай** (1872—1952) — деятельница большевистской партии, вернулась в Рос-

сию из эмиграции после Февральской революции.

3. **М. Ф. Кшесинская** (1872—1971) — танцовщица Мариинского театра; в 1895 г. получила звание «прима-балерина».
4. **Терпсихора** — в греческой мифологии покровительница танцев.
5. **Беллона** — в римской мифологии богиня войны.
6. **«Прекрасная Елена»** — оперетта французского композитора Жака Оффенбаха.
7. **Сквозник-Дмухановский, Абдулин** — персонажи пьесы Н. В. Гоголя «Ревизор».
8. **С. К. Глинка-Янчевский** — редактор черносотенной газеты «Земщина», выходившей в Петербурге в 1909—1916 гг.
9. **В. К. Плеве** (1846—1904) — министр внутренних дел России (с апреля 1902 г.), проводил репрессивную политику, убит эсером Е. С. Созиновым.
10. **Хан-Джехан** (Шах-Джахан) — представитель династии Великих Моголов, правил в Индии в XVII веке.
11. **Фердинанд** — Имеется в виду Фердинанд I Кобургский (1861—1948), болгарский царь (1908—1918), сознательно втянувший свою страну в первую мировую войну.

Публикация С. БУКЧИНА

**ВАШИМ,
ТОВАРИЩ,
СЕРДЦЕМ
И ИМЕНЕМ
ДУМАЕМ,
ДЫШИМ,
БОРЕМСЯ
И ЖИВЕМ!**

Маршал Дмитрий Язов: «Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО ТАКОЕ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ!»

Недавнее учреждение Московского клуба Героев Советского Союза и кавалеров ордена Славы трех степеней оказалось почти не замеченным нашей общественностью. Но мы считаем, что с речью министра обороны СССР Маршала Советского Союза Дмитрия Язова, произнесенной на открытии этого клуба, будет полезно познакомиться более широкой аудитории даже по прошествии времени. Предлагаем наиболее характерные выдержки из диктофонной записи сего выступления. И попытаемся вместе поразмышлять над сказанным.

«... повсеместно сносятся памятники В. И. Ленину... Мы вынуждены их просто охранять. Некоторые памятники просто подрываются. И многие сносятся по решению Советов народных депутатов. Не функционируют органы правопорядка... В конце концов памятникам не больно... Но больно нам, живущим. Особенно в моральном плане: это дает, обескураживает, настраивает: ну, хоть в пору бери автомат, иди и расправляйся».

В зале после этих слов — гул одобрения. А нам

непонятно, что именно понравилось героям в речи министра? И почему надо защищать безликие изваяния партийного идола, угрожая расправой над живыми? Никто не может противопоставлять человеческую жизнь гранитной глыбе. Это ценности разных нравственных порядков.

«... был специально создан тбилисский конфликт. А этот синдром действует. Он действует и на министра, и на главокомов, он действует и на тех, кто должен принять решения».

Какие решения имеет в виду министр обороны? Неужто тоскует о том, что невозможно использовать сегодня десантников и танкистов для наведения порядка на улицах мирных городов? Или, может быть, убитые саперными лопатками в Тбилиси стали укором совести маршала?

«Милицию потихоньку Бакатин сумел передать местным органам. А значит, командуют они, заключают какие-то сомнительные договоры с республиками. Значит, они остаются в ведении тех, кто принимает законы. А кто сейчас в Верховных Советах, кто принимает законы — вам ясно».

Нет, все-таки не моральными, а, скорее, идейными соображениями продиктованы размышления маршала о беззащитном народе и обороняющей его армии. Не нравится ему на местах ни законодательная власть, ни исполнительная. Вероятно, потому, что рядо-

вым гражданам слишком многое позволено. Нарушается казарменная дисциплина в стране. И без комендантского часа ее уже не восстановить.

«... нюансы, которые придумывает каждая республика, они придумываются только для одного: ослабить, сделать неспособной армию, и тогда все что угодно можно творить... и вместе с падением боевой готовности Вооруженных Сил может прекратиться существование Союз как Союз. Печально, но я говорю об этом в связи с тем, что мы с вами встречаемся не как мальчики, а как люди, прожившие жизнь, знали и знаем, что для нас стоит Союз. И просто так мы не должны, видимо, ему позволить распасться».

Хотелось бы послушать, как министр обороны собираются препятствовать распаду Союза? Какие методы ему нравятся: политические или экономические? А может быть, военные? Кстати, они более доступные и понятные всем. Чувствуется, что министр обороны силу предпочитает разуму не только во внутренней политике, но и во внешней.

«Сейчас идет выступление по всем возможным направлениям, и все делается под холодной такой миной или личной борьбы за мир... НАТО осталось, а наши так называемые бывшие друзья — каждый стал тянуть одеяло на себя... Я говорю об этом потому, что внутри нашего государства есть силы, которые отстаивают интересы блока НАТО под видом борьбы за разоружение и мир».

Теперь ясна цель нашей так называемой демократии. С ее помощью сначала развалили социалистический лагерь, теперь — разлагают союз совершенно свободных республик. Не дают покоя диктатуре пролетариата шпионы и диверсанты западных спецслужб. Но тогда маршалу надо было назвать их поименно. С указанием занимаемых должностей. Как это делалось в тридцатые. А то ведь в предательстве Родины после таких автори-

тетных намеков можно заподозрить кого угодно: от соседа по лестничной клетке до... министра иностранных дел СССР. Можно, конечно, и Президента подозревать. Ведь не случайно ему Нобелевскую премию вручали. Да вот закон о защите его достоинства, видимо, не позволит собрать соответствующий «компромат». Даже министру обороны.

«Недавно появилась целая серия статей в отношении того, что военные идут делать переверорот... Если уж на то пошло, то мы помогли и картошку выкопать в Подмоскovie».

Это уж точно: не своим делом в нашей стране иной раз армия занимается. Отечество в очередной раз в опасности! Со всех сторон явно и тайно наседают враги Советской власти, а защитников Родины как ни в чем не бывало министр, отвечающий за оборону, отправляет в поле собирать урожай.

«Все мы активно, неудержимо должны идти сейчас защищать социалистический выбор. Многие только об этом говорят, а делают все возможное, чтобы этого выбора не было». Возглас из зала: «А общечеловеческие ценности?» Язов: «Я не знаю, что такое общечеловеческие ценности!» Возглас из зала: «И я тоже не понимаю, и никто не понимает, ветераны не понимают!» Язов: «Вот и пишите! Это не просто сказано! Значит, классовый борьбы нет, классов нет, значит, все одинаковы — и кооператор, который ворует, и Герой Советского Союза, который живет на свою пенсию. Вот вам общечеловеческие ценности!»

Более образное определение этих ценностей мы вряд ли найдем. Ясно одно: по сравнению со всем имеющимся, уже завоеванным, жизнь наша и гроша ломаного не стоит. И трудно предположить: кого будет оборонять армия при таком главнокомандующем? Нас? А может быть, от нас?

Ольга ПОПКОВА,
Юрий ЮЩЕНКОВ 47

БОЛЬШОЕ

МОЛОКО

Елена
БОЛДЫРЕВА

В Москве — товарный голод. Но удивительно: есть молоко!

Более того — довольно разнообразный ассортимент молочных продуктов. Совсем недавно в гастрономе на Трубной, кроме молока, продавали кефир, сметану в упаковке, сливки и ацидофильную пасту. Спокойно и без особой очереди. А в последний день сентября в нашем Кунцевском районе удалось приобрести три пачки творога, с которым и в прежние-то времена было негусто. Прекрасный творог! Вот только адрес завода не указан. Обозначено лишь — «Мосгортранс, МПО «Молоко».

Насчет того, что это было недавно, надо сразу оговориться: все сведения по московскому молоку я собирала в конце сентября. Мне не дано предугадать, что будет с молочными прилавками Москвы, когда выйдет этот номер журнала. Но тогда, в сентябре, молочное это изобилие, вместо того чтобы радовать, породило тревогу. Не может же так быть, что все исчезает, а молоко — нет. Не верится как-то в светлое будущее с молочными реками и творожными берегами. В любой момент нам могут сообщить о том, что и молочные заводы Москвы вот-вот встанут на долговременный ремонт, или грядет модернизация оборудования, или нет сырья, или, наконец, совершенно не хватает рабочей силы... Такое мы уже проходили...

Итак, в конце сентября с молочными продуктами все было в порядке. А чтобы взглянуть в ближайшее будущее, я решила поговорить с директорами московских молочных заводов.

— Ремонт? Да что вы! — воскликнул Виктор Петрович Сомов, директор завода № 1 имени М. Горького. — За столько лет никогда мы из-за этого не останавливались. Конечно, ремонтировать что-то приходится. Но тогда переключаем производство на другие линии. Мощности у нас бешеные — сколько потребуется молочных продуктов, столько и будем выдавать.

Фото Б. Кремера

Избытка кадров здесь, как и на других молочных заводах, конечно, нет, но вполне можно обойтись и наличными силами. А что касается исходного сырья, то тут у завода № 1 есть некоторое преимущество. Почти половина его продукции идет в больницы, интернаты, детские дома, школы, а потому и сырьем этот завод МПО «Молоко» обеспечивает в первую очередь.

Вот на Московском молочном комбинате есть опасения по поводу возможной нехватки сырья. Поставки молока из ближних областей и Подмоскovie ощущимо сократились. Директор комбината Эмиль Алек-

сандрович Липовецкий на днях интересовался у своих коллег из Серпухова, Подольска, Орехово-Зуева, как дела у них.

— И представляете: они говорят, что в Подмоскovie сократились надои. Это сейчас-то, осенью! Странно...

Правда, на тот случай, когда поставки свежего молока уменьшаются, у заводов есть запасы молока сухого, и до сих пор этими запасами обходились. А вот с оборудованием на Московском комбинате дела не блестящие. Тут стоят в основном импортные линии, а потому и запчасти к ним нужны зарубежные, а сейчас с валютой, сами знаете... Но все равно в ближайшие месяцы остановки комбината из-за этого не предвидится.

Главный инженер Черкизовского молочного завода Михаил Федорович Теперин (он заменял в конце сентября директора) сказал, что все заявки торговли на молочную продукцию они удовлетворяют, собираются без перебоев поставлять ее и впредь. Да, резко сократили поставки Липецкая, Белгородская, Тверская, Курская, Рязанская области. Касается это не только молока, но и творога, сметаны. Но с молоком все должно быть в порядке — есть запасы сухого, есть резервы. На шведском оборудовании они выпускают отличное стерилизованное молоко со сроком хранения до двадцати суток, сейчас напрямую договорились со шведскими специалистами о текущем ремонте этой линии (без остановки производства).

— Словом, — заключил Михаил Федорович, — уверяю вас: с молоком у нас проблем не будет!

На этой бы оптимистической ноте и закончить. Порадовать задержанных вечными нехватками москвичей: вот ведь какие у нас славные молочные перспективы. Но...

Всеми молочными заводами города руководит МПО «Молоко». Ну, не то чтобы руководит, а занимается поставками сырья, его распределением. «Осуществляет, — как

сказал главный инженер объединения Вячеслав Федорович Фомин, — техническую политику в целом». После разговора с Вячеславом Федоровичем весь мой молочно-творожный оптимизм полностью улетучился. Монолог его был краток.

— Перспективы не радуют. Мы стоим перед сырьевой катастрофой: поставки постоянно сокращаются, старые связи рушатся, сухое молоко из-за рубежа почти не поступает. Нет валюты на покупку запчастей, поэтому оборудование скоро начнет выходить из строя. Сложное положение с кадрами. Отрасль держится только на старых рабочих, нужна широкая социальная программа, необходимо повышение заработной платы. Как и табачники, мы стоим перед острейшими проблемами. Это может обернуться серьезными последствиями для нашей отрасли, и об этом надо заранее предупредить.

Нужно приложить максимум усилий, чтобы как-то удержать молочную промышленность на плаву.

«На плаву»? Неужели молочная промышленность тонет? Может быть, в молоке? Я приняла SOS в тот же день, когда директора заводов говорили о неиссякаемом потоке молока. Разве не директор завода лучше всех осведомлен о положении дел на своем производстве? И разве можно ему не поверить! Но, скажите, как не верить и ответственному работнику МПО «Молоко»?

— Директора заводов ничего не понимают, — уверяли меня в МПО, — они там сидят в своих четырех заводских стенах и дальше фасовочного аппарата не видят, а нам сверху видно все, вы так и знайте.

И я поверила тем, кто сидит на цифрах. Не потому, что у них цифры. Цифры есть и у любого директора завода. У директора голова

кругом идет от цифр, которые выдают на-гора производственный и плановый отделы. Сердцем я верю директорам заводов: молоку — быть! Но умом — умом я с МПО «Молоко». «Молоку» я больше верю, что молока не будет. Потому что и у хлебной торговли есть свое МПО, и у рыбной торговли — МПО, и, какой товар ни назови, ничего в магазинах нет, а МПО есть. Хлебопекарен, говорят нам, нет — МПО есть. Табачные фабрики закрыты — их МПО есть все равно. Значит, люди, которые сидят в кабинетах и командуют заводами с помощью цифр, знают гораздо больше и лучше. А раз так, им просто необходимо верить. Тем более в то время, когда идет массированная блокада жителей Москвы.

Просто нельзя не поверить. Приходится.

26—27 сентября 1990 г.

ИНТЕРКВАДРО

Совместное советско-франко-итальянское предприятие
в области вычислительной техники и программирования

предлагает новые программные продукты
фирмы **BORLAND**
и обеспечивает зарегистрированных пользователей
консультационным обслуживанием
и сопровождением

БАЗЫ ДАННЫХ

Paradox 3.5	\$ 795.00
Paradox Multi-Pak	995.00
Paradox SQL Link	495.00
Paradox 386	895.00
Paradox OS/2	725.00

ЭЛЕКТРОННЫЕ ТАБЛИЦЫ

Quattro Pro	\$ 495.00
-------------	-----------

и многое, многое другое...

АВТОМАТИЗАЦИЯ ОФИСА

SideKick Plus	\$ 199.95
SideKick Presentation Manager	199.95
TurboLightning	99.95
Lightning Word Wizard	69.95

СРЕДСТВА ПРОГРАММИРОВАНИЯ

Turbo Assembler/Debugger	\$ 149.00
Turbo C++ Professional	299.95
Turbo Pascal 5.5 Professional	250.00
Paradox Engine	495.00

Официальный партнер BORLAND в СССР: СП «ИНТЕРКВАДРО»

Обращайтесь: 125130, Москва, 2-й Новоподмосковный пер. 4
телефон: 150-92-01, телекс: 413560, телефакс: (095) 9430059

ЗВЕРИНЕЦ

Фото Г. Бодрова

СОБАЧЬИ ЦЕНЫ,

ИЛИ ПОЧЕМУ Я НЕ КУПЛЮ СОБАКУ

Елена БОЛДЫРЕВА

Человек был хмур и казался сосредоточенным на какой-то глобальной внутренней мысли. Рядом сидел щенок. Славный такой щенок, с веселыми умными глазами. Совершенно необычной расцветки: темные полосы по желтоватому фону. Плотная толпа Птичьего рынка обтекала эту пару, устремляясь дальше — туда, где «самые породистые».

— А это что за порода? — спросила я хмуроватого хозяина.

— Овчарка. Тигровая австралийская овчарка. Отдаю недорого, за тридцатку всего.

Не такой уж и знаток собачьих пород, но тигровая австралийская... Правильно истолковав выражение моего лица, продавец зачастил словами, стал объяснять, что уж очень много тигровых у него развелось, а то бы так дешево не продавал и, наконец, спустил цену до десятки — «вместе с веревочкой». И все-таки щенка я не купила.

Ну а дальше... дальше в собачьих рядах кого только не было на продажу! И доги, и «кавказ-

цы», и бультерьеры, и крохотные щенки-таксики, и даже итальянская борзая — грациозное существо с громадными темными глазами. И, конечно, немецкие овчарки. У детских манежиков, где резвились щенки, возлежали красавицы-мамаши. Одна овчарка была особенно хороша — с благородным профилем, и вся грудь в медалях. Щенки этой медалистки продавались по 600 рублей. Как было написано на плакате, «с гарантированной родословной». Но вдруг овчарка, звякнув медалями, встала, от души потянулась и стала отчетливо видна та часть собачьего организма, обладающей которой, собака ни за что не могла быть матерью этих щенков. В лучшем случае, это был их отец. В худшем — отец совсем других щенков, взятый напрокат, для показа...

Не люблю бывать на Птичьем рынке. Во-первых, потому, что, когда видишь этих щенков — толстоватых, славных и неуклюжих, хочется забрать всех. А во-вторых (а может, как раз во-первых), потому, что, кроме щенков, там можно увидеть, как продают взрослую собаку. И смотреть на это невозможно, ведь взрослая собака понимает: ее продают. Оттого-то на Птичьем рынке в последний раз я была лет десять назад. И как же с тех пор подскочили цены! То есть я

знала, конечно, что в Москве сейчас своего рода собачий бум, но здесь это увиделось особенно наглядно.

Хотите купить бультерьера? Я, например, не хочу. Но, если вы задумали приобрести щенка именно этой породы, учтите: он стоит от пяти до восьми тысяч. И это еще не предел цены за собаку. К примеру, мастиф стоит сегодня 15 тысяч. Прописью: пятнадцать! «Безобразия!» — скажет кто-нибудь. — Мыслимо ли такое! Но люди покупают. Стало быть, спрос есть и по таким ценам. Существует и предложение. Значит, рынок? Самое популярное нынче слово. И с экранов телевизоров, и в очередях за кое-каким продуктом, чудом еще попадающим на прилавки, говорят о рыночной экономике, о последствиях этого перехода, о ценах и различных концепциях. А между тем уже добрый десяток лет, если не больше, рынок у нас существует. Рынок собак.

Речь не об одном Птичьем рынке. На Птичьем щенков покупают лишь наивные и совсем не осведомленные в этом вопросе люди. Там чужого папу могут выдать за маму, «гарантированная родословная» обернется поддельными документами, а под видом здорового щенка вручат вам беднягу, болеющего всеми соба-

чьими болезнями сразу. Конечно, не все продавцы на Птичьем рынке — бесчестные люди. Но, потратив немалые деньги, вы здесь не имеете никаких гарантий, что купили именно того щенка, которого хотели. Истинные любители собак приобретают их через клубы. И это как раз тот рынок, о котором идет речь.

Вот здесь-то цены зависят от спроса и предложения: от того, насколько редка та или иная порода, от моды на определенных собак в настоящее время и, наконец, от сегодняшней потребности в тех или иных собачьих качествах. Мастиф потому столько и стоит, что собак этой породы в Москве очень мало. А вот щенки колли резко подешевели: «всего» по триста-четыре сотни рублей, потому что рынок ими насыщен. Ценятся сегодня собаки, которые могут работать сторожами и защитниками человека: немецкие овчарки, «кавказцы», черные терьеры, ризеншнауцеры... Спрос на них, увы, не от хорошей жизни — все мы слышаны о разгуле преступности, квартирных кражах и рэжете. Из собак этого типа сейчас, пожалуй, наиболее популярен ротвейлер: цена на него доходит до трех и даже пяти тысяч.

И все-таки: почему же собаки так дороги? Почему так растут

цены? Лет десять-пятнадцать назад щенка немецкой овчарки можно было купить за 50 рублей, три года назад — за 150, сегодня — за 400–500 рублей (а некоторых щенков и за полторы тысячи). Дело в том, что держать породистую собаку — удовольствие дорогое. И с каждым днем становится все дороже. Проблема номер один — питание. Знаю, знаю, сейчас раздадутся голоса: «Людам есть нечего, а вы о собаках!» И вообще, «собаки съели все мясо в стране». Мысль не очень глубокая, но достаточно распространенная: причины наших бедствий иные люди ищут в самых невероятных вещах. Но на самом-то деле взрослой собаке никаких особых деликатесов не требуется. Она вполне может обходиться похлебкой, сваренной на костях. Иное дело — щенки и кормящая мать. В их рационе обязательно присутствует и свежее мясо, и молоко, и творог, и яйца. И тут уж никак не дешевится: кормить щенков и мать надо по науке, иначе просто вырастут неполноценные собаки. Содержание щенка до года стоит его владельцу около полутора-двух рублей в сутки. Хотя, может быть, лучше сказать «до недавнего времени стоило». Сейчас, когда в магазины кулинарии выстраиваются громадные очереди за «костью пищевой» и кость эту люди берут уже не для собачьего, а для своего пропитания, владельцы собак вынуждены покупать необходимые продукты на рынке. А это очень сильно влияет на «собачьи цены»!

А вот еще некоторые траты собаководов. Розовая стрижка (особенно важно это для выставок) — 40 рублей. Один укол (зарубежные вакцины есть только у кооперативов, а настоящий собаковод, естественно, предпочитает зарубежную) — 50–70 рублей. Ну и такая совсем уж мелочь, как поездка на такси (в метро, автобус, трамвай и троллейбус ведь с крупной собакой не впускают)...

И, конечно, неся такие расходы, владелец собаки стремится их компенсировать, назначая соответствующие цены на щенков. Но есть и еще причины резкого роста цен на рынке собак.

Года три назад в Москве начали возникать собаководческие клубы и клубики — под маркой любителейских объединений. Казалось бы, цель благая — организовать любителей в своем райо-

не, поблизости от дома, помочь и в вязке, и в распространении щенков, и в медицинском обслуживании, и в обучении. Но стоит такое клубно-кооперативное обслуживание недешево. Именно за эти-то последние года два цены так резко рванули вверх.

И еще. Имея дело с этими кооперативными клубами и объединениями (речь не обо всех, но об очень многих из них), владельцы собак часто оказываются... обманутыми. Не так нахально, как на Птичьем рынке, но все же обманутыми. Для вязки им предлагают «чемпионов породы», «элитных производителей», на деле же...

Племенная работа содержит столько тонкостей, которых нам, людям к этому не причастным, не понять. Только большой специалист-кинолог может объяснить, почему распоредешую суку Альбу нельзя вязать с сильно породным кобелем Жеромом: тут имеют значение такие интимные подробности из жизни суки-прабабушки и кабеля-прадедушки, о которых мы с вами и помыслить не можем. В кооперативных клубах и не помышляют. Больше вязок — больше денег, а уж всякие тонкости... Вот и рождаются щенки, в которых только глаз профессионала увидит то самое чуть-чуть, которое помешает потом собаке занять достойное место на выставке. А ведь это так важно для настоящего любителя! По-настоящему важно. Он расстраивается, он обижается на «придирку-судью» чуть не до слез, он склонен видеть в низкой оценке своей собаки происки мафии и заговор масонов, а все дело — нет, не в умысленной злокозненности — в жадности тех, кто устраивал личную жизнь родителей его собаки. И в недостаточной их компетентности.

Истинной племенной работой занимаются в Москве три клуба: МГОЛС (Московское городское объединение любителей собаководства), отдел собаководства Московского областного общества охотников и рыболовов и клуб служебного собаководства МК ДОСААФ. И если вам нужна по-настоящему породистая собака, надежнее все-таки обращаться в эти клубы.

Цены здесь, кстати, вполне божеские. Нина Викторовна Мамаева, начальник отдела собаководства общества охотников, вспоминает, как несколько лет назад, когда цены на собак мед-

ленно, но все же стали расти, у них в обществе постановили: цена на щенка пойнтера не должна превышать 150 рублей. Некоторое время держали такую фиксированную цену и даже подвергли остракизму одного охотника, который продал своего щенка за 300 рублей. Но рынок есть рынок, и, когда цены на щенков возросли втрое, охотники вынужденно повысили их и на своих щенков (хотя и не в такой степени).

Охотничьи собаки красивы и умны. И все же я не стану покупать охотничью собаку. Сейчас, например, многие заводят сеттеров только из-за их внешних данных. Жаль этих собак, которым нужно много движения, которые для того, чтобы жить полноценной жизнью, должны обязательно «работать по специальности», а не служить лишь элегантным украшением квартиры. Нет, это точно: охотничью собаку я не куплю.

В проспекте досоафовского клуба служебного собаководства написано, что он «гарантирует чистопородность щенков, полученных по планам племенного разведения клуба, и их происхождение от собак, не имеющих пороков экстерьера». И действительно — авторитет этого клуба очень высок. Щенков наших служебных собак охотно покупают за рубежом. В ФРГ, в Финляндии, в скандинавских странах, в Алжире, в Америке... И стоит там наш советский щенок до пяти тысяч долларов. А цены на русскую борзую (в долларах) и вообще доходят до пятнадцати тысяч. Если перевести это в рубли... Что ж, выходит, московские цены, которые кажутся нам такими высокими, по критериям мирового рынка совсем мизерны? Да.

Только вот что надо учитывать. Эти большие тысячи иностранцы платят лишь за собак элитных. Тех, которые появились в результате тщательной и кропотливой племенной работы. А их — при громадном обилии московского собачьего поголовья — не так уж и много. Например, породистых немецких овчарок в городе — 1500. Но из них истинных племенных производителей — всего 40. На всю Москву. И конечно же, такие собаки должны стоить (сообразуясь с ценами на международном рынке) гораздо дороже, чем они стоят сегодня у нас.

«Да уж куда дороже! — скажут многие. — По таким сумасшедшим ценам только дельцы теневой экономики их смогут купить. А как быть, скажем, одиноким пенсионером? Для многих из них собака — единственная радость на старости лет». Да, это правда: держать породистую собаку может позволить себе достаточно обеспеченный человек. Но если вам нужна собака-друг, если вам совершенно безразлично, как звали ее прадедушку и от какой линии ведет свою родословную ее прабабушка, могу подсказать место, где можно взять такую собаку совершенно бесплатно. Приезжайте в район Птичьего рынка после выходных. Жители окрестных домов каждую неделю наблюдают печальную картину: по дворам неприкаянно бродят собаки с грустными глазами. Те, которых не купили. Рынок закрылся, и их попросту бросили. Чтоб не возиться...

А в целом цены на собак снизятся сами — если уменьшить затраты на их содержание. Если, к примеру, в ветлечебницах появятся эффективные вакцины и не надо будет платить за укол по полсотне (на самом-то деле эта ампулка стоит копейки). Если хозяева собак смогут купить дешевый корм. Помните, сколько иронических стрел выпустили наши журналисты-международники в проклятых капиталистов: мол, с жиру бесятся, выпускают специальные баночки-консервы для собачек-копечек? А ведь нужнейшая в жизни вещь!

Геннадий Романович Юшенов, начальник досоафовского клуба служебного собаководства, рассказал мне, что уже договорился с одним подмосковным заводом о производстве таких консервов. Банка весом двести пятьдесят граммов будет стоить около сорока копеек. И никакое мясо с нашего стола на эти консервы не уйдет. Использоваться будут отходы, которые сейчас свозят на свалку. Плюс необходимые добавки и витамины.

Здесь очень озабочены проблемой кооперативных клубов-объединений — именно потому, что там профанируется племенная работа, которой вообще-то они и не имеют права заниматься (согласно постановлению Моссовета № 7–158/246/88 от 3 марта 1988 года). Но — деньги... Это послышнее всяких постановлений. А недавно образовалось совместное, с иностранцами, общество

кооператив, оно будет зарабатывать для себя валюту.

Понятно, Моссовету сейчас не до собак, проблем — море. Острейших человеческих проблем. Ну а валюта — для решения тех же проблем — нужна?

Могут еще раз назвать эту цифру: щенки русской борзой стоят за рубежом десять-пятнадцать тысяч долларов. Целятся на мировом рынке наша немецкая овчарка (как ни странно, даже в ФРГ), лайка (за рубежом это редкая порода), черный терьер. Профессионалы называют и другие породы, которых я не упомянула. Любителей подзаработать на

этом — предостаточно. Правда и неправда собаки вывозятся за рубеж, теперь вот организовали даже совместный пункт вывоза. Валюта, валюта... И все — мимо государства. В данном случае — мимо Моссовета. У нас есть три клуба собаководства, которые обладают главным качеством для успешного бизнеса — репутацией: клуб ДОСААФ (занимающийся служебными породами), городское общество любителей собаководства (породы более «легкомысленные» и экзотические) и общество охотников и рыболовов (породистые охотничьи собаки). Может быть, обсу-

див с этими тремя клубами, как включиться в мировое собачье сообщество, Моссовет сможет организовать достойный выход нашего московского щенка на зарубежный рынок? С пользой и для собаководов, и для клубов, и для города, и, само собой, для собак.

А щенки и вправду замечательные. И если бы я хотела завести овчарку, обратилась бы именно в клуб служебного собаководства. Но овчарку покупать я не стану. Вот того, «тигрового австралийского», я бы взяла. Даже заводом переплатив. Только не могу. Не могу я покупать собаку.

...Я увидела его полтора года назад. Сидел на крыльце нашего дома. С вильным ухом, толстыми щенячьими лапами и дружелюбным взглядом. Ничейный. Мальчишки нашего двора соорудили ему маленькую конуру, но все равно бы он пропал, ясно же. Мы назвали его Март, по месяцу, в который нашли, а порода у него самая распространенная: собака породы пес. Но как умен! Чтобы двухмесячный щенок в неделю выучил основные команды и привык к поводку... Впрочем, это уже тривиально: для каждого хозяина его собака — самая лучшая.

ВСЕ ЖИВОЕ

Счет идет на секунды. Пациент спешно доставляется в отделение, врачи уже наготове. И пусть речь идет о жизни всего лишь животного — это не имеет значения. В Нью-Йоркском ветеринарном центре, не жалея сил, помогают всему живому.

Клиника для животных, основанная в 1910 году «Нью-Йоркской женской лигой», открыта 24 часа в сутки и 365 дней в году. Больные могут рассчитывать на квалифицированную врачебную помощь — такого уровня, о котором в иных странах даже люди могут только мечтать.

Здесь лечат глаза и нервы, зубы и уши, сердца и почки, принимают роды. В клинике работают 300 специалистов. К услугам пациентов шесть лечебных кабинетов, специальные операционные, рентгеновские и облучающие приборы, компьютерный томограф, а также банк крови: в одном из отделений содержатся брошенные хозяевами кошки и собаки, способные в нужный момент стать донорами. Не волнуйтесь, их здоровье в полном порядке, и свою кровь они восстанавливают быстро.

В клинику попадали черепахи, пострадавшие во время домашней кампании по борьбе с клопами, золотые рыбки с острым алкогольным отравлением (во время вечеринки кто-то вылил в аквариум коктейль), змеи, по ошибке проглотившие игрушечных мышей, облысевшие от неправильного питания попугаи, зеленые ящерицы, посеревшие из-за неисправности кондиционера.

Пациентам можно все: их кормят с рук, сажают на колени, разрешают даже залезать на головы врачам.

Конечно, за лечение приходится платить. Цены колеблются в зависимости от его сложности. Например, перелом у собаки обойдется хозяевам в 1000 долларов. Удаление зуба стоит 95 долларов, ампутация хвоста средней длины — 115. За 40 долларов вашего четвероногого друга в течение суток продержат под капельницей. Можно даже провести искусственное оплодотворение — всего за 25 долларов.

Неплатежеспособным хозяевам приходится забирать питомца домой либо соглашаться на его усыпление. Эта услуга, увы, самая дешевая, не считая кремации, которая производится бесплатно.

За год в клинике принимают около 6,5 тысячи пациентов, что дает оборот 8 миллионов долларов. Тем не менее цены на услуги хоть и высокие, но меньше их реальной стоимости — от банкротства спасают добровольные пожертвования.

В комнатах ожидания висят многочисленные благодарности от хозяев бывших пациентов. Если животному не удалось спасти жизнь, они все равно благодарят сотрудников за усилия. В клинике никто не скрывает своих добрых чувств — ни люди, ни их меньшие братья.

СПАСЕННЫЕ ОТ ГАЗОВОЙ КАМЕРЫ

Пудели, боксеры, афганцы, дворняжки — более 3000 бездомных собак ежегодно погибают в газовых камерах собачьего крематория в Южной Испании.

Кажется, животные понимают, что с ними собираются сделать, — скулят, воют, прыгают на запертые двери. Но шансов нет. Здоровенный, как бык, парень привычным движением хватает собаку за загривок и вталкивает в похожий на печь бетонный ящик газовой камеры. Иногда он бьет ее по голове деревянной дубинкой. В камере — 22 собаки. Им предстоит мучительная смерть: через 45 минут все они задохнутся...

По несколько раз в день специальные машины прочесывают города и села Испании, чтобы выловить бродячих собак. Если владелец не объявится в течение трех дней, животное уничтожается.

Столь ужасающие вещи обнаружил во время своего путешествия по Испании мюнхенский коммерсант Михаэль АУФХАУЗЕР. «Я сидел у открытого окна, — рассказывает он, — как вдруг услышал с улицы громкий лай и крики. Шестеро мужчин гнались за маленькой дворняжкой и в конце концов заперли ее в фургон. Мне стало ужасно жаль животное. Сев за руль, я отправился вслед за собачниками». Вскоре машина Ауфхаузера уткнулась в ворота крематория. Вызавшись купить дворняжку и всучив сторожу чаевые, он проник внутрь, туда, где ждали своей участи больше полсотни собак.

«Сторож рассказал, что в этом крематории применяется нервно-паралитический газ, продлевающий мучения, — вспоминает Ауфхаузер, — я почувствовал себя душно».

Решение помочь меньшим братьям созрело сразу. Выкупив всех животных, которых должны были умертвить на следующий день, Ауфхаузер основал в испанском городе Бенальмадене собачий питомник. Каждую неделю он вывозит от 10 до 50 собак в зависимости от того, насколько загружен вольер. После ветеринарного обследования псы переправляются в Мюнхен, где их размещают в специальном «пансионате» и окружают заботой. Со временем определяется характер собаки, и она обретает хозяина.

Несмотря на раздающиеся порой критические высказывания в его адрес, Михаэль Ауфхаузер твердо верит в то, что творит благое дело. Он отдает своим питомцам все свободное время, спит подчас по 4—5 часов в сутки. Спасение одной собаки, учитывая стоимость перевозки в Германию, обходится примерно в 600 марок. За месяц набирает довольно круглая сумма — более 10 тысяч. 8 тысяч предоставляет Организация защиты животных, остальные Ауфхаузер платит из собственного кармана.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР В ДЕЙСТВИИ

Ранним утром зарублен топором безупречный христианин, великий пастырь Русской православной церкви отец Александр, в миру Александр Мень. Убит один из идеологов «Памяти» Евгений Евсеев (машина, сбившая его, до сих пор не найдена). Группа русскоязычных депутатов молдавского парламента подверглась нападению прямо на площади, а их коллега в Армении был сражен наповал прицельным выстрелом. В Москве перед выборами в местные Советы зверски избиты некоторые кандидаты в народные депутаты в Свердловском и Тимирязевском районах.

Такова далеко не полная хроника политического террора, в который, словно в пучину, начинает погружаться наше общество... На этом фоне случаи, происшедшие с независимыми журналистами Александром Верховым и Владимиром Прибыловским, могут еще, пожалуй, показаться малозначимыми. Первый из них остался без жилья, ибо его квартира (она же — «штаб» редакции газеты «Панорама», которую он выпускал) сгорела. Поджогу предшествовали статьи Верховского о «Памяти», подметные письма с угрозами расправиться с ним и его семьей за это, снова статьи, обличающие «национал-патриотов», и опять письма, подписанные ими и подброшенные А. Морозову, одному из сотрудников газеты. Улик предостаточно? Но тщетно пытался пострадавший от рук политических противников добиться от милиции наказания виновных и защиты. То есть дело, конечно, возбудили, но что толку? В конфиденциальной беседе следователь вначале сообщил Верховскому, что в КГБ на него собран обширный «компромат», затем посоветовал, что «бытовых» дел (к числу которых он отнес и этот поджог) набирается еще штук пятьдесят, и, наконец, посоветовал забрать заявление...

Вскоре друг и коллега Верховского, помогавший ему в поисках защиты, Прибыловский, уехал по делам на две недели из Москвы. Как всегда, квартиру, которую он снимал (владелец обычно пропал в Киеве), зак-

рыл на ключ. Вернувшись, не поверил собственным глазам: обуглившиеся стены, в пепел обратились несколько тысяч книг, архив документов по национально-патриотическому движению. Исчезла рукопись диссертации...

На этот раз дело даже не открывали. Диагноз профессионалов был краток: «самовозгорание». Прибыловский доказывал, что электропровода в порядке, что «бычок» не мог залететь в открытую форточку на одиннадцатый этаж. Тщетно. В милиции заявление Прибыловского не приняли к рассмотрению. Сам он, однако, считает, что происшедший случай — дело его недругов. Не самих «национал-патриотов», а тех, кто «работает» под них.

Но, как говорится, не будем гадать на кофейной гуще. Последнее слово всегда за профессионалами. Им, вероятно, кажется, что журналисты «разжигают страсти», сеют подозрения... Как бы хотелось и нам отмахнуться от неприятных мыслей, аналогий, которые порой приходят в голову! Но невозможно предаваться сейчас снисходительному самоуспокоению, надеясь, что «меня это не коснется». Вспоминается притча о немецком обывателе, который убеждал себя, что ему незачем беспокоиться, ведь арестовывают пока коммунистов, социал-демократов, евреев, католиков. Когда однажды пришли за ним, то его уже некому было защитить...

Год назад один из авторов этих строк обивал пороги ТАСС, предлагая материал в отделы общественно-политической и молодежной жизни. Речь шла о первых фактах политического террора в Москве. На Университетском проспекте группа фашиствующих молодчиков в закатанных до локтей рубашках зверски избила группу молодых социалистов. Случай этот не привлек тогда внимания оракулов нашей государственной журналистики. Так же, как сейчас не привлекли внимания стражей закона два случая сожжения квартир советских граждан.

Зато стоило министру печати и массовой информации РСФСР М. Полторанину в телевизионной

передаче напомнить журналистам партийных (КПСС) изданий, которые занимаются лакировкой экологической ситуации, что они «играют с огнем и не думают о будущем своих детей», какая буря поднялась! «Призрак 37-го года», «угроза физической расправы», «беспрецедентное заявление»... А ведь речь-то шла всего-навсего о том, что пора хотя бы подумать о своих детях, которые получают в наследство обезображенную землю!

Обозреватель ТАСС В. Петруня, ничуть не смущаясь явных проколов и натяжек своей первой статьи в «Правде», тут же поспешил дать в этой газете очередной залп по демократам. Не удосужившись даже процитировать народного депутата СССР Г. Старовойтову, он обвинил ее в призыве к физической расправе. И это несмотря на то, что в своих устных и печатных выступлениях Галина Васильевна заявляет прямо противоположное: «Мы должны сдерживать темное чувство мести».

Откуда эта поразительная инфантильность в одних случаях и болезненная, «опережающая» реакция в других?

До тех пор пока «слуги народа» чувствовали себя в безопасности, им не было никакого дела до того, что где-то избивают, убивают, мучают людей, имеющих мужество отстаивать свои политические убеждения. «Я ничего не сказал, потому что я не социал-демократ... не еврей... не католик». Стоило же чуть надвинуться тучам на политическом небосклоне, как раздались истошные крики: «Братцы! наших бьют». Наших бить нельзя. Чужих можно.

Пожалуй, пришло время понять четко и недвусмысленно. Бить вообще никого нельзя. Фашистские методы неприемлемы для любой партии, которая считает себя демократической или патриотической, претендует на звание политической силы, действующей в рамках Конституции. Иные же по закону должны распускаться, а деятельность их пресекаться. С этим вроде бы никто не спорит. Но почему-то часто человек надеется (так уж он устроен), что его-то минет

горькая чаша бытия. И убеждается в обратном — когда уже трудно что-нибудь изменить. Срабатывает эффект бумеранга. Вам платят той же самой монетой.

О. ИВАНОВА,
А. МЕШКОВ

ПОСТСКРИПТУМ

Этот материал уже был готов к печати, когда нам стало известно о новом факте политического террора. В Москве, в подземном переходе на Пушкинской площади, был избит четверым неизвестными еще один независимый журналист — редактор газеты «Революционная Россия» (орган социалистов-народников) Алексей Андреев, который, кстати, получал перед этим письма с угрозами в свой адрес.

Перед тем как приступить к «работе», заплечных дел мастера поинтересовались, социалист ли он, идет ли в Моссовет — на заседание комитета по организации встречи общественно-политических организаций Подмоскovie? Получив утвердительный ответ, ударили по лицу, повалили наземь, стали пинать ногами...

Характерно, что этот случай произошел почти одновременно с обсуждением и принятием Верховным Советом СССР Закона об общественных объединениях.

Известным царским манифестом в 1905 году народу были дарованы различные свободы, в том числе и право на политическую деятельность. Но вместо ожидаемого торжества свободы страну захлестнула волна правого террора, ответом на который стал террор левый. История повторяется? Не хотелось бы, чтобы это произошло.

Может быть, нашим «органам» пора все-таки вплотную заняться охраной безопасности граждан вообще и политических деятелей в частности? Теперь это уже не благое пожелание из разряда фантастических. Демократические партии и организации в соответствии с Законом получают право на существование. А защита Закона, безопасности общественных институтов — прямая обязанность правоохранительных органов, о чем неоднократно заявляли их руководители. Независимо от того, нравятся им некоторые из этих институтов или нет.

КАК МЕНЯ ЗАВЕРБОВАЛИ

Андрей
МАЛЬГИН

Весной этого года я оказался одним из участников вечера, проходившего в Большом зале Олимпийской деревни, а позже показанного по Московской программе телевидения. Он назывался «Антенны направлены на Восток» и был посвящен небезызвестной радиостанции «Свобода». Перед собравшимися выступили люди, голоса которых ежедневно звучат на волнах этой станции. Даже по нынешним перестроечным временам, когда публику уже трудно чем-либо удивить, вечер в Олимпийской деревне был мероприятием довольно-таки вызывающим. Надо ли говорить, что в зале был аншлаг.

Прошло уже полгода, и я не стал бы возвращаться сейчас к описанию того памятного вечера (тем более, что в октябре аналогичный вечер прошёл и в московском Доме композиторов), если бы на днях не обнаружил в кармане записку, пришедшую мне тогда из зала. Твердым мужским почерком в записке было начертано: «Расскажите, кто вас завербовал».

Ну что ж, теперь об этом можно рассказать. Прошу учесть, что мое признание является чистосердечным и добровольным.

Фамилия человека, втянувшего меня в позорное дело сотрудничества с радиостанцией «Свобода», — Михайлов. Зовут Александр Алексеевич. Должность и место ра-

боты: первый секретарь правления Московской писательской организации. Дело было так.

Написал я в начале прошлого года одну статью и в ней безо всяких экивоков рассказал все, что думаю, о Союзе советских писателей и его руководителях. Весьма ругательная получилась статья, едкая. Сунулся я с ней в одну, в другую редакцию, в третью. Не берут. И тогда, рассердившись, снял я со статьи множество копий и стал раздавать всем, кто ехал за границу. Авось, как говорил Остап Бендер, за граница нам поможет. За граница помогла: статья появилась одновременно в американской газете, французском журнале, а из Мюнхена донеслась до советских радиослушателей на волнах радиостанции «Свобода». А надо сказать, что, согласно информации газеты «Правда», этих радиослушателей в Советском Союзе ныне 21 миллион. Наутро я принял массу поздравлений от знакомых, малознакомых и совсем незнакомых мне людей, но затем о происшествии как-то забыл.

И вдруг в «Литературной газете» вышеупомянутый гражданин Михайлов, полемизируя с одним моим утверждением, заявил, что высказал я его, утверждение, в интервью небезызвестной радиостанции. «Но это, — заметил ядовито Александр Алексеевич, — факт не моей, а его биографии».

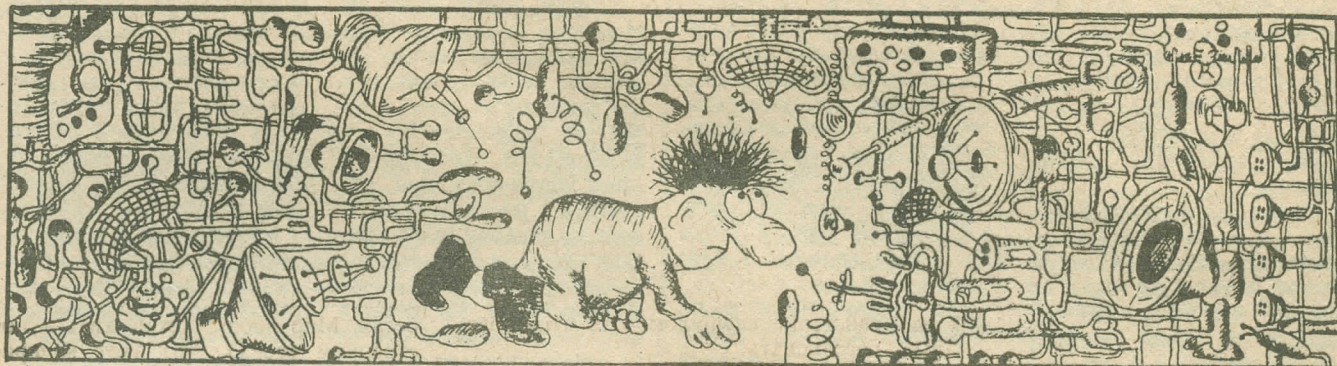
Прочитал я это и изумился. Во-

первых, никаких интервью никаким радиостанциям я до того времени не давал. А во-вторых, интервью «Свободе» незадолго до этого давал, напротив, Михайлов — когда был в Вашингтоне в составе писательской делегации. Интервью было столь обширным, что «Свобода» его передавала с продолжением два дня. Так что этот факт скорее его, Михайлова, биографии...

Как бы то ни было, спасибо Александру Алексеевичу Михайлову: без его подсказки мне бы и в голову не пришло давать интервью «Свободе». Но раз написано «давал» — надо давать. И я позвонил на «Свободу» в Мюнхен и дал-таки интервью. О том, что ранее интервью не давал. Хорошая получилась передача, и наутро я снова принимал поздравления.

А что же Александр Алексеевич? В возглавляемой им организации есть печатный орган, «Московский литератор», и в этом, с позволения сказать, органе появилась передовица за подписью «Александр Поздняков, полковник юстиции». А название у передовицы было красноречивое: «Тридцать сребреников в твердой валюте». И смысл у статьи был такой: продал Мальгин Родину, подлый он человек и некудышный патриот.

Слово за слово. Я написал Александру Алексеевичу письмо и в нем ядовито осведомился: а заплатил ли он партийные взносы с тех

сребреников, что получил от «Свободы» в Вашингтоне?

Но и Александр Алексеевич в долгу не остался. И в «Московской правде», и в «Московском литературере», и с разных трибун все время мне эту «Свободу» напоминает. А на пленуме горкома партии, в разгар предвыборной кампании по выборам в Моссовет, так сказал: «Он (то есть я. — А.М.) сводит счеты с комиссией, с писательской организацией и с московского телевизионного экрана, и на зарубежных радиостанциях. Зачем же потворствовать этому, хотя, кажется, он и кандидат в депутаты. Мы-то цену ему знаем». Перед выборами о моем сотрудничестве с радиостанцией «Свобода» сообщили моим избирателям еще два автора «Московского литератора» да плюс к тому вновь «полковник юстиции», но уже со страниц «Литературной России». На это же делал упор в своей борьбе против меня мой конкурент на выборах — начальник нашего Сокольнического КГБ.

И все-таки избиратели предпочли почему-то «антисоветчика», спутавшегося с «зарубежным подрывным центром». Почему, интересно?

Вообще в наше время в пору растеряться. «Свободу» вроде бы не слушат. Всякие завлекательные вечера в Олимпийской деревне проходят. «Пятое колесо» раза четыре, наверное, вело репортаж из мюнхенской штаб-квартиры «Свободы». О ней в весьма комплиментарных выражениях писали «Известия» и «Собеседник»... Но в то же время печатаются статьи, в которых утверждается, что на «Свободе» «антисоветский дух по-прежнему сохранился, хотя и стал более замаскированным». Кому верить?

И кто я в таком случае? Антисоветчик или неантисоветчик, Иуда, продавший за тридцать сребреников свою Родину, или прогрессивный публицист, звонящий из-за границы в некое подобие герценовского колокола? Тут, мне кажется, надо расставить точки над «и».

...Позволю себе небольшое отступление. В 1975 году я поступил на факультет журналистики МГУ и попал в небольшую группу из восьми человек, будущая специальность которых называлась «радиовещание на зарубежные страны». Группу эту спустя два года с легкой душой покинул, но все это время у нас был специальный предмет, на котором мы изучали деятельность радиостанции «Свобода» и других зарубежных радиостанций, вещающих на русском языке. Любопытная деталь: за два года такого «изучения» нам

ни разу не выдали текстов радиопередач изучаемых станций. Не полагалось: «Свободу» глушили, и радиоперехваты хранились где-то за семью замками. Изучением руководили специалисты своего дела, исследовавшие предмет вдоль и поперек (оба они уже покойники, поэтому фамилий не называю). На моих глазах они защитили сначала кандидатские, а затем докторские диссертации о радиостанции «Свобода». Была, как видите, целая наука, такое, знаете ли, «свободоведение».

У меня сохранились книги этих свободоведов. Анализа передач нет и в них (может, и у досточтимых профессоров не было так называемого «допуска» к перехватам?), зато много грубой брани и всяких выдумок. «Притон политических подонков» — называл «Свободу» один профессор. Он на полном серьезе утверждал: «Есть немало оснований считать... что так называемый «самиздат» сочиняет и печатает свои пасквили... именно в подвалах «Свободы».

В учебном пособии «Подрывная пропаганда в системе буржуазного внешнеполитического радиовещания» (тираж 550 экз.) в специальной главе покойный профессор рассказывал о том, какими разнообразными методами глушения пользуются советские «контрпропагандисты»: «В качестве средств глушения широко используются скрытые методы — метод несущей волны, когда в эфир не передается никакого заглушающего шума, но несущая волна станции глушения охватывает всю вещательную полосу заглушаемой станции. В качестве заглушающего шума применяются разнообразные шумы: сигналы азбуки Морзе, музыка, радиосигналы местных вещательных станций». О том, что таким образом нарушаются нормы международного права, наш теоретик, естественно, умалчивал.

Помню заголовки газетных статей о «Свободе». Например, «Динозавры с Арабеллаштрассе». Или телевизионный фильм «Преступники на «Свободе» (какая игра слов!). Что там сотрудничать с западным радио, даже признаться в том, что слушаешь, нельзя было: считалось преступлением, предательством.

«Инсинуации», «измышления», «козни» — каких только словечек не навывдумывали наши контрпропагандисты, чтобы испугать обывателя. А он не пугался. Не пугался, и все тут. Потому что газетам давно не верил. И пытался сквозь шорох и свистение глушилок хоть что-нибудь расслышать.

Вообще мы как-то быстро забы-

ли, в какой обстановке жили еще только десять лет назад. Тогда ведь любое трезвое, объективное суждение с легкостью могло быть отнесено к разряду злостной клеветы. Вспоминается такой анекдот того времени:

Председателю колхоза звонят из района: «Слушай, к тебе сейчас приедут иностранные журналисты. Чтобы все было на высшем уровне». А он отвечает: «Да были уже. Уехали. — Как были? Что ж ты им показывал?! Курятник обвалившийся — показывал?» — «Показывал». — «Коров своих тощих демонстрировал?» — «Демонстрировал». — «А в детский сад, где у тебя дети желтушечные, водил?» — «Водил»... «Ах ты, такой-рассякой, ты представляешь, что они теперь там у себя напишут!» — «А-а, — сказал председатель, нехай себе клеветуют».

Так и мы постепенно свыкались с мыслью, что есть где-то в Мюнхене радиостанция «Свобода», передачи которой слушат, и работают там нехорошие люди, бывшие полицаи и уголовники, и занимаются они исключительно тем, что клеветают...

А потом «Свободу» перестали слушать. И вдруг люди обнаружили, что слушать ее интересно, что о многом узнаешь, причем быстро, что не злопыхают «динозавры с Арабеллаштрассе», а не меньше наше озбочены успехом перестройки. Так кто же они, враги или невраги, черт возьми? И что им наша перестройка?

Разумеется, трудно поверить, что американский конгресс в 1990 году отпустил на содержание «Свободы» и «Свободной Европы» 234,8 миллиона долларов как бы по соображениям благотворительности — исключительно чтобы поддержать позитивные процессы в СССР и странах Восточной Европы. Трудно в это поверить, но это именно так. И не случайно президент Дж. Буш недавно заявил, что эти радиостанции «могут быть эталоном для всего мира» и «нужны сегодня своим слушателям более чем когда-либо».

Я вот за последнее время дважды был в Америке, общался с американцами, в том числе и с советологами, умными, надо сказать, людьми. Так они мне просто не давали сказать ни одного скептического слова ни о Горбачеве, ни о перестройке — сразу натывался на глухую стену. Потому что перестройка в нашей стране в их кровавых интересах. Мир просто устал жить в постоянном страхе, что этот неуправляемый русский медведь с атомной

бомбой в обнимку в любой момент может что-нибудь выкинуть. Вот почему американцы содержат на свои деньги пресловутую эту радиостанцию, чтобы она говорила этим русским: русские, вы там осторожнее! Вы с бомбой-то не шутите. Ну ее к черту, от греха подальше. Займитесь-ка лучше чем-нибудь цивилизованным.

Медведь, как известно, — это зверь, хоть и мед любит. А человек — это человек. Медведя в человека терпеливо переделывает радиостанция «Свобода»...

Я далек от того, чтобы петь дидрамы радиостанции «Свобода». И не хочу сказать, что в их передачах все безупречно. Упаси Бог. Там работают живые люди, и им свойственно ошибаться. Тем более что сделаны они из того же теста, что и мы с вами, и многие свои недостатки перетащили из Союза. В мемуарах Н.Я. Мандельштам я прочитал: «Один раз до меня донесся наг-

лый голос дикторши станции «Свобода». Она читала »Я пью за военные астры». Этот милый шуточный стишок всегда был предметом спекуляции у нас... А теперь его использовала зарубежная дикторша и читала с такими подлыми «выразительными» интонациями — она их переняла у наших дикторов, — что я с отвращением и тоской выключила радио».

У меня есть коллега. Гриша Нехорошев. Он живет в Москве, а сотрудничает с радиостанцией Би-би-си, помещающейся, как известно, в Лондоне. Не знаю, как там у них в Лондоне с коммуналками, но в Москве Гриша живет именно что в коммуналке. И все время то Грише из Лондона позвонят, то Гриша в Лондон, и все норовит по телефону всякие пакости сообщить. Сосед-пенсионер терпел-терпел, не вытерпел, пошел в районное КГБ, заявил на Гришу. А ему там и говорят: спасибо вам, дорогой наш бдитель-

ный товарищ, за заявление, за ответом приходите завтра. Приходит пенсионер за ответом, выходит начальник, разводит руками: «Вы знаете, теперь, оказывается, это можно...» Короче, вечером сосед к Грише с бутылкой стучится: «Прости, парень, я ведь тебя чуть не заложил давеча...»

А начальник этого районного (Калининского) КГБ избран в состав Московского Совета и на сессии Моссовета в одном со мной ряду сидел. И меня подмывало к нему подойти и попросить, чтобы вызвал он к себе Александра Алексеевича Михайлова, который в своих статьях все норовит вставить, что какой нехороший Мальгин — на «Свободе» сотрудничает. И пусть этот начальник выйдет к Александру Алексеевичу, развеет этак картинно руками и скажет: «Спасибо вам, дорогой товарищ, за информацию. Но теперь, оказывается, это можно...»

ГЕРМАНИЯ: ТВ и РАДИО СНОВА ВМЕСТЕ

- * Увольнения журналистов в Восточной Германии
- * «Некоторые из них продолжают распространять коммунистическую идеологию»

Если в нашей стране вопрос о судьбе российского и центрального телевидения все еще обсуждается, объединенная Германия уже определилась в решении проблемы радиотелевизионного вещания. Накал страстей вокруг этого вопроса вполне объясним: телевидение — это не только «жвачка для глаз», помогающая скоротать время и развлечься. Телевидение — это еще и власть. От того, «дадут» или «не дадут» тому или иному политическому деятелю высказаться, от того, насколько объективно и полно нас информируют, нередко зависит судьба страны.

Ошибочно было бы считать, что воссоединение двух телевизионных систем — западной и восточной — сводится к чисто механическому акту. Первым шагом «октябрьской революции» прошлого года в отношении радио и телевидения стало увольнение назначенного за пять месяцев до того прежним, коммунистическим, правительством «генерального распорядителя» (директора) телевидения Ганса Бенцена.

В июле 1990-го, когда был образован валютный союз между Восточной и Западной Германиями, было прекращено финансирование радио и телевидения ГДР. Таким образом, надежды многих его сотрудников, принимавших активное участие в свержении диктатуры Хонеккера, на то, что телерадиослужбы станут независимыми и некоммерческими, не оправдались. Более того, уже в июне 1400 сотрудников были уволены. Если эти увольнения были вызваны только нехваткой средств, то трудно объяснить, почему через некоторое время радиослужбы наняли дополнительно 4400, а телевизионные — 8000 сотрудников. Многие обозреватели не без основания полагают, что увольнения носили не экономический, а политический характер.

Сугубо политические мотивы стояли и за решением общественного Совета по контролю за деятельностью средств массовой информации отклонить предложенную правительством Лотара де Мэзера кандидатуру Геро Хаммера на пост директора восточногерманского телевидения и радио. Участие Хаммера, директора театра в Потсдаме, в работе парламента в качестве депутата от Национальной демократической партии — союзника коммунистов — послужило ему дурную службу.

Итак, каковы же основы слияния двух радиотелевизионных служб? Прежде всего, это полная финансовая самокупаемость. Западногерманские телевидение и радио получают 80% средств за счет пошлины на радио- и телевизионные приемники. Такая же система должна быть создана в Восточной Германии в 1991 году.

Другой важный шаг — это создание, параллельно с общественной, частной вещательной сети. В Министерстве почт и телекоммуникаций ГДР еще в сентябре рассматривалось около 70 заявок на открытие частных вещательных сетей, в основном радио. Подавляющее большинство этих заявок поступило из Западной Германии. Кроме того, наступление на новый радиотелевизионный рынок начали европейские, американские и даже японские компании.

Одной из трудностей на пути создания новых сетей стали последствия политики прежнего — коммунистического — руководства, которое держало в секрете распределение вещательных частот. Некоторые специалисты сомневаются, что на территории Восточной Германии вообще достаточно свободных телерадиочастот. Если это действительно так, то нетрудно предсказать, что Восточную Германию — вслед за Западной — вскоре ожидает бум кабельного телевидения.

Неудивительно, что сотрудники восточногерманских радиотелевизионных служб больше всего обеспокоены возможными увольнениями и замещением восточногерманских журналистов на западногерманских. «Журналисты должны понимать чувства, которые испытывают жители Восточной Германии, — говорит заместитель главного редактора радио ГДР (Рундфунк) Кнут Генцслер. — Невозможно заменить журналиста с Востока журналистом с Запада. Он не знает людей». Трудно сказать, насколько новые власти прислушались к этому аргументу, однако из их заявлений явствует, что новых увольнений, особенно среди руководящих работников, не избежать, тем более, что «некоторые журналисты продолжают распространять коммунистическую идеологию».

В. ЕРЕНКОВ

(по материалам зарубежной печати)

Покупайте автомобили «Линкольн»

Небольшой, зато американский, журнал «Movies USA» («Кино США») утверждает, что первым попытается завоевать советский рынок. «Мы выступаем за интернациональную гласность», — заявляет его издатель Тодд Макрей, начиная сотрудничество с ленинградским независимым предпринимателем «Русское видео». Журнал будет пересылаться на берега Невы самолетами «ПанАм» из Атланты, где он издается, и распространяться в кинотеатрах и видеосалонах Питера.

Представитель «Русского видео» Дмитрий Рождественский, сообщает журнал, восхищен открывающейся перспективой. Честно говоря, раскрыв весьма тощую сентябрьскую тетрадку журнала, вряд ли кто-нибудь разделит его оптимизм. Нормальное провинциальное издание, на две трети заполненное симпатичной, но бесполезной для советского потребителя рекламой (автомобили «Линкольн», и всего за 12588 долларов!), не изобилует ценной

информацией о кинематографе, если не считать одинокого, но тоже исторического интервью с Джеком Николсоном.

Право, для начала эры «интернациональной гласности» в кино можно было выбрать из сонма американских киножурналов что-нибудь менее второразрядное и более содержательное. Или мы и впрямь в таком положении, когда «надо брать, что дают»?

Впрочем, нет худа без добра. Яркие обложки «Movies USA», вероятно, поначалу привлекут внимание советских киноманов. Чтобы затем выгодно оттенить, по-видимому, недооцениваемые нами достоинства родного «Советского экрана». Который, к слову, отказывается от двойного названия, тоже открывает свою эру «интернациональной гласности» и получает теперь серьезный шанс в честной конкуренции уложить своего собрата из Атланты на обе лопатки.

В. КУЗНЕЦОВ

Внимание — шедевр!

Самый крупный из известных в столице бюстов В. И. Ленина каждый желающий может лицезреть в фойе Центрального театра Советской Армии. Автор шедевра неизвестен.

Высота мраморного чуда — 235 см. В совокупности с постаментом (240 см) конструкция выглядит поистине внушительно.

Высота головы Ильича — 140 см. Это, конечно, намного меньше, чем у того стометрового вождя, что планировали водрузить на крышу так и не построенного Дворца Советов (11 метров), но вполне сравнимо с головой 24-метрового Сталина на Волго-Донском канале (2 метра). Напомним, вышеупомянутая скульптура Иосифа

Виссарионовича была самым крупным памятником конкретному человеку в СССР.

В фойе театра бюст оказался в начале 60-х годов, причем на том же месте, где малиновым бархатом задрапировали еще более внушительное полотно с ликами Сталина и Ворошилова. Запомним, задрапировали, а не сняли сразу — мало ли что... Тем не менее полотна на месте сейчас нет. Когда и куда его увезли — не знает даже комендант театра.

Так вот и исчезают в небытие бессмертные, многотонные и многометровые творения гениев социалистического реализма.

К. РЫБАК

«Алиса» в черно-белом исполнении

Солист нашей самой громкой по резонансу в отечественной печати, самой одаренной вниманием органов правопорядка, самой известной своими выступлениями в суде рок-группы «Алиса» сочиняет, оказывается, не только песни и протесты, но и стихи. И всем почитателям таланта Кости Кинчева предстоит спустя некоторое время сделаться его читателями.

Молодежный центр АПН приступает к изданию «однотомника» с поэтическими произведениями рок-знаменитости. Правда, новинка эта на книгу будет не слишком похожа, скорее — на иллюстрированный каталог. И лирики от него ждать не советуем. Потому что готовится не бенедикс простого поэта, а портрет «Алисы» в зеркале советской действительности. Которая, как известно, полна чудес. Например, нам предоставят возможность наглядно проследить процесс демократизации нашей прессы. Начнут демонстрацию с недоброй памяти статьи в ленинградской «Смене» «Алиса» с козой челкой», автор которой заклеил Костю Кинчева фашистом и потом, по слухам, наблюдал из окна своей квартиры собственное чудело, вздернутое на дереве кипящими благодарным гневом фанатами «Алисы». (По непроверенным данным, после сменовской публикации на

Невском для предотвращения кровопролития были усилены патрули.) Затем «молодоапээновцы» дадут ретроспективную подборку материалов об «Алисе» в нейтральном жанре, исчисляющих количество драк на концертах Кинчева, живописующих Костины наряды на сцене. И наконец, нас порадуют лихими заметками наших дней о всеобщей влюбленности в «Алису» — и столичной прессы, и провинциальной. Французской в том числе, поскольку Костя Кинчев записывает сейчас новый альбом где-то там, в парижско-марсельских краях, и пользуется успехом у местного населения...

Часть материалов будущего сольного издания «Алисы» выйдет на двух языках для придания ему интернационального звучания. Но — на бумаге сугубо отечественного происхождения. Отнюдь не из бедности. МЦ АПН совместно с итальянцами недавно выпустил такой блестящий суперстраницами парикмахерский журнал «Салон» — залобуешься. «Алиса» же на лошенной гладкой бумаге — уже не «Алиса», а... «Ступень к Парнасу». Поэтому глянца не будет. Все будет родным. Бумага. Костины стихи. Скандаль. Сплетни. Хула и хвала. Фотографии. Причем в основном — принципиально черно-белые. Как в жизни.

Двери фирмы «МС-МАКС» всегда открыты для всех людей, причастных к поп-музыке.

Наиболее полно и всесторонне раскрыть Ваш талант поможет наша студия звукозаписи и музыкальное оборудование.

ТОРОПИТЕСЬ
и мы рады будем Вас встретить.

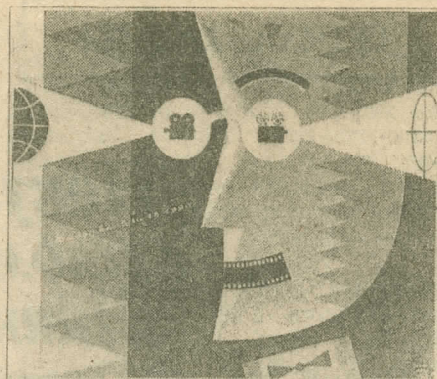
Наш адрес:
121151, Москва, Кутузовский проспект, д. 26
телефон: 249-93-24
телефакс: 249-80-34

«МС-МАКС»

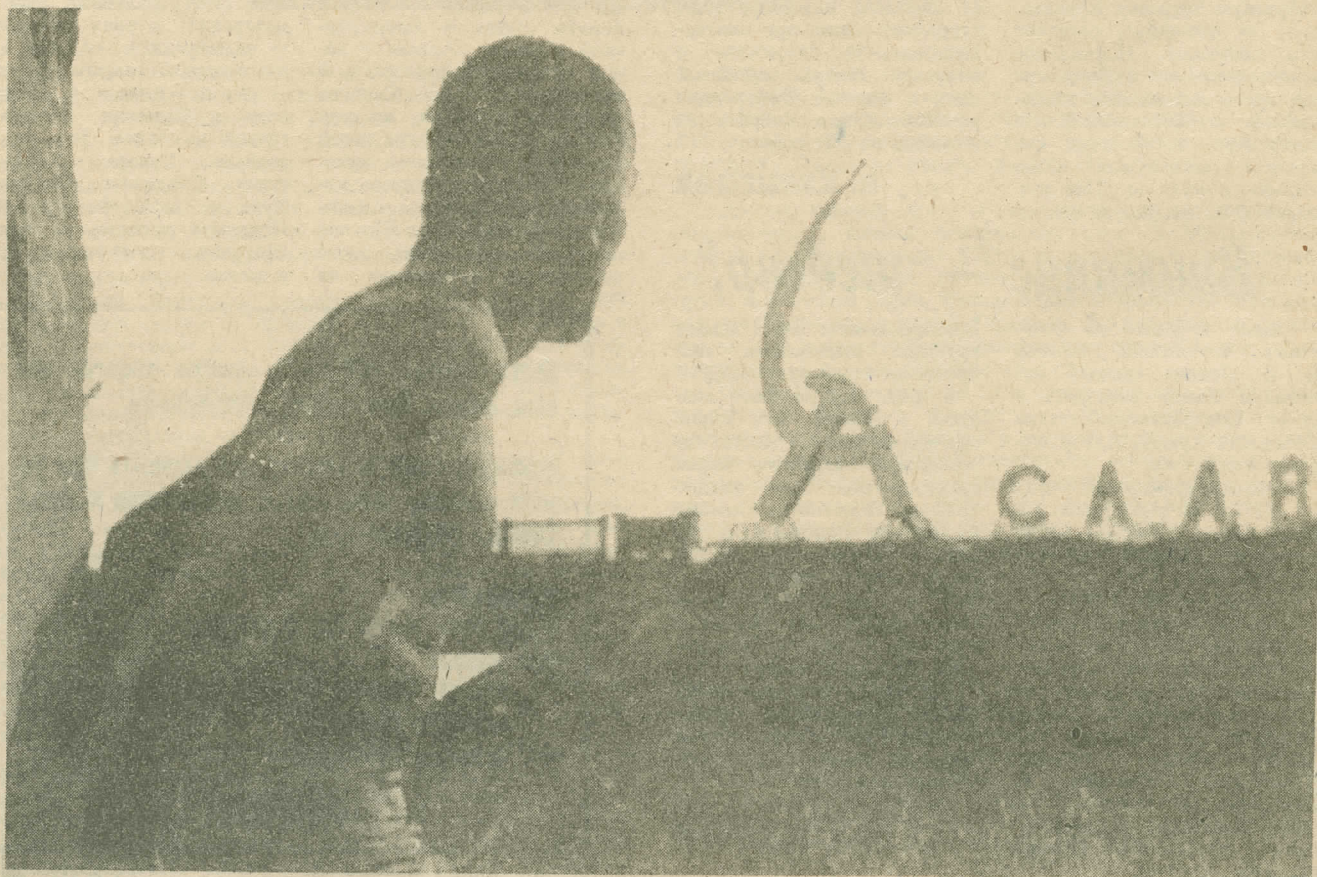
ОТТУДА

Валерий КИЧИН

15-й Фестиваль фестивалей в Торонто: бюджет в 2,5 млн канадских долларов; около ста спонсоров, более 250 фильмов со всего мира. Для советского критика это шанс увидеть, наконец, новейшие советские фильмы, в СССР с экранов исчезнувшие вообще. Первое и главное впечатление:

СОВЕТСКОГО КИНО БОЛЬШЕ НЕТ

Несмотря на нашу перестройку, нормальная жизнь продолжается. И люди интересуются кино. В Канаде нет очередей за минтаем, но есть за кинобилетами. Нет ажиотажа вокруг соли, но есть — вокруг кинофестивалей. И ТВ страстно комментирует не только победу социалистов на выборах в Онтарио, но и растущую популярность Хельги Стефенсон, директора фестиваля в Торонто.

Люди в Канаде обожают Горбачева, перестройку и гласность. Свободно шпарят эти слова по-русски. Горбачев снял вечный страх опасности, которая придет с Востока. С ним связан крах коммунистической империи. Поэтому все влюблены в него, хотя и воспринимают катаклизмы на Востоке как очередную аттракцион. Русское все еще в моде. Охоты всерьез разобрататься в нашей трагедии, в общем, не наблюдается, зато — красные звезды на майках во всю грудь. Зато — рестораны «Тройка» и «Самовар». Зато — рок-группа «Русские голубые» в молодежном клубе на улице Янг. Зато — духи «Совет», принесенные нам в дар восточными вертрами (цитирую точно по рекламе, сияющей в универмаге «Итон», по неумелым русским буквам ее, со всеми ошибками и неповторимым стилем «рюсс»). «Верты Востока», — сообщает реклама, — породили «Совет», простого сына народа, драгоценную эссенцию людей, умеющих любить сильно и страстно... Грубый сын народа — «Совет», духи человека. Начинается новая эпоха...»

Красиво сказано. С большой верой в наши перспективы.

Люди в Канаде привыкли к стабильности; им трудно представить себе жизнь на краю пропасти. Наши фильмы на фестивалях в Монреале и Торонто смотрели в подавленной тишине. Это просто такое кино — надеялись. Ведь кино вечно изобретает всякие страшные ужасы. Это, конечно, кино, потому что не могут так жить люди в великой державе.

И мы услужливо подбрасывали всякие страшные киноужасы. Про беднягу саксофониста-гения, живущего в Москве, снятой, совершенно как Нью-Йорк, в буйстве реклам и визжащих тормозов. Эффектное сочетание почти русской медвежьей удали с почти американским ритмом открывает Западу Москву новую, не виданную ни там, ни здесь. Это сблизжает. Это держит публику в зале. Это приносит лавры в Каннах. Это дает ореол неприкасаемости в злобствующей прессе. (Стоило ретрограду Р. Юреву усомниться в достоинствах «Такси-блюз», как следует резкая отповедь И. Рубановой, см. «Советскую культуру».) Прессу «ихнюю»

на мякине провести труднее. («Лунгин получил режиссерский приз в Каннах, хотя я и не понимаю почему... Мы уже видели этот фильм раньше, правда, не в таком антураже удивительной ночной жизни Москвы» — Джон Харкнесс, «Нау», Торонто.)

Для нас, провинциалов, здесь есть повод для ликования: мы в «Такси-блюз» уже почти американцы (в Канаде по этому поводу меня уверяли: «почти европейцы»), но еще слегка русские. Хотя герой, кажется, и еврей.

Выбросили мы на мировой рынок и свой фильм катастроф. И тут выглядим впередсмотрящими, правофланговыми. Если западное кино было когда-то способно выставить на прилавок лишь жалкую акулу в «Челюстях» или очередной пожар в ихнем роскошном небоскребе, то мы вываливаем не меньше, чем Чернобыль. На «кодаке», в «долбистере», с настоящими натуральными съемками в зоне бедствия. С кадрами вымершей Припяти. С художественным оформлением в виде метафор (поезд застывает среди степей — рельсы кончились, доехали, стало быть, — вот такой свежий, перестроечно-художественный образ в фильме «Распад»).

М. Беликов, человек одаренный, если судить по самым первым фильмам его «досекретарской» поры, сделал «Распад» вместе с американцами. Как справедливо замечает «Глоб энд мейл», получилось «политически значительное развлечение, которое развлекает». Мысль соединить наш Чернобыль с Джорджем Лукасом и его опытом «Звездных войн» не пришла бы в голову даже Феллини, так что и тут мы добились приоритета.

Не знаю, как на родине Лукаса, но в Канаде картину смотрели широко распахнутыми глазами. Экранный Киев был наводнен женами-куртизанками, мужьями-рогоносцами, а также советскими плейбойями. И влюбленная чернобыльская пара

уезжала на мотоцикле любить друг друга на смертельном пленэре; потом о ней, впрочем, забыли не только городские власти, но и авторы фильма. Звучал загадочный для западного сердца Высоцкий. А на кадрах вымершей Припяти, естественно, Альбинони. Заявленный в титрах метафорический распад, однако, не состоялся. Образ общества, естественно генерирующего катастрофы, тоже. Беликов утверждает, что в СССР его фильм упрекали в «мрачности». Не знаю, не знаю. По-моему, он лучезарен, как «Кавалер Золотой Звезды». По-моему, это идеальное произведение светлой лакировочной поры. Катастрофа на экспорт сияет обложечным гляncем. Стройными, глубоко впечатляющими колоннами, по трое в ряд идут новенькие «Икарусы» на выручку людям. И герои устремляются в пекло, чтоб водрузить над гибельным реактором победное Красное знамя. Какой там распад!

Последняя акция случилась в действительности. Режиссер, конечно, почитает сие идиотизмом. И думает, что за ним автоматически пойдут зрители. Но романтический порыв всегда симпатичен, и режиссер ничего не сделал, чтобы этот стереотип разрушить. Он думал, что время само расставляет акценты. Так сейчас думают многие его коллеги, отчего наше кино стало явственно пахнуть дилетантизмом.

Если фильм был талантлив, зрители уходили еще более подавленными. На экранах давилась озверевшая очередь за водкой в документальной картине Говорухина «Так жить нельзя». Потом озверевшая очередь за рыбой у Муратовой в «Астеническом синдроме». Потом озверевшая солдатня из фильма Рожкина «Караул» измывалась друг над другом. На экранах шла нищая,

бесправная, жестокая и убогая, ползуверина жизнь.

После премьер наши режиссеры выходили к экранам, и их атаковали чистенькие, но агрессивные старушки-эмигрантки. Они возбужденно кричали, что кино это неправдивое, что их юность в СССР была совсем другой, и страна была другой — опрятной, духовной, и молодежь в ней была чистой. И только на один вопрос старушки ответить не могли — отчего же тогда эту опрятную страну они покинули. Старушки обижались и шли домой, толкая о несомненных преимуществах развитого социализма перед бездуховным капитализмом. По пути они придирчиво выбирали себе в уличном развале ананасы и киви покрупнее или заходили выпить кофе с дивной ванильной булочкой и все вспоинали, какой чистой была их молодость и какие были вокруг чудесные фильмы, и как все испортилось.

Уж так от века на Руси: всё плюсы да крайности. То убежденность, что мы впереди планеты всей. То всеобщий мазохизм, упорный, самозабвенный, гибельный. Свирепейший комплекс неполноценности и бессильное сознание обреченности. Тешиться этим комплексом опасно, мазохизм — одна из причин наступившей апатии. Не уверен, что достойное дело — добывать Могила — в конечном итоге отдельное право каждого. Но звать в нее? Добиваться новой Гайаны?

На безрыбье довольно слабого в этом году конкурса в Монреале приз за лучшее исполнение женской роли получил фильм «Собачий пир», где повторена фабула «Вокзала для двоих», только на уровне люмпенов. Режиссер Л. Менакер положился на хороших актеров, и потрясающая Гундарева, без режиссера-то, сыграла модный физиологический очерк, опустившуюся пьянчужку из вокзального туалета. Любая степень физиологизма возможна, если есть сочувствие. Иначе смотреть стыдно и тягостно. Фильм горит одной, но пламенной страстью — попасть «в струю». Победить в кроссе «чернух». Распад, как перманентное состояние души ветского человека, становится зрелищем.

Собачий пир новой конъюнктуры.

«Благословенны родные и близкие наши, которым повезло умереть раньше нас» — этими словами заканчивается фильм А. Сокурова «Круг второй». Сильный и убежденный, медленный, дающий прочувствовать тягостность и непереносимость жизни. Парень готовит к погребению отца. Жалкого, брошенного, нищего. В жалкой, нищей, заброшенной хибаре. Обмывает,

спит рядом, за неимением места. Отцу действительно сейчас много лучше: смерть — хоть покой. А жизнь такая уж и на муку не оставляет сил. Как все у Сокурова — страшное свидетельство не быта, но состояния духа. Долготерпение — единственно достойный удел. Не реагировать на окружающий распад, на бессердечие, хамство. Смотреть в застывший зрак надвигающегося небытия и, в преддверии, жизнь перетерпеть.

«Круг второй», разумеется, не «Собачий пир». Там — веяния, здесь — философия. «Круг второй» останется в искусстве, со своей пластической силой, с корнями, уходящими в бездны великой литературы. Даже с неточно работающими актерами (Сокурову это, по-видимому, неважно, он хочет быть выше достоверных деталей). Останется как свидетельство крайнего кризиса. Ему цены не будет в истории. Нам, сегодняшним, от этого не легче. Фильм до массовых экранов не доберется и им не предназначен. В сегодняшнем сознании, сформированном вечными киноаттракционами, неизбежно остался бы лишь зовущий, загадочный зрак смерти. Это кино для другого мира, более благополучного и жизнеспособного.

Опешившие канадцы воспринимали фильм как откровение, многие сочли его лучшим из показанного. Но все равно спрашивали: почему так мрачно? почему так взвинчена дама из похоронного бюро? почему так медленно? «Это ваши проблемы», — был ответ. Режиссер прав: объяснять кино — последнее дело, там все должно быть сказано. Он надеется быть услышанным, хоть на словах безразличен к успеху.

Это его и наши проблемы, что зрак смерти оказался поставленным на поток. В кино. В сознании критики. «Шаг влево, шаг вправо — расстрел»; кто про оптимизм — тот не с нами. От слова «соцреализм» рефлекторно поджимаются губы. Слово это придумано у нас, но понимание искусства, способного быть выше бытовых констатаций, существовало всегда и везде. Так что, изгоняя «соцреализм», мы не столько гоним примитивную утилитарность в искусстве, сколько загоняем оное в рамки новой конъюнктуры.

Режиссер Г. Панфилов в рамки не захотел. В эпоху борьбы с соцреализмом он взялся за «Мать» Горького, основоположника соцреализма. Это было безумием: фильм не хотят смотреть даже критики — ибо «Мать», ибо постылый Горький. Ибо, наконец, Панфилов, еще недавно один из самых «левых» серьезных художников, но — несуетных, что и обеспечило ему неожиданную репутацию «неприкасаемого». Сейчас «неприкасаемых» полагается бить; бить Панфилова пока

не за что, но во всем уже видно предстартовое напряжение великой сечи.

Вопреки многим Панфилов продолжает считать Горького большим писателем. И «Мать» склонен прочесть не на уровне конъюнктуры, ни «той», ни нынешней. Он сделал фильм о последних романтиках, без которых скудеет и становится бессильной земля. Фильм о порыве к свободе и достоинству. О судорожном глотке этой свободы перед тем, как плодами романтического порыва воспользуются другие. Фильм, пожалуй, поучителен и для сегодняшних неоперившихся демократов, хотя там и нет дешевой «актуализации». Только очаровательная — иначе не скажешь — сцена с Лениным в чистеньком лондонском далеке: слегка отдает злободневным фельетоном.

В ряду показанных в Канаде, по-видимому, лучших советских лент картина Панфилова была одним из последних бастионов профессионализма. В ней наслаждаешься актерами, типажам, живописью кадра, атмосферой, звуком, ритмом — в ней безупречно владение киноязыком, который у нас теперь так груб и неопрятен, что иной покажется уже и старомодным. Наконец, в ней Чурикова, великая актриса наших дней...

Крупнейшее событие фестиваля — «Лебединое озеро. Зона» Ю. Ильенко по сценарию С. Параджанова. Трагическая фреска в лучших традициях украинского поэтического кино — фильм о человеке в расчеловеченном мире.

Заклоченный (в титрах он так и обозначен: Человек) пытается бежать из зоны. Прячется в гулком чреве огромного жестяного серпала молота, одного из тех пропагандистских монстров, какие, я уже не знаю, отнесены ли новейшим президентским указом к неприкасаемым памятникам истории и культуры. «Памятников» таких в зоне СССР, как известно, пруд пруди. Человека ловят, возвращают в лагерь. Обычная «чернушная» киноистория? Все вокруг омерзительно одичало — нравы, быт. Утрачены цивилизованные навыки. Ирреальное — вот ужас! — реально. Узнается «от» и «до». Добро в людях либо истреблено, либо загнано так глубоко, что глаза — пусты. Даже припадок гуманизма — акт переливания крови умирающему — первобытен, нелеп, сцена из жестокого фарса.

Фильм жесток. Но он — правда. По высшему счету. К бытоподобию Ильенко не стремится — он поэт, он превосходный оператор, он умеет даже физиологично поднять до поэзии. И потому фильм, полный страшных деталей, словно бы стоит над ними. Страна-лагерь, страна-зона не способна сломить человека, пока в нем живо достоин-

ство. Тогда даже добровольная смерть предстанет актом освобождения.

Но в могилу фильм не зовет. Своей жизнестройкостью Человек у Ильенко сродни героям Джека Лондона. Он несет в себе высшую силу и мудрость, позволяющую с брезгливостью отстранять от себя грязь, тлен, проказу окружающего. Сверхчеловеческого в нем нет — просто его не сломала система и он не стал рабом. Это фильм, удивительным образом не затронутый общественной анемией, он полон энергии, ненависти и любви. И если он, как и положено явлению искусства, выражает реальный дух сегодняшней пробудившейся Украины, мне остается позавидовать братьям: народ, способный рождать произведения такой силы и страстности, уже не болен.

— Гуд бай, компартия, о! Чао, бамбино, сорри! — спели нам по канадскому телевидению из Киева.

Впрочем, не знаю, можно ли писать о фильме «...Зона» в статье о советской программе. Фильм сделан в сотрудничестве с канадско-американской компанией «Видео-Украина», и режиссер настаивал, что в советскую делегацию он не входит. Ибо — «Советского Союза больше нет». А стало быть, и кино.

Получив в свое распоряжение западные технологии, Ильенко не работает, однако, «на экспорт», он остался украинским художником и, как его герой, сохранил достоин-

ство. С бравадой, с вызовом, но — достоинство. Что вызывает уважение.

Никита Михалков показал «Авто-стоп», рекламную картину для итальянского ТВ — сибирские снега и русский мужичонка с беременной бабой, дивящиеся на достоинства итальянского лимузина. Разиньте рот! — в нем сами опускаются стекла и есть гудок.

Марина Голдовская сделала честную ленту о перестройке, о социальных процессах, о семье и опасной работе тележурналиста Саши Политковского из «Взгляда» — для американского ТВ.

Советского кино больше нет?

В канадцах пленяет патриотизм. Ощущение страны молодой и бурно развивающейся. И то, что за канадские фильмы они умеют болеть, как наши за «Спартак». Надо слышать реакцию эдешнего зала, когда идут канадские картины. Слово в зале одни родственники авто-ров. Вероятно, согретое всеобщей любовью, канадское кино, которого еще вчера как бы не существовало, становится по-настоящему интересным и значительным. Желая рассказать о нем в издании более специализированном, а пока мне важно сделать акцент на слове «любовь».

Без любви ничего не будет. Ни кино. Ни этого фестиваля, редко-стно динамичного и открытого. Ни этой стабильной и, будем честны-ми, в основе — счастливой жизни.

Наша культура больна. Она отучилась любить и излучает остревенелость. Наши фильмы аккумулировали всю ожесточенность общества. Порой — его цинизм, торжествующую глупость, сановную бездарность. И все чаще — безнадежность. Культура перестает быть животворящим ферментом. Она почти разучилась говорить на языке чувств, достойных человека. Прав Ильенко: советского кино, заложившего свои фундаменты в трясине, больше нет.

А новое пока не народилось.

«ОБРАЗОВАНИЕ. НАУКА. ПРОИЗВОДСТВО» — это название малого предприятия.

«ОМП» — это Ваш шанс в кратчайший срок стать владельцем аппаратно-программного комплекса на базе ПЗВМ типа IBM PC/AT стандартной конфигурации производства стран Западной Европы и США всего за 50.000 рублей.

«ОМП» — это возможность приобрести дискеты на 360 килобайт и на 1,2 мегабайта.

«ОМП» — это работа в духе времени — оптовым покупателям предоставляется значительная скидка.

Телефон для деловых контактов: 291-42-87

HANTAREX

STROY

An Intelligent Building Company

Совместное Советско-итало-британское предприятие

РЕКОНСТРУИРУЕТ здания,

СТРОИТ коттеджи,

РЕМОНТИРУЕТ офисы и квартиры,

ОТДЕЛЫВАЕТ помещения с их проектированием и дизайном

С ПРИСУЩИМ ФИРМЕ БЛЕСКОМ И КАЧЕСТВОМ
за свободно конвертируемую валюту.

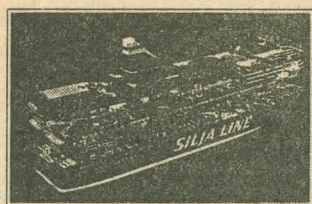

— НАДЕЖНЫЙ ПАРТНЕР.

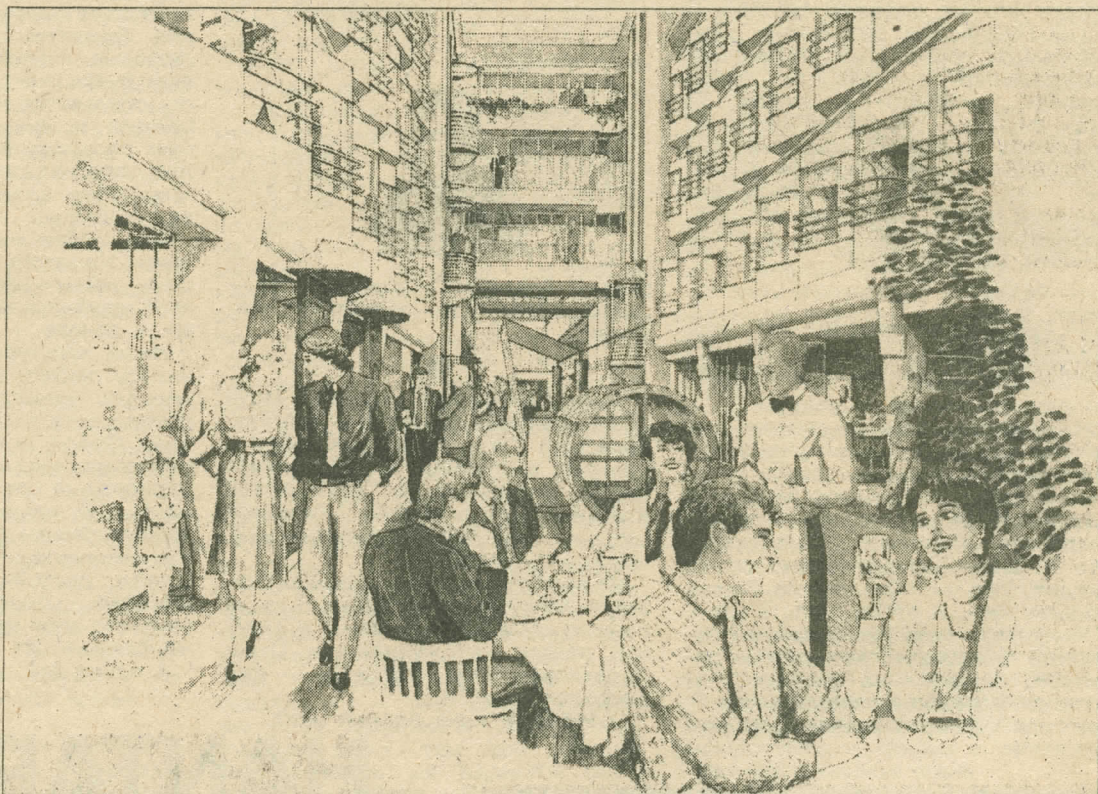
Звоните:

925-33-78

923-55-25

ЕСТЬ ЧЕМУ УДИВИТЬСЯ

Каждый день в шесть часов вечера от причала в Хельсинки отправляется в Стокгольм морской паром — огромное белоснежное сооружение, морской великан водоизмещением 26 тысяч тонн. В тот же час из Стокгольма навстречу ему отчаливает точно такой же монстр. Принадлежат они совместной шведско-финской компании «Силья Лайн». Финны и шведы гордятся своими паромными не меньше, чем парижане Эйфелевой башней, и имеют к тому все основания.

Десятипалубное судно, напоминающее целый город, в котором есть свои улицы, банки, рестораны, магазины, бассейны, автомобильные стоянки, дискотеки, кино-театры и даже детский сад, прибывает в пункт назначения уже в девять часов утра. Казалось бы, зачем все это великолепие, если путешествие продолжается

всего одну ночь? Но таков уровень комфорта, который фирма обязуется предоставить своим клиентам и свято придерживается своих обязательств. Откажись она хотя бы от одной из своих традиционных услуг — и тем самым сыграет на руку конкурентам. А они есть: «Силья Лайн» — лучшая, но не единственная компания, связавшая паромным сообщением две соседние скандинавские страны.

Не менее важно в мире бизнеса, к которому мы начали сейчас присматриваться, не только обслужить, но и удивить. Вот и «Силья Лайн» решила удивить в ноябре этого года своих клиентов. На трассе Хельсинки — Стокгольм начато регулярное движение еще более крупного парома — «Силья Серенад». Его водоизмещение — 56 тысяч тонн! В 950 каютах он будет перевозить одновременно 2500 пассажи-

ров, а также 450 легковых автомобилей. Одних только ресторанов на этом двенадцатипалубном корабле открыто двадцать. На рисунке вы видите, как выглядит палуба № 7 — чем не городская улица!

Самое удивительное, что воспользоваться этим великолепием может каждый из читателей нашего журнала. Если, конечно, у него или у предприятия, на котором он работает, есть твердая валюта. Фирма «Силья Лайн» заключила договор с советским внешнеэкономическим объединением «Интуртранс», и теперь это объединение может не только купить для вас билет на паром Хельсинки — Стокгольм, но и организовать целое четырехдневное путешествие, включающее в себя перелет в Хельсинки самолетом компании «Финн Эр», поездку на пароме в Стокгольм и обратно и возвращение в Мос-

кву, а также экскурсии в двух скандинавских столицах. Корреспондент «Столицы» уже совершил такое путешествие и может засвидетельствовать, что впечатлений он получил массу.

С выходом на линию Хельсинки — Стокгольм морского парома «Силья Серенад» число пассажиров, перевозимых компанией ежегодно на одной только этой линии, перевалит за миллион. Вот еще один повод удивиться. Ведь во всей Финляндии менее пяти миллионов жителей да еще восемь миллионов — в Швеции. Обе страны связаны воздушными, железнодорожными, автомобильными линиями, но если их жители все иным способом передвижения предпочитают старый испытанный морской путь — значит, это о чем-нибудь говорит.

А. М.

В начале 70-х годов Андрею Демькину было немногим более двадцати. Но уже тогда он казался старше своих лет, старше своих сверстников. Не внешне. Скорее — по самоощущению. Послеоттепельная пора принесла в мир творчества неприкаянность. Кто-то ходил в непризнанных гениях, кто-то туманно распространялся о некоем жизненном предназначении... Андрей еще в детстве однажды и навсегда почувствовал себя художником. И, не оглядываясь на моду, на других, не питая надежд на официальное признание, упрямо работал: штрих за штрихом, мазок за мазком создавал собственный изобразительный язык. Ясная уверенность в том, что результат работы — не выставка, а законченность графического листа или картины, что подлинный судья произведению — не критик и не зритель, а сам автор, передалась ему, вероятно, от его учителей: старшего друга — Бориса Свешникова, педагога Андрея в художественной школе — Михаила Рогинского. Внутренние убеждения словно заключили Андрея Демькина в спасительный круг, защитивший его даже от помысла покривить душой, поступиться принципами ради известности. Но этот же круг поместил его в вакуум: несколько групповых квартирных выставок, выставка в закрытом НИИ — вот и весь его послужной прижизненный список.

Успех сопутствовал Андрею в книжной графике. Но главным делом неизменно оставалась живопись. Он одержимо писал, порой сутками, почти без отдыха. Картины рождались мучительно, медленно. Но того, что создано кистью Андрея, хватило бы, пожалуй, не на одну творческую жизнь.

Андрей редко писал чьи-то портреты («Портрет Иры Головинской», «Портрет Гали Хаванцевой»...). Чаще изображал себя: себя — ослепленного, себя — без

«...Прошлую жизнь не стереть»

(из песен А. Демькина)

лица, себя — из далекого, знакомого лишь по книгам, прошлого, себя — в будущем, в возрасте, до которого он не дожил.

Словно в театре одного актера, Андрей примерял, срачиваясь с ними, судьбы разных людей. И не отличить чужое от личного, реальное — от фантазии. То он, затерянный в горстке крошечных человеческих фигурок, неотвратимо летит в воронку песочных часов, то большим, грузным телом бессильно опрокидывается в провисающий до земли шезлонг, то одиноко сидит в кресле, будто над пропастью, на самом краю крыши слепого мрачного дома...

Отталкиваясь от литературного замысла (он рос в семье писателей — Галины Демькиной и Георгия Балла), Андрей работал, нащупывая пластические, цветовые эквиваленты принятым на себя человеческим переживаниям. Его картины предметны. В каждой из них разворачивается собственный сюжет, который, казалось бы, мог быть легко пересказан. Однако первая же попытка — и рассказа в помине нет. Вместо него — пульсирующий комок сконцентрированного в холсте авторского духовного напряжения.

С этого номера издательство «Интерпракс» открывает на страницах журнала рубрику «Арт-салон».

Мы будем рассказывать о художниках, публиковать фрагменты из посвященных им изданий.

Рубрику ведет С. Morgenштерн.

Даже в «бытовой» серии Андрей не отстраняется от изображаемых вещей, не созерцает предметы любопытным взглядом художника, но растворяется в них, проникает в их жесткую, неподатливую плоть, разделяя индивидуальностью, социальной судьбой, характером. Обычно в таких работах в центре холста — одна-единственная вещь, и в ней сосредоточено все многослойное содержание произведения. Бесконечное число ассоциаций рождает агрессивная мясорубка с нагло вздернутой кверху ручкой-хвостом («Памятник взбесившейся мясорубке»), старый умывальник — живой свидетель страстей убогой московской коммуналки...

В 70-е годы Андрей жил на Овчинниковском — в самом центре Москвы. Гости ходили в дом косяками. Появлялись случайные люди, но была и своя компания: Валера и Римма Герловины, Лева Рубинштейн, Андрей Монастырский, Наташа Шибанова, Ира Нахова... На кухне под абажуром за круглым, с нескончаемыми чаями, столом время от времени завязывалась игра в другую, невероятную по той поре жизнь — какое-то «ассорти» из разных эпох, смесь вымышленных, действительных и вычитанных ситуаций. И кухня перевоплощалась в плавучий островок не высказанных в реальности устремлений...

Иногда Андрей брал в руки гитару и пел — песни Высоцкого, Хвостенко, свои собственные... На звук гитары, на шум голосов в кухню — «пообщаться с молодежью» — заглядывали Андрюшины родители: Галина Николаевна с расспросами, Георгий Александрович с ироничными оценками событий и людей. В демькинском доме не возникало проблем «отцов и детей». Все разговоры велись только на равных. Здесь уважали друг друга, в каждом ценили талант, умение серьезно работать. Однако о том, что между матерью, отцом, сыном суще- 63

стует редкое в семьях единое творческое духовное поле, ни Георгий Александрович, ни Галина Николаевна, ни Андрей тогда, в 70-е годы, еще не догадывались. Это стало очевидным много позже, потом, и окончательно выяснилось, когда родилась идея книги «Дом из дождя».

Роман о художнике (Андрее Демьякине) — так определили жанр книги ее составители. Но есть в этой детерминации некая неожиданность: роман «Дом из дождя» — серия сюжетно не связанных между собой рассказов Георгия Балла. Общий сюжет, тем не менее, есть. Сквозь чувствования ге-

роев рассказов протягивается нить жизни одной человеческой души, нить, на которую нанизаны не только слова, но и цвет, пластика картин и рисунков Андрея Демьякина.

Книга «Дом из дождя» будет выпущена издательством «Интерпракс» в 1-м полугодии 1991 года.

Андрей ДЕМЬКИН

Натяжение минут ослабло, он почувствовал, как прыгающая память выхватывала края буфета, испуганное лицо матери, подтяжки отца, резкий крик не то вороны, не то кошки, разбитую рюмку на полу, грохот упавшей картины в золоченой раме. На картине были изображены часть берега и море с заходящим солнцем. Это он не видел, а знал. Да, еще он наступил на что-то мягкое, кажется, подушку — но уже не думал, — двери распахнулись, на него надвинулась бесконечность. Он подставил ей руки, лицо, глаза — всего себя... Выбежал на улицу. Он чувствовал бесконечность в каждой частице своего тела... Да мы, собственно, и есть частичка, пылинка бесконечности...

— Погоди... Стой... Ну, куда тебя... Ты кто?

— Я... я, — задыхаясь говорил он тем двоим, остановившим его, — я... сейчас отдышусь... Я являюсь частью, может, неформальной частичкой бесконечности или, для понятности, — космоса...

— А куда тебя несёт?

— Ну, просто, когда я это осознал во всей безмерности...

Подшел третий.

— Чего тут?

— Да вот.

— А-а.

Тот первый, который задавал вопросы, опять спросил:

— Ты еврей?

— Нет.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

— Ну-ка покажи руки... Смотрите... Ни одного мозоля.

— Пусть штаны снимет, — сказал подошедший третий.

— Да чего там... И так видно.

— Нет, я не еврей. Но прекрасны кедры ливанские.

Тот первый ударил его в лицо. И он упал. Они начали бить его ногами.

— Смотри, бьют чело-

века, — сказала проходившая мимо девушка своему спутнику.

— Идем отсюда, — дернул ее юноша.

— Бьют человека, — повторила девушка.

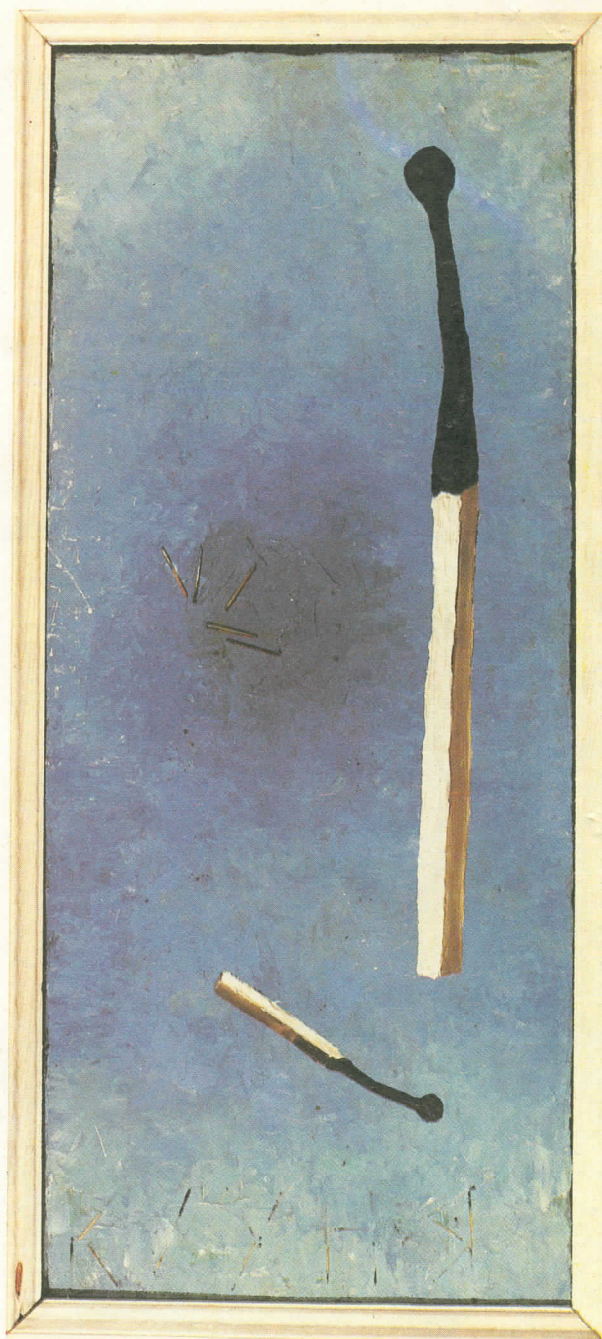
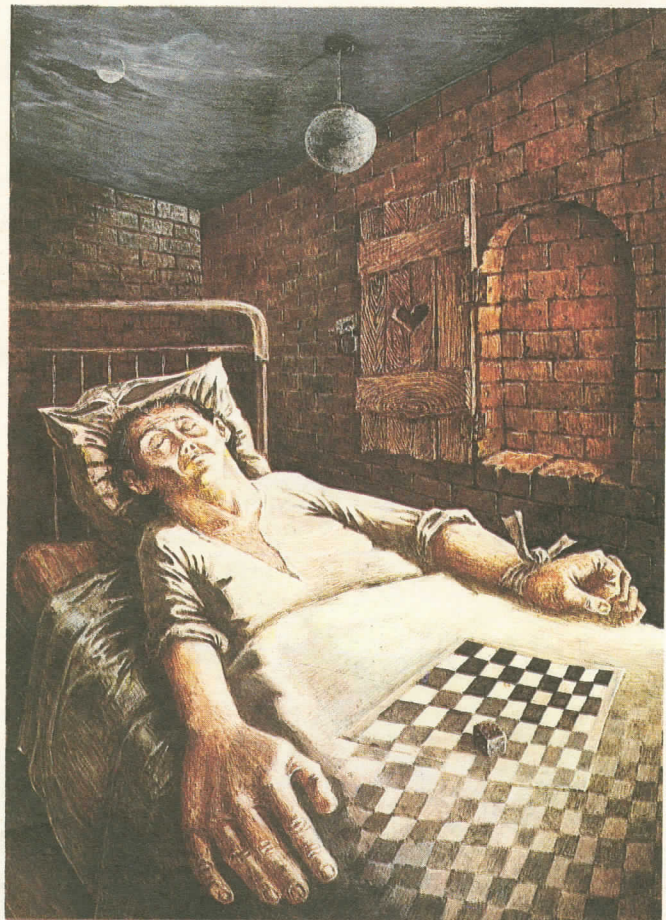
— Идем... идем...

— Прекрасны кедры ливанские, — повторил он.

Бесконечность стремительно на него надвигалась, но он не уменьшался, а расширялся.

— Прекрасны кедры ливанские, — повторял он отрешенно, не видя, что в городе уже идет избиение, что горят дома, что мать его убита в кровати, а отец лежит на полу, рядом с картиной. А он сам превратился в бесконечность. От земного времени он сохранил только свою единственную последнюю фразу:

«Прекрасны кедры ливанские».

А. Демьякин

Сон в больнице (Спящий). 1983 г.

Спички, 1971 г.

Пугало. 1973 г.

